М.А. Монин

Планета Тверь

Культура Тверского княжества периода независимости (1247–1485 гг.)

Издательство Спутник+

Москва 2016

УДК 008
ББК 71
М 77

Рекомендовано для издания кафедрой культурологии Миссионерского факультета ПСТГУ

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета
Сергей Александрович Яценко;

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета
Сергей Викторович Алексеев

Монин М.А.
М 77 Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247–1485 гг.). – М.: Издательство «Спутник +», 2016. – 333 с.

ISBN 978-5-9973-3982-1

Основной теоретической проблемой и методологической трудностью культурологии был и остается вопрос и специфике ее предмета, т.е. вопрос о том, что такое «культура». Следует ли искать основания в политической, экономической, духовной сферах, или, может быть, следует рассматривать культуру как совокупность своего рода поведенческих автоматизмов? Каждый из этих подходов не свободен от внутренних противоречий и, кроме того, каждый из них «растворяет» культуру в области той или иной гуманитарной науки, имеющей сформировавшийся объект исследований и сложившуюся традицию.

Автор книги предлагает свой вариант ответа на данный вопрос. Он заключается в том, что своеобразие культуры – это в значительной мере своеобразие истории ее социально-политической общности. Можно сказать, что здесь имеет место не вторичность культуры по отношению к истории, а их диалектическая взаимосвязь: исторические события формируют повествовательный культурный нарратив, а тот, в свою очередь воздействует на историю, все в большей степени влияя на исторические событий.

Книга может представлять интерес как для специалистов (историков, культурологов, искусствоведов), так и для широкого круга читателей, интересующихся российской историей, культурой, а также общими проблемами культурологии.

УДК 008
ББК 71

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-3982-1
© Монин М.А., 2016

Оглавление:

Предисловие *5*
Введение *7*
Глава 1. Культура между историей и географией *10*
1.1. Географическая среда *10*
1.2. Региональная культура и региональная политическая история *14*
Глава 2. Там, где происходит и пишется история *24*
2.1. Города Тверского княжества *26*
2.2. Монастыри Тверского княжества *61*
Глава 3. Рождение и развитие политической идеи *88*
3.1. Лаврентьевская летопись как часть историографического проекта *88*
3.2. Житие Михаила Ярославовича Тверского: личность, время, место действия *99*
3.3. Летописные повести о князьях Александре Михайловиче (1327 и 1339 гг.) и Михаиле Александровиче (1399 г.) *108*
3.4. Летописные повести из «Тверского сборника»: критическое переосмысление истории *115*
3.5. «Инока Фомы слово похвальное». Итоги тверской политической философии *124*
3.6. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный аналогнезависимого этапа существования тверской культуры *136*
Глава 4. Политическая идеология Твери в ее символических (предметно-образных) отражениях *143*
4.1. Архитектура. Летописные источники и археологический материал. Поиски пересечений *143*
4.2. Тверская иконописная традиция. Явление или присутствие? *188*
4.3. Изображение тверского князя и символика изображений на предметах, принадлежащих князю *207*
4.4. Монеты Великого тверского княжества. Изменчивость и постоянство *225*
4.5. Тверские надгробия: образ пути или его окончания *241*
Послесловие *252*

Приложение 1. Тверское княжество среди княжеств Владимиро-Суздальской Руси. Тверь и Москва. Сравнительная история исторических нарративов ***255***
Приложение 2. Тверские города – отражения в летописях ***288***
Приложение 3. Тверские монастыри ***299***
1. Монастыри, упомянутые в летописях и других документах периода независимости ***299***
2. Монастыри, упомянутые в писцовых книгах XVI в. ***300***
3. Монастыри, упомянутые в документах XVI–XVII вв. ***304***
4. Монастыри, известные из устных преданий ***306***
5. Монастыри, находившиеся предположительнов границах Тверского княжества ***308***
Библиография ***309***
Список сокращений ***332***

Предисловие

Возможно, полистав эту книгу, читатель решит, что у него в руках историко-краеведческий труд. Это не совсем так. Начерченный Максимом Александровичем Мониным портрет культуры Тверского княжества собирает вокруг себя темы и проблемы, выводящие нас далеко за рамки локальной этнографии. Это – необычная работа, отвечающая на непривычный вопрос.

Два века политической независимости Тверской земли породили ее цельный культурно-исторический характер, не растворившийся в окружающей этнополитической среде. Но как это было возможно без четких географических границ, без военной мощи и при соседстве с могучими политическими конкурентами, гравитация которых усиливалась тождеством веры, речи и властной традиции? В чем тайна "регионального самосознания", которое оказалось сильнее этих непреодолимых, казалось бы, факторов? Автор считает, что разгадка – в особенностях политической истории Твери, которая развернула ее от экстенсивного самоутверждения к интенсивному самоопределению и позволила тверским князьям и народу создать «параллельный мир» рядом с Великим княжеством Московским.

В книге детально и конкретно рассмотрена эта «траектория исторической судьбы». Повествование движется с логикой и системностью ткацкого челнока, соединяющего продольные нити: ландшафты – города – монастыри – литературные тексты – политические идеи – иконопись – архитектуру – нумизматику – эпиграфику. Острый взгляд культуролога позволяет автору обнаружить то, как отдельные исторические события складываются в предпосылки культурной идентичности, которая начинает развиваться и обогащаться подобно самостоятельному организму; владение огромным и малоисследованным материалом придает рассказу живую фактуальность; философская эрудированность дает право на плодотворные обобщения.

В итоге мы видим, что разговор о Тверской земле превращается – хотел этого автор или нет – в размышления о магической силе малого культурного мира, который иногда и в чем-то оказывается сильнее культурных исполинов. Разве не об этом говорит история античных греческих полисов и немецких княжеств эпохи Просвещения? Мы наблюдаем сейчас, что

планетарный характер современной культуры неожиданно оказался связанным с очевидным обострением чувства региональной идентичности. Кажется, благодаря автору, «малая планета» Тверь может нам объяснить этот парадокс.

Допускаю, что не всех увлечет виртуозная культурологическая реконструкция феномена «тверского мира». Но и тогда читатель не будет разочарован: его ждет встреча с живым образом Тверской земли, нарисованным с любовью и таким вниманием к ее большим горизонтам и ее малым уголкам, что не разделить эту любовь он не сможет.

А. Л. Доброхотов
Доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии Миссионерского факультета ПСТГУ, профессор кафедры наук о культуре Школы Культурологии Факультета Гуманитарных Наук НИУ ВШЭ.

Введение

Задача описать культуру Тверского княжества представляется выполнимой, на первый взгляд, только перечислительно, т.е. в качестве списка находок, артефактов и историко-археологических объектов. Независимое политическое существование Твери было (казалось бы) слишком непродолжительным, и ее сходство с окружающими территориями было слишком большим, чтобы говорить о тверской культурной самобытности. Относительно небольшая территория, значительно уступающая по своим размерам современной Тверской области, окруженная с двух сторон превосходящими ее историческими телами: стремительно растущим Московским княжеством и Новгородской республикой (с третьей стороны находилась также намного бóльшая в территориальном отношении Литва), Тверь, казалось, была обречена на то, чтобы раствориться во внешних влияниях, стать объектом дележа и торга между ее более сильными соседями. Если же Твери долгое время (более 200 лет) удавалось не только выживать, но и быть субъектом политических отношений, то причиной этому может быть только высокая степень осознания своего единства, ставшего основой для культурно-исторической целостности Тверской земли.

Любую культуру можно рассматривать в виде баланса между центробежными и центростремительными силами. В случае с Тверью, как и с любым другим удельным княжеством Руси, таких центробежных сил было достаточно много, чтобы помешать ее политико-культурной кристаллизации: это и отсутствие естественных географических границ, которые отделяли бы Тверь от остальных русских земель, общность языковая, церковная, и политическая (единое наследие мономаховичей). Как известно, в XIV веке Тверь была главным соперником Москвы за владимирское княжение, но, глядя на эту борьбу ретроспективно, трудно не признать эту борьбу для Твери совершенно безнадежной. Даже слабые нижегородские князья, контролировавшие низовья

Оки и значительную часть «волжской дуги», имели более удобное географическое положение для такой борьбы. Территориальное расширение – условие политических успехов соседей Твери, прежде всего Москвы, – было практически исключено для самого Тверского княжества, которое даже в периоды своего усиления (связанного главным образом с ослаблением его соседей), не могло на значительное время присоединить к себе даже приграничные Ржев, Торжок и Углич.

С другой стороны, именно эта территориальная стабильность способствовала оформлению феномена тверского «*регионального сознания*[1]», которое проявляется в частности, в понятии «тверская земля», появившемся достаточно рано в документах тверского происхождения. Но главной причиной, способствовавшей кристаллизации «регионального самосознания», была *политическая история Твери*, а именно те события, которые лишили тверских князей надежд на доминирование в северо-восточной Руси. Антиордынская направленность (в значительной степени вынужденная) тверской политики и идеологии лишила тверских князей политических перспектив, но придала тверской культуре целостность, позволившую ей противостоять всем перечисленным выше разрушительным тенденциям. Некоторым подробностям, этапам и аспектам формирования этой целостности посвящена данная работа. Комбинированный характер используемого материала мешает отнести данную работу к той или иной из сложившихся научных дисциплин но, возможно, не лишает ее краеведческого интереса.

Тот же комбинированный характер материала предписывает определенную логику работе, логику, которую можно охарактеризовать как «движение от материального к идеологическому и далее – к предметному (т.е. соединяющему то и другое)»: территория княжества – города – монастыри – политическая идея – ее различные материальные воплощения.

[1] Термин немецкого историка Эккехарда Клюга

Первые две главы носят по необходимости обзорно-описательный характер. Главы, посвященные тверской литературе, более концептуальны: поскольку именно в литературе идеи, образующие тверскую самобытность, проявляют себя наиболее ярким образом.

Что же касается глав, посвященных архитектуре, изобразительному искусству и мелкой пластике, то они нацелены, прежде всего, на то, чтобы показать, что идея культуры, если таковая имеется, всегда стремится оформить себя не только в слове, но и в предметах, принадлежащих соответствующей культурно-исторической целостности. Но выявление подобного рода «предметного оформления» некой идеи – это вопрос интерпретации, что всегда означает известную предположительность подобных отношений. Отсюда бóльшая, сравнительно с другими частями работы, гипотетичность последних глав.

Глава 1. Культура между историей и географией

1. 1 Географическая среда

Территория Тверского княжества, нанесенная на современные географические карты, располагалась бы в юго-восточной части современной Тверской области и северо-западной части Московской области. В Тверской области это соответствует районам: Зубцовскому (за исключением р. Вазузы), небольшой территории на востоке Ржевского района, Старицкому, Калининскому, Конаковскому, Кимрскому, Кашинскому, частично Калязинскому, и небольшим территориям на юге Рамешковского района. В Московской области это Клинский и Лотошинский районы (полностью), а также небольшие территории на севере Волоколамского района.

Расположение территории княжества как бы повторяет направление русла главной тверской артерии – реки Волги, которая, начиная от Зубцова, меняет юго-восточное направление на северо-восточное. Волга протекает по территории княжества на протяжении примерно 300 километров, всюду находясь достаточно далеко от границ княжества. В районе Зубцова Волга имеет в ширину 100 –150 метров, быстрое течение (до 1 м/с.), но перекаты и пороги остаются выше, в пределах территории Литвы; ниже Зубцова глубина всюду достаточны для судоходства. Практически до самой Твери Волга течет в высоких берегах с частыми выходами известняка, добыча которого издавна велась в районе г. Старица. Ниже Твери Волга расширяется, достигая в районе Калязина 500–700 м. (сейчас это территория Угличского водохранилища).

Волга на данном участке – становой хребет Тверского княжества. Самые первые упоминания в летописях этой части верхневолжского бассейна связаны с борьбой суздальских и новгородских князей за контроль над этими территориями и пролегающими здесь торговыми путями. По всей видимости, новгородцы освоили эти земли раньше, и находящиеся ныне в

Ил. 1-2. Вверх. Волга в районе г. Старицы; «Старицкие ворота». Низ. Впадение реки Вазузы в Волгу.

Ил. 3—6. Верх. Река Шоша в районе города Микулин. Низ: река Вязьма в районе деревни Новый Городок; слева – курганы около деревни Табуково; справа: курганы около деревни Дуденево.

Тверском музее Стерженский и Лопастицкий кресты, поставленные новгородцами еще в первой половине XII века, показывают стратегическую важность для Новгорода верхневолжских путей в те времена, когда «залесская Русь» еще находилась в стадии формирования собственной государственности.

Все остальные реки, протекавшие по территории тверского княжества, были, естественно, притоками Волги, но лишь один, из числа доступных для судоходства, протекал по территории княжества на всем своем протяжении: это река Шоша, правый приток Волги, которую также можно назвать связующей артерией княжества, ведь на ней, возможно, находилось несколько городов: в среднем течении Микулин (ныне село Лотошинского района), в верхнем – село Хлопово Городище, которое археологи идентифицируют как город Красный холм, и, наконец, в низовьях, где мог находиться город Вобрынь (урочище «Городище»).

Целиком тверскими были, соответственно, левые притоки Шоши: Вязьма и ее левый приток Десна (тверское название последней – Скорбь, или Скобра). Как по руслу Шоши, так и ее притоков много археологических памятников (курганов и поселений) раннего железного века и раннего средневековья (XII–XIII вв.). Еще один правый приток Волги, река Тьмака, текущая недалеко от Волги и параллельно ей, с известным Желтиковым монастырем в нижнем течении, была также полностью «тверской». Из правых притоков Волги полностью по территории княжества протекали только небольшие речки: Холохольня, впадающая в Волгу на излучине чуть ниже Старицы (на Холохольне недалеко от устья находился упоминаемый в летописи Семенов городок), и Созь, вытекающая из озера Великое (к северо-западу от Твери), на которой, среди болот, находился один из старейших монастырей тверской земли, «Преображенский на Сози».

Некоторые историки там же располагают и один из городов Тверского княжества, очевидно, опираясь на «Слово похвальное» Фомы инока, об основании князем Борисом Александровичем города «Троки» на острове среди озера. Остальные левые притоки

Волги были тверскими только в нижнем течении: Тьма, в границах тверских земель усеянная монастырями (а на границе располагался и укрепленный городок), Тверца, Медведица, Яхрома и Кашинка. Нижнее течение Медведицы было естественной границей между кашинскими и собственно тверскими землями. При взгляде на карту становятся видны «географические основания» попыток кашинских князей добиться независимости от Твери: вся северная часть княжества представляет собой анклав, отделенный от остальной территории княжества массивом болот, местностью, практически незаселенной тогда и впоследствии. Еще один подобный массив болот расположен к западу от Старицы, и долгое время являлся естественной границей между тверскими и литовскими землями.

1.2. Региональная культура и региональная политическая история[2]

Кажется очевидным, что самобытность региональных культур следует искать главным образом в их «низовом слое»: в сфере сохраняющихся местных традиций и обычаев. Подобная самобытность может существовать на уровне отдельных местностей, населенных пунктов и даже на более частном уровне, например, отдельных семей. Какой-либо политической субъектности она не требует и, как правило, находится в прямой зависимости от степени автаркии так или иначе локализованного места проживания ее носителей. Подобного рода самобытность является объектом этнографических исследований, но в том случае, когда она включена в более широкую языковую, религиозную, политическую общность, полноценной культурой ее назвать все же нельзя. Можно сказать, что местная самобытность неисторична в том смысле, что в ее основе не лежит история (в обоих смыслах слова: в смысле рассказа и в смысле исторического процесса).

[2] См. также Приложение 1.

Культурное своеобразие Тверского княжества, насколько о таковом вообще имеет смысл говорить, напротив, могло существовать только в связи с его политической историей, но не в том смысле, что политическая (хотя и всегда относительная) независимость Твери была благоприятным фактором для развития собственной культуры, но в том, что эта независимость, находясь под постоянной угрозой, стремилась найти собственное обоснование как в привлечении различного рода исторического материала, так и в создании идеальной проекции самой себя и своих героев. При этом нужно заметить, что культурная история Твери не является слепком ее политической истории: ее инициируют только те события (сами по себе, возможно, случайные), значение которых далеко выходит за границы собственно Тверского княжества. Поэтому выделение Твери в самостоятельный удел в 1247 году было началом ее политической, но не культурной истории. Получение первым тверским князем Ярославом Ярославовичем великого владимирского княжения (1264–1271 гг.) также не влечет за собой никаких видимых изменений: Тверь по-прежнему почти не упоминается в летописях, а сам тверской-владимирский князь Ярослав не выглядит активной политической фигурой. Старший сын Ярослава Ярославовича– Святослав (1271–1285(?) гг.), следующий тверской, но уже не великий владимирский, князь также в лучшем случае лишь создает условия для будущей культуры: при нем, как и при его отце, Тверское княжество практически не ведет войн на собственной территории и, по всей видимости, избегает татарских вторжений.

Событием, инициировавшим тверскую культуру и широко отмеченным в летописях, было строительство в Твери каменного Преображенского собора (1285–1290 гг.) – первого значительного каменного сооружения Северо-Восточной Руси возведенного после ордынского завоевания. Впоследствии Преображенский собор стал главной святыней Тверского княжества, ставшего, вероятно, с XV века, называть себя «Домом Святого Спаса». Строительство собора в Твери было связано в первую очередь с перенесением туда из

Полоцка епископской кафедры; то и другое означало, что Тверь достигла такой степени экономического могущества и политического авторитета, что могла претендовать на первенство среди других удельных княжеств северо-востока Руси.

При следующем тверском князе Михаиле Ярославовиче[3] эти успехи, казалось, имеют все шансы превратиться в устойчивую тенденцию: в Твери возобновляется прерванное татарским нашествием летописание, Великий Новгород с его значительными экономическими ресурсами, признает над собой власть Михаила. Но все эти успехи были в какой-то степени негативным фактором для развития тверской самобытной культуры (поскольку сама Тверь стремилась стать общеполитическим центром северо-восточной Руси), хотя некоторые ее черты были заложены уже в период с 1285 по 1317 гг.

В последующих политических неудачах Твери (закончившаяся поражением борьба с митрополитом Петром (1309–1311 гг.), безуспешная попытка вторичного подчинения Новгорода (1317 г.) потеря князем Михаилом ярлыка на владимирское княжение (1317 г.) и, наконец, мученическая смерть тверского князя в Орде (1318 г.)) можно видеть как следствие переоценки удельным княжеством своих сил, так и симптом разрушения традиционной для удельного порядка системы наследования Всеволодовичами великого владимирского княжения.

Но *для Твери все эти трагические события сформировали важнейшую для образования тверского регионального сознания идею единства и взаимного служения народа и его князя. Именно эта идея вкупе с антитатарским пафосом и идеей братского единства русских князей стала основой для формирования тверской региональной культуры.*

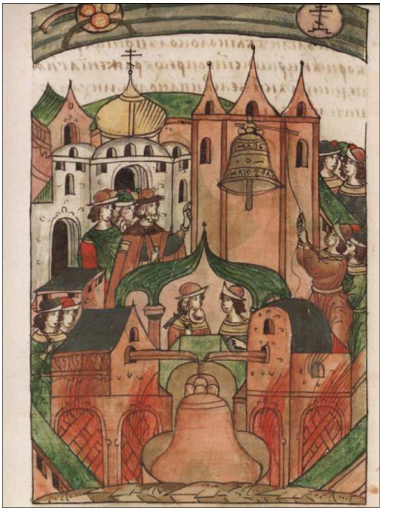
На материале тверской литературы нетрудно увидеть развитие этой идеи на ее, так сказать, различных стадиях. Например, в житии князя Михаила Ярославовича можно заметить соединение двух

[3] Тверской князь с 1285 г., великий владимирский с 1304(5) г.

планов: крайне осторожную речь самого тверского князя и экспрессивную – летописца. Князь Михаил Тверской, в отличие от погибшего в Орде в 1247 году Михаила Черниговского, вовсе не стремится к мученической кончине: по смыслу текста жития, он отвергает обвинение в сокрытии части ордынского выхода, объясняет смерть сестры хана Узбека в Твери несчастным стечением обстоятельств, а сопротивление ордынскому отряду как вынужденный ответ на агрессию московского князя. В ответах своих князь, очевидно, искренен: во время пребывания великим князем владимирским он действительно не давал повода татарам заподозрить себя в нелояльности.

Другое дело – автор жития Михаила: с откровенностью, ранее на Руси неслыханной, он описывает татар как олицетворение всех зол: они лживые, жадные, неустанные сеятели раздора среди князей. При этом отношение к московскому князю Юрию, едва ли не главной причине смерти Михаила, у автора жития двоякое: с одной стороны, он не желает его оправдывать, при помощи цитат намекая на сходство московского князя с убийцей св. Бориса и Глеба Святополком, но с другой, не хочет и слишком очернять; несмотря на затяжную политическую конфронтацию с Москвой, тверская культура, очевидно, не строилась на идее противостояния с соседним княжеством. Житие князя Михаила Ярославовича имело, бесспорно, особое значение для жителей Тверского княжества, но его распространение показывает, что идеи жития были востребованы далеко за тверскими пределами.

Следующее политическое событие, важное и для истории культуры, произошло в 1327 году, когда в ходе вспыхнувшего в Твери восстания был уничтожен татарский отряд и его предводитель, родственник хана Узбека («братанич», по выражению летописца) Чолкан (Щелкан); это уже второй родственник хана Узбека, погибший в Твери. Хотя роль тверского князя Александра Михайловича, который к тому же только что получил в Орде ярлык на владимирское княжение, в восстании не ясна, несомненно, что, если бы он со своей дружиной не выступил



Ил. 7-10. История Тверского княжества в иллюстрациях Лицевого летописного свода (XVI век). Верхний ряд. Слева: восстание 1327 года в Твери и убийство ордынскогопосла Щелкана. Справа: эпизод противостояния Москвы и Твери. Осада Твери войсками Дмитрия Ивановича в 1375 году. Вылазка тверичей и сожжение осадных туров. Нижний ряд. Слева: иллюстрация из «Повести о преставлении князя Михаила Александровича» (1399 г.). Пострижение князя в Афанасьевском монастыре. Справа: отливка в 1403 году больших храмовых колоколов в Твери.

на стороне восставших, (а тем более против них) оно бы не увенчалось успехом. Политическая целесообразность со всей очевидностью заставляла князя предпринять действия, направленные на пресечение восстания, но образ идеального князя, т. е. уже сложившаяся культурная традиция, предполагал, что князь должен быть со своим народом, а не против него, да еще на стороне татар. Князь выбрал традицию, чем вызвал ответный карательный набег татар и москвичей на свое княжество и, в конечном счете, собственную смерть в Орде (1339 г.). Александр был вторым сыном Михаила Ярославовича, первый – Дмитрий – был убит в Орде еще раньше (1326 г.), после того как он сам убил московского князя Юрия, мстя за смерть отца. После смерти Александра оставались еще двое сыновей Михаила: Константин и Василий, почти тридцатилетний период правления которых[4] обошелся без громких событий и может быть назван периодом «второго этапа накопления ресурсов». Вполне вероятно, что для тверской культуры этот этап вовсе не был пустым, но молчание или недоброжелательность источников, тверских в том числе, не позволяет утверждать что-либо с определенностью.

Микулинский князь Михаил Александрович, унаследовавший после смерти Василия Михайловича Тверское княжество (1368–1399 гг.), вновь избрал политику борьбы с Москвой за великое владимирское княжение. Но ход этой борьбы, когда значительная часть Тверского княжества была разорена противником, а сама Тверь (в 1375 г.) едва не взята, ясно показывал, что на самостоятельную борьбу с Москвой Тверь была уже неспособна. Кроме того, в изменившихся политических обстоятельствах борьба с Москвой вступала в противоречие с антитатарской направленностью тверской политической идеи. Характерно, что тверское войско не участвует в походе хана Тохтамыша на Москву 1382 года (в отличие от войска нижегородских князей), и, уже при следующем князе Иване Михайовиче, уклоняется от участия в

[4] Константин: 13391–346 гг.; Василий: 1349–1368 гг., между ними – небольшой период правления Всеволода Александровича.

осаде Москвы Едигеем (1409 г.), затребовавшим тверскую артиллерию.

Итогом долгого княжения Михаила Александровича можно назвать не имеющую аналогов в русской средневековой литературе «Повесть о преставлении князя Михаила Александровича», где на новом историческом материале развиваются идеи, заложенные уже в ранних тверских княжеских житиях: смерть тверского князя показана как общественное событие, почти ритуал, главные действующие лица которого – князь и его народ.

«Тверское региональное сознание» или «тверской патриотизм» получают свое окончательное оформление при князе Борисе Александровиче (1425–1461 гг.), который, насколько можно судить по сохранившимся письменным памятникам, стремился придать тверской культуре определенную стилистическую завершенность. При этом князе ведется активное каменное строительство, составляются летописные своды; его разнообразной деятельности посвящено оригинальное в жанровом отношении «Инока Фомы слово похвальное», сохранившееся лишь частично. Едва ли можно утверждать, что Тверь в этот период стремится главенствовать над всей северо-восточной Русью: со своим подчеркнутым уважением к византийскому императору Тверь даже не настаивает на собственном государственном суверенитете, довольствуясь статусом некой «проекции Византии». «Тверь» и «тверская земля», постоянно упоминаемые в «Слове похвальном» дают основание говорить скорее о «*регионализме»* в его, впрочем, достаточно специфической, «тверской» форме.

Поздний период тверской культуры характеризуется и тем, что некоторые образующие эту культуру идеи как бы обретают «предметное наполнение», а также проникают в сферу частной жизни. Вероятно, это относится к иконописи, которая, если говорить об иконах начала XIV века, традиционно относимых к тверской школе, оказалась очень восприимчива к идеям княжеского служения, выработав своеобразный суровый и сумрачный стиль. Возможно, эти идеи нашли свое выражение в архитектуре:

единственный полностью сохранившийся памятник (церковь Рождества Богородицы в с. Городня), не относящийся, по всей видимости, к числу самых ранних, своим строгим крепостным стилем напоминает тверскую иконопись. С большей определенностью о тверском региональном своеобразии можно говорить на материале нумизматики: тверские монеты, которые Тверское княжество, подобно большинству других уделов, начало чеканить в начале XV столетия, никогда не несли на себе ордынского клейма. Что же касается изображений на монетах, то иногда они достаточно типичны для нумизматики русских удельных княжеств, иногда - встречаются только на тверских монетах.

Гравированные изображения, помещенные на тулье рогатины князя Бориса, и иллюстрирующие, по мнению некоторых исследователей, события тверской истории начала XIV века, или, что представляется более вероятным, события времени княжения самого Бориса, также могут быть отнесены к примерам предметного воплощения политических идей Твери.

Что же касается литературного примера проникновения тверской идеологии в частную сферу, то им вполне может быть еще один уникальный для средневековой Руси памятник: «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Прежде всего, это касается стиля непосредственного наблюдения и переживания, в котором выдержано «Хожение», и который характерен для тверской агиографической литературы. Присутствуют в «Хожении» и обычные для тверской летописной традиции жалобы на несогласия среди русских князей. Конечно, в жанровом отношении труд Никитина непросто приписать к какой-либо литературной традиции, но сама его оригинальность в данном случае тоже аргумент относительно неслучайности того, что Никитин – тверич, ведь многие литературные произведения, появившиеся на тверской земле, также не имеют литературных аналогов.

Можно вспомнить и другие примеры тверского своеобразия, проявляющего себя в «частно-предметной сфере», например,

тверские надгробия с характерным рельефом, который, какой бы содержательный смысл ему ни приписывать, в любом случае указывает на некую подчеркиваемую «особость». При этом традиция тверского надгробия сохранялась долгое время после утраты Тверью политической независимости – как минимум весь XVI век. Разумеется, надгробия – эта такая область, связь которой с определенной политической идеей труднее всего прослеживается, и которую, видимо, и не надо искать. Но все же это еще один пример, указывающий на устойчивость местных традиций, устойчивость, которая, в конечном счете, исходит из политической идеи, сформировавшей саму тверскую культурную идентичность.

Но политическая идея, способная сформировать культуру, оставилапосле себяслед не только в традициях, содержательная связь которых с этой идеей неясна или утеряна. Часто она сохраняется и в качестве идеи, в той или иной степени усвоенной культурой-преемником. Именно это произошло с антиордынским пафосом, который в определенный исторический момент был «перехвачен» у Твери Москвой.

Идея тверского регионализма также не была исчерпана после 1485 года. Выраженная в богатой литературной традиции, она не могла не внести свой вклад в формирующуюся общерусскую политическую и культурную идентичность. Хотя идею тверского регионализма можно рассматривать скорее в качестве оппонента универсализму, ставшему, по существу, официальной политической идеологией Москвы к концу XV века, отдельные его черты сохранялись даже в рамках единого русского государства как на протяжении XVI – XVII веков, так и Нового времени.

Привлечение греческих и западных ученых и мастеров, определенный интерес к зарубежным технологическим новациям, который всегда сохранялся на Руси, предполагали сохраняющееся самосознание культурной периферии, характерное для русских удельных княжеств XIV– XV веков. Подобное самосознание характерно, конечно, не только для одного лишь Тверского княжества, но именно здесь оно проявило себя наиболее ярко, став

в какой-то степени предметом гордости, о чем пишет в своем «Слове похвальном» Инок Фома: тверской князь прославляется всеми народами от востока и до запада, но не военными победами и могуществом, а благочестием и беспечальной жизнью, которую он устроил «въ славней земли, глаголемей Твери».

Вместе с тем образ князя-заступника, князя-мученика, столь значимый и дорогой для тверского политического самосознания, не нашел своего продолжения в московской идеологии и политической практике. Однако неизменное почитание князя Михаила Ярославовича в Твери на протяжении всей ее истории вплоть до сегодняшнего дня создает некую многомерность политического сознания, подобную той, что создается почитанием князей-мучеников Бориса и Глеба. И даже если отказать подобной многомерности в каком-либо существенном значении, нельзя не признать, что тверская культурная самобытность заслуживает интереса и изучения и сама по себе, вне своего последующего культурного влияния, поскольку она оказала значительное влияние на русскую историю эпохи ордынского господства.

Глава 2. Там, где происходит и пишется история

Табл. 1. Города и др. населенные пункты Тверского княжества.

Некоторые города Тверского княжества появляются на страницах летописей раньше появления самого княжества. Помимо самой Твери (впервые упоминаемой, впрочем, не в летописи, а в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» (1163 г.), это относится к Кашину (1237 г.), Зубцову (1216 г.) и Кснятину (1134 г.). Из этих городов первые три сохранились до наших дней, а первые два на протяжении всей истории Тверского княжества играли роль ее важнейших политических центров. Остальные города Тверского княжества были, по всей видимости, основаны тверскими князьями, хотя часто на месте археологически фиксируемых более ранних поселений. Часть этих городов сохранилась до наших дней: это Старица, Клин, Белый городок,

Погорелое городище (в составе Тверского княжества город имел иное название); другие сохранились в виде сел: это Городня (Вертязин), Родня и Микулин; третьи не восстановились после Смуты (Опоки); четвертые не локализованы: Вобрынь, Радилов, Троки; наконец, пятые, скорее всего, никогда не были городами: Святославле поле, Телятьев, Чернятин. Учитывая эти данные, можно признать градостроительную деятельность тверских князей достаточно успешной, по крайней мере, в сравнении с градостроительством нижегородских и московских князей.

Что же касается тверских монастырей, то на основании имеющихся данных можно утверждать, что все они появились уже после образования княжества (т.е. 1247 г.), и в большинстве своем – в XIV столетии, что примерно соответствует аналогичным процессам в московских и нижегородских землях. Однако из упомянутых в документах периода независимости двадцати трех тверских монастырей к 1764 году, когда правительством была проведена монастырская реформа, сохранилось лишь восемь (после реорганизации их осталось шесть): Успенский Желтиков (1398 г.), Успенский Отрочь (1360 г.), Вознесенский Оршин (начало XV в), Дмитриевский Кашин (возможно, 1368 г.), Николаевский Клобуков Кашин (начало XV в.), Сретенский Кашин (первая половина XV в.). К нашему времени хорошо сохранились комплексы Вознесенского Оршина и Николаевского Клобукова монастырей.

2.1. Города Тверского княжества[5]

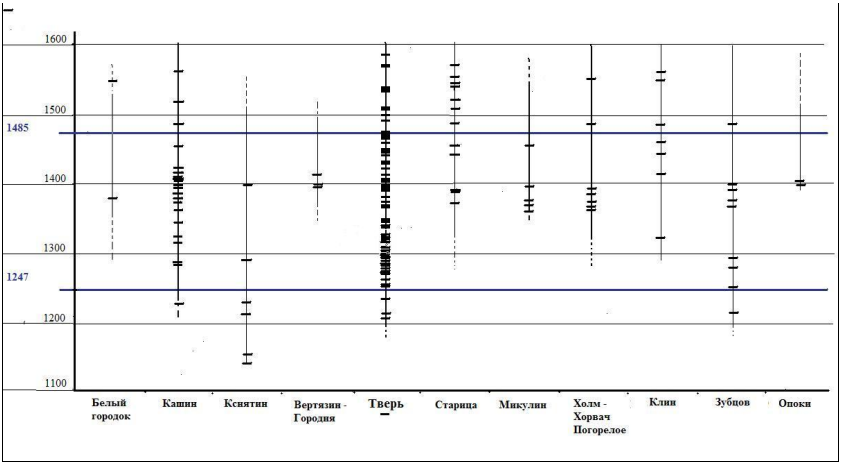


Табл. 2. Летописные упоминания тверских городов

Тверь

Среди всех городов Тверского княжества как с точки зрения внимания летописцев, так и современных исследователей, первенствует, конечно, сама Тверь – политический и культурный центр княжества. Несмотря на то, что облик Твери эпохи независимости можно считать утраченным в гораздо большей степени, чем, например, облик столицы Великого Рязанского княжества (политическая судьба которого во многом близка судьбе Твери), где сохранились земляные укрепления Рязанского кремля, а также – частично или даже полностью – архитектурные постройки удельного времени, облик столицы Тверского княжества все же можно воссоздать, опираясь на более поздние документы: писцовые книги первой половины XVII века, рисунки и планы города второй половины того же столетия, и, конечно, учитывая

[5] См. также Приложение 2.

Ил. 11–15. Верх. Тверь. Рисунок конца XVIII века. Коллекция Тверского Государственного областного музея (далее: ТГОМ). Вид с заволжской стороны. Тверь еще практически в своих средневековых границах; видны остатки городских укреплений. Средний ряд. Ордынская и восточная керамика, найденная в горизонте XIV века в Твери. Коллекция ТГОМ. Нижний ряд: Слева: саркофаг «тверского типа» из Преображенского собора Твери. Справа – верхняя часть каменного креста XV(?) в., найденная в Твери.

материалы ведущихся уже несколько десятилетий археологических раскопок, как на территории бывшего Тверского кремля, так и на территории городских посадов. После утраты независимости город на долгое время прекратил свое развитие. Не способствовали развитию города и карательная акция Ивана Грозного против Твери (1570 г.), и длительное Смутное время. Согласно писцовым книгам П. Нарбекова и Б. Фадеева (1626 г.) в городе Твери в четырех ее посадах: Загородском, Затверецком, Заволжском и Затьмацком – насчитывалось 241 жилых дворов (тяглых, бобыльских и бродящих) и 513 пустых дворовых мест[6]; так что количество в 700 – 750 дворов можно, вероятно, было насчитать в Твери периода ее расцвета – т.е. в середине – второй половине XV века. Скорее всего, мало изменился к XVII веку и профессиональный состав жителей города: каменщики, кирпичники, кузнецы (преимущественно в Затьмацком посаде, об одном из мест которого – около Марфина монастыря – сказано, что это место «преж того пахивали тверские пушкари»),[7] гвоздочники (так же Затьмацкий посад), перевозчики (преимущественно в выходящем на Волгу Загородном посаде), сапожники, калачники, ложкари и пр.

Что же касается оборонительных сооружений города, то, согласно большинству исследователей, общая схема их также почти не менялась на протяжении пяти столетий. В отличие от некоторых других городов Тверского княжества, укрепления Твери охватывали лишь городской центр, не распространяясь на городские посады. На рисунке Мейерберга (ок. 1665 г.), передающем вид на Тверь с заволжской стороны, дана схематичная панорама крепости – такая, какой она, по всей вероятности была и в удельное время. Стены крепости были деревянные; правда, по словам В. Борзаковского[8], каменной была одна из башен, Владимирская (воротная), но шведский инженер Пальмквист,

---

[6]Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь 1901. С.140.
[7]Там же, с.97.
[8]Борзаковский В. С. История Тверского княжества СПб., 1876. С.24.

составивший около 1675 года план и описание Тверской крепости, пишет, что башня эта была только что построена[9]. Тверская крепость была расположена на правом берегу Волги, что было оправдано с точки зрения целей, для которых она строилась первоначально, т.е. как опорный пункт в борьбе против Новгорода (на дальнем от него берегу). Но впоследствии такое расположение делало Тверь легкой добычей для нападения с юго-востока, т. е. со стороны Москвы, что потребовало дополнительных фортификационных усилий, прежде всего, в виде широкого и заполнявшегося водой рва, о ширине которого можно судить по тому, что мосты, переброшенные через ров, имели собственные названия (например, Владимирский мост). Ров хорошо виден на плане Пальмквиста и русском чертеже конца XVII века, опубликованном Э. Рикманом[10].

Не довольствуясь рвом, тверские князья постарались укрепить находящийся в устье реки Тмаки островок, где находился Федоровский монастырь (об основании города, названного князем Борисом «Люблин», подробно рассказывается в «Похвальном слове» инока Фомы). Похоже, именно этот островок изображен на переднем плане рисунка Мейерберга. Во второй половине XVIII века крепость была разобрана, а ров засыпан, хотя вал практически везде еще сохранялся (Рикман приводит план вала, сделанный около 1800 года землемером А. Петиным и находившийся позже в коллекции Тверского музея)[11]. Еще в начале XX столетия, по свидетельству В. Плетнева, можно было проследить остатки валов – особенно при слиянии Тьмаки и Волги. В настоящее время никаких следов вала не сохранилось.

Иногда для уточнения топографии средневековой Твери привлекались иконографические материалы. Так, уже один из

---

[9] Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь. 1903. С.179.

[10] Рикман Э. А. Новые материалы по топографии древней Твери // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее: КСИИМК). 1953. Вып. 49., С.45.

[11] Рикман Э. А. Новые материалы… С. 39.

первых исследователей тверской средневековой культуры Н. Н. Овсянников обратил внимание на находившуюся тогда в тверском Спасском соборе икону, изображающую князя Михаила Ярославовича и его мать Ксению: «На иконе написаны древний кремль города Твери и собор Св. Спаса, крыша которого с кружалами. Такова была крыша и в настоящем соборе, переделанная позднее в четырехскатную»[12]. Позже изображение Тверского кремля с иконы опубликовал Н. Н. Воронин[13], считавший изображение отчасти историческим, отчасти условным (последнее касается, по мнению Воронина, изображения кремлевских стен на иконе). Э. Рикман, полемизируя с Ворониным, находит исторические соответствия как в изображении крепостных стен, так и церквей внутри кремля[14]. Позже ряд авторов высказались в пользу условности всей панорамы Тверского кремля[15].

Однако в изданном позже каталоге «Археологические памятники России. Тверская область» за иконой вновь признается определенное историческое значение, поскольку, хотя сама икона принадлежит к концу XVII столетия, по мнению авторов сборника «подобная иконография могла сложиться раньше, в период расцвета крепости в XV веке»[16]. В пользу правдоподобности изображения на иконе говорит то, что крепостные стены и некоторые здания внутри кремля изображены деревянными. На других иконах примерно того же времени, например, иконах Михаила Ярославовича и тверского епископа Арсения, все здания и стены Тверского кремля изображены каменными, что лучше соответствует проекции Иерусалима, на который ориентировалась

---

[12] Овсянников Н.Н. Указатель тверской старины. Тверь 1903. С. 31.

[13] Воронин Н.Н. Тверской кремль в XV веке // КСИИМК. 1949. Вып. 24, рис.21.

[14] Рикман Э. А. Новые материалы… С.42, 43.

[15] Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. М., 1979. С. 98, прим. 37.

[16] Археологические памятники России. Тверская область. Часть 1 (Электронная версия). Тверь. 2004. С. 37.

иконография любой городской панорамы Руси. Кроме того, изображение тверского Спасского собора на иконе довольно близко к сохранившемуся Успенскому собору Старицкого монастыря (ок. 1530 г.), который мог быть архитектурной репликой тверского собора, созданной одним из последних удельных князей Андреем Старицким (об этом подробнее в главе об архитектуре).

Наконец, археологический материал позволяет отчасти заполнить лакуны в знании различных областей материальной культуры средневековой Твери. Правда, долгое время этот материал составляли случайные находки, бесследно затем исчезавшие. В. Плетнев пишет о многочисленных находках монетных кладов, надгробных плит. Одна из них содержит надпись первой половины XV в. – эту информацию Плетнев заимствует у В. Борзаковского[17], но не ошибается ли в данном случае автор «Истории Тверского княжества»? Во всяком случае, таких ранних надгробий с надписями на территории Руси неизвестно. Кроме этого, Плетнев упоминает находки саркофагов, предметов одежды, украшения, печати, архитектурные фрагменты (изразцы и резные камни), обнаруженные на месте древних каменных храмов Твери.

С 1872 года случайные находки все чаще оказывались в фондах Тверского музея, ставшего к началу XX столетия одним из самых известных губернских исторических музеев. К сожалению, в первой половине XX столетия практически все это было утрачено, и даже ведущиеся с 1970-х годов систематические раскопки кремля и посадов не смогли полностью восстановить потери. Вместе с тем, было обнаружено ранее неизвестное (например, тверские берестяные грамоты)[18]; были открыты фундаменты некоторых исчезнувших каменных строений (например, Успенского собора Отроча монастыря).

---

[17]Борзаковский В. С. История Тверского княжества., С. 24.

[18]Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1 // Советская археология. 1987 г. № 1.; Археологические памятники России. Тверская область. 2003 г.,Ч.1, С. 38.

Наконец, системность раскопок последнего времени сама по себе является источником информации: она позволяет проследить развитие торговых связей, изменения моды, эволюцию различных ремесел, особенности пищевого рациона. Оказывается, что в Твери долгое время были в моде стеклянные бусы и браслеты, считавшиеся прежде домонгольскими[19]; довольно значительное присутствие вещей из Орды может указывать на интенсивный торговый обмен (хотя исследователи осторожно говорят о личных вещах ордынцев, проживающих в Твери, но версия торговли все же кажется более вероятной). По оценкам археологов, условия сохранения в исторических слоях Тверского кремля предметов материальной культуры относительно благоприятны, и, в любом случае, раскопки кремля продолжаются.

Что же касается раскопок на территории тверских посадов, то они, как правило, носят охранный характер, и их результат – характерные тверские надгробные плиты с Т-крестом и денежные пулы – в основном относится к послеудельному времени.

Кашин

По числу летописных упоминаний тверских городов Кашин занимает второе место, намного опережая все остальные города и прочие населенные пункты княжества, уступая лишь столице княжества. Конечно, большинство упоминаний связано с борьбой кашинских князей за обретение автономии и даже суверенитета по отношению к Твери – борьбой, закончившейся окончательным присоединением к Твери лишь за три десятилетия до падения самого Тверского княжества. Но имеются и упоминания Кашина, не связанные с политическими событиями: под 1368 годом

[19] См.: Артемьев А. Р. Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материала раскопа Тверской кремль – 11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001.; Лапшин В.А. Тверь в XIII – XV веках (по материалам раскопа Тверской кремль 11, 1993 – 1997 гг.). СПб. 2009. 534 с., илл.; Лапшин В. А. Тверь в XIII – XV веках. Автореферат на соискание степени доктора исторических наук. СПб. 2011. С.18.

летопись упоминает моровое поветрие в Кашине; под 1412 упоминается «змей велик и страшен», пролетевший над городом (болид?)[20].

Но все же роль Кашина в тверской истории – это по преимуществу роль возмутителя спокойствия, аналогичная роли города Пронска в истории Рязанского княжества[21]. Причину особого положения Кашина среди тверских городов можно отчасти объяснить уже из одного географического положения города: Кашин был (и остается) самым удаленным от областного центра городом в пределах бывшего Тверского княжества (150 км). К тому же на прямой линии между Тверью и Кашиным лежит обширная зона заболоченных озер, севернее которых протекает достаточно полноводная река Медведица, служившая своего рода южной границей кашинских земель. Наконец, расположение кашинского кремля в петле реки Кашинки, почти на острове, делало цитадель удельных князей почти неприступной.

Однако, сыграв заметную политическую роль в истории Тверского княжества, Кашин, очевидно, не сыграл той же роли в его культурной истории: здесь не велось летописание, не велось (почти до середины XVI века) каменное строительство (хотя временами чеканилась своя монета)[22]. Неизвестны также в районе Кашина находки характерных для остальных тверских земель надгробий «тверского типа».

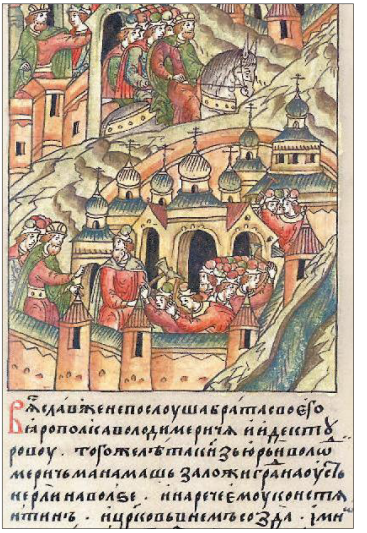
---

[20]Полное Собрание русских Летописей (далее ПСРЛ), т. 11, 219, 221.

[21]Иноземцев А.Д. Удельные князья Кашинские. Эпизод из политической истории Руси XIV – XV столетий // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далееЧОИДР), 1873. №4. С. 31 – 58.

[22]Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского. (К истории борьбы за Кашин в период сложения русского централизованного государства) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии (далее – КСИА), М. 1956, № 65. С.34

Ил. 16. План Кашина конца XVII века, опубликованный Э. Рикманом. На фотографиях показан современный вид мест, на которые указывают стрелки. В настоящее время сохранились западная и восточная стороны земляных валов. На плане север и юг «перевернуты».



Ил. 17–20. Верх. Слева: миниатюра из Лицевого свода: Юрий Долгорукий закладывает город «Константин» в устье реки Нерль. Справа вверху: наиболее возвышенная точка острова «Могильный». Справа внизу: галька из известняка и кирпичной крошки – частей бывшей церкви – и камень с городища Скнятин.

Зато в Кашине гораздо лучше, чем в Твери сохранились остатки средневековых городских укреплений: валы и рвы, более точные, по сравнению с тверскими, планы города и подробные описания его несохранившихся укреплений. Один из этих планов, относящийся к концу XVII века, опубликован И. А. Виноградовым[23]; другой, примерно того же времени, опубликован Э. А. Рикманом[24]. Если на чертеже Виноградова изображен лишь вал, охватывающий посад с напольной стороны (и лучше всего сохранившийся до наших дней), то на рисунке Рикмана представлен и этот вал, и укрепления кремля, сохранившиеся лишь с западной стороны (на рисунке это правая сторона). Кроме того, Рикман приводит в своей статье принадлежащую второй половине XVIII века схему разреза городских укреплений, на которой видно, что самый глубокий и широкий ров отделял кремль от посада, искусственной перемычкой соединяя два изгиба реки (Рикман полагает, что ров мог наполняться водой из реки).

Укрепленная часть города представляла, таким образом, форму песочных часов, дополнительно разделенных валом и рвом в месте соединения двух половинок. Именно от этой, средней части укреплений, ничего не сохранилось (сначала был срыт вал, а затем засыпан ров), за исключением нескольких больших валунов, лежащих, очевидно, в основании вала; один из них, вероятно, сброшенный вниз, на самый берег реки, имеет на себе высеченные знаки и надписи и называется местными жителями «Казак-камень».

В своем отчете И. Виноградов цитирует также переписную книгу Кашина от 1709 года с описанием деревянной крепости города с перечислением названий и описанием состояния ее пятнадцати башен, три из которых: Воскресенская (с напольной стороны), Архангельская и Духовская (со стороны реки) были

---

[23]Виноградов И. А. Археологическая экскурсия в село Кожино и в города Кашин, Калязин и Углич (с 14 снимками). Тверь. 1901. С.33.

[24]Рикман Э. А. Топография Кашина XIV – XV вв. // КСИИМК. М. 1949. Вып. 30, С.64.

проезжими. Последнее согласуется с рисунком Рикмана, где изображено именно три воротных башни, однако всего на рисунке их 12 (а не 15, как в описании), впрочем, в описании сказано, что многие из башен, а также некоторые участки стены разрушились от времени и непогоды. В настоящее время на территории кремля находятся Воскресенский собор и несколько усадеб. Общая длина валов кремля – около 900 метров.

Кснятин

Кснятин (Константин) основан князем Юрием Долгоруким в 1134 году – это самая ранняя дата упоминания среди тверских городов. Летопись сообщает: «того же лета князь Юрий Владимирович Манамашичь заложи град на устье Нерли на Волзе и нарече ему имя Константин, и церковь в нем созда; и много каменных церквей созда по Суздальской власти»[25]. Из летописного сообщения как будто следует, что церковь, созданная Юрием в новом городе, также была каменной. Город упоминается в летописи несколько раз еще до образования Тверского княжества, а с последний раз – в 1399 году, когда после смерти Михаила Александровича его получает вместе с Кашиным и Белым городком сын Михаила Василий.

Историки и краеведы долгое время не знали, где именно находился летописный «Константин», хотя еще В. Борзаковский локализовал город на месте существующего и в настоящее время села Скнятино Калязинского района[26], но все же эта локализация была весьма приблизительной. В. Плетнев принимает за Кснятин городище на левом берегу реки Нерль в полутора километрах от устья, но перечисленные им находки, очевидно, принадлежат не к средневековью, а к гораздо более раннему историческому

[25]ПСРЛ.9, 158.
[26]Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 38.

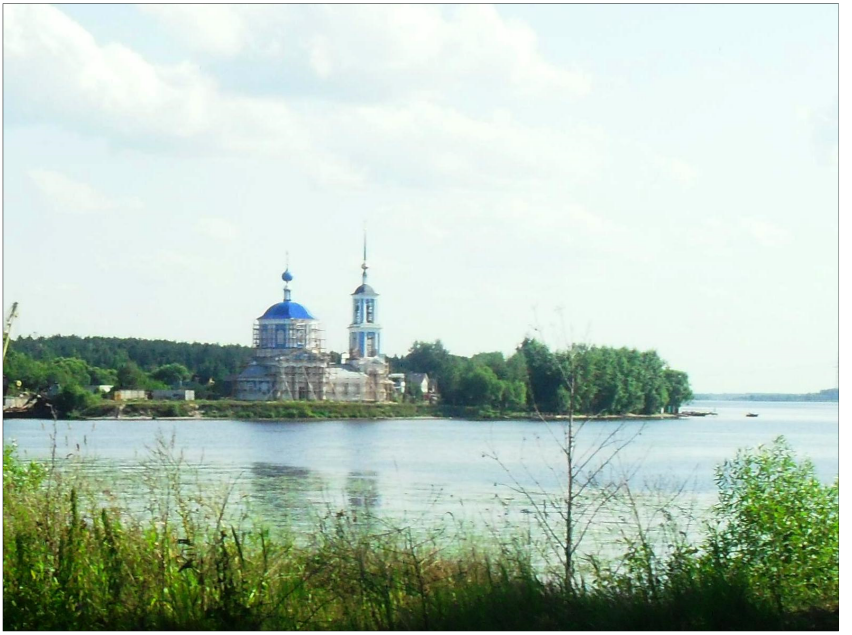
времени[27]. В настоящее время историками принята локализация Кснятина, предложенная Рикманом, в соответствии с которой город находился на самом берегу Волги, в том месте, где Нерль перед впадением в Волгу делает петлю. В этом месте на топографической карте Тверской губернии XIX века показана одиноко стоящая церковь, в то время как деревня Скнятино находится на другом берегу реки Нерль, выше по течению Волги.

В настоящее время вся прилегающая территория, за исключением небольшого островка, где и находилась церковь, затоплена Угличским водохранилищем (существовавшим уже во время исследований Э. А. Рикмана). Островок называется местными жителями «могильный» (там действительно сохранилась надгробия XIX – начала XX века. На месте же церкви и вокруг нее – обилие известняковой и кирпичной крошки и несколько крупных валунов, возможно, со следами обработки. На песчаных откосах соседних островков можно найти фрагменты керамики, в том числе и средневековой. Небольшая коллекция предметов из предполагаемого Кснятина находится в Калязинском краеведческом музее.

Белый Городок

Белый Городок, упомянутый впервые летописью в 1375 году, когда он был взят московскими войсками во время одного из обострений московско-тверских отношений, больше в период тверской независимости не упоминается. Город с таким названием сохранился и принадлежит Кимрскому району Тверской области, но средневековый Белый городок локализуется чуть западнее существующего города, в устье реки Хотчи, на левом берегу Хотчи и на правом берегу Волги. Городок находился достаточно высоко над уровнем воды, и после образования Угличского водохранилища

[27]Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии., С. 288–290.



Ил. 21–23. Верх. Церковь Иерусалимской иконы Божьей Матери в устье р. Хотчи – место крепости Белого городка. Низ. Слева: обработанный известняковый блок на терр. усадьбы ок. церкви. Справа: коллекция материалов раскопок Белого Городка из краеведческого музея г. Кимры.

Ил. 24. Клин. Рис. А. Мейерберга (XVII век). На фото – Успенский собор (XVI век) одноименного монастыря в Клину.

не был затоплен. В настоящее время место бывшего кремля города представляет собой ровную площадку, границы которой определенным образом не обозначены. В центре площадки находится церковь начала XIX века, постройки, относящиеся к верфи, несколько усадеб.

На подмытых водой краях площадки можно найти фрагменты серой и чернолощеной керамики, а также человеческие кости. В некоторых местах площадки и за ее пределами попадаются грубо обработанные известняковые блоки. Напротив места бывшего Белого городка, на другой стороне реки Хотчи, на острове, имеются признаки присутствия там еще одного средневекового поселения. Возможно, это следы существовавшей здесь Пречистенско-Медведевой пустыни. Небольшая коллекция предметов, найденных на территории городка и монастыря, находится в Кимрском историко-краеведческом музее.

Клин

Клин упомянут в летописи под 1317 и 1407 годами – первый раз в связи с походом московского князя Юрия против Твери, другой – в связи с походом Едигея против Москвы. Кроме того, «круг клинский» упомянут в «Слове похвальном» инока Фомы: Фома говорит, что князь Борис Александрович заложил здесь «новый город»; наконец, через Клин в 1478 году идет московское войско на Новгород. Э. А. Рикман полагает, что крепость города Клин относилась к так называемому «кашинскому типу» (к которому исследователь относил помимо Кашина еще и Кснятин), т.е. была вписана в повороты речного русла[28].

В настоящее время сказать, где именно находились укрепления, сейчас едва ли возможно, поскольку все пространство, где оно могло быть расположено, занято плотной городской застройкой. На рисунке Мейерберга Клин назван «селом», и

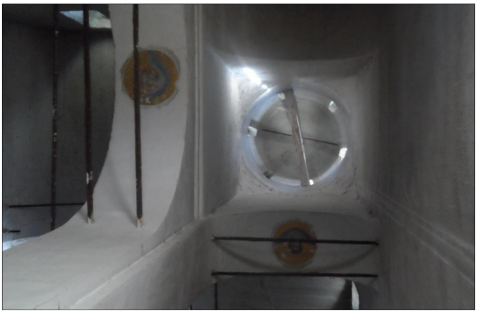
[28]Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. М., 1951. Вып. 41. рис. на С. 76.

укреплений на рисунке нет, хотя само место расположения села – на высоком холме – как будто указывает на пригодность его и для укрепленного поселения. Вообще, рисунок Мейерберга, несмотря на лаконичность, довольно точен, располагая к северу от села здания Успенского монастыря (как и есть в действительности), каменный храм которого существует со второй половины XVI века. Хотя история Успенского клинского монастыря доподлинно неизвестна, его каменный храм необычной архитектуры все же, возможно, имеет некоторое отношение к истории независимой Твери: ведь по преданию он был построен в память об убитых во время похода Ивана Грозного 1570 годажителях Клина; московский царь не мог забыть, что Клин когда-то относился к враждебной Москве Твери. В Клинском краеведческом музее есть небольшая коллекция предметов, о которых сообщается, что они обнаружены в ходе раскопок клинского городища, но она ограничивается лишь несколькими фрагментами керамики.

Микулин

Микулин впервые упоминается в летописях под 1363 годом по поводу «розмирья» между микулинским князем Михаилом Александровичем и тверским князем Василием Михайловичем, происходящим из кашинской линии тверских князей[29]. Вскоре после ссоры тверской князь умирает, и следующим тверским князем становится Михаил Александрович. В дальнейшем Микулин упоминается в летописях в 1371 и 1375 годах – в том и другом случае по поводу взятия этого города войском Дмитрия Донского. Еще раз Микулин упомянут под 1399 годом, когда его получает по завещанию отца князь Федор Михайлович. Наконец, уже на самом закате тверской независимости, Микулин упоминается еще раз: в 1478 году через него идут на Новгород московские войска. Микулин один из немногих тверских городов

[29] ПСРЛ. 11, 2.



Ил.25–28. Верх. Городище Микулин и церковь Архангела Михаила (1559 г.). Вид с запада. Средний ряд. Городище Микулин. Южная сторона. Нижний ряд. Слева: серебряная чаша начала XV в., найденная в земляных валах городища Микулин. Справа: Архангельский собор Микулина.

имел кольцевую систему земляных укреплений, сохранившуюся к тому же до наших дней почти полностью. Крепость в данном случае не мешала поселению, находящемуся на другом берегу реки Шоша. Писцовые книги XVI века говорят, впрочем, о двух Микулинах, находящихся на двух берегах реки (о двух Микулинах говорит также и завещание Михаила Александровича); источники начала XX века также говорят о старинных погостах и часовне на правом берегу реки (укрепленный город находится на левом)[30].

В непосредственной близи от укрепленного города, а также внутри него писцовые книги упоминают до семи церквей, часть из них– монастырские. Писцовые книги XVI века упоминают также о существовании торга в Микулине: «Да в селе ж в Городище торг, а торгуют в нем еженедель по четвергом,… а торгу всего в селе в Городище живущих лавок 21, а пустых лавок выморочных 8»[31]. С высокой вероятностью можно предположить, что торг существовал в Микулине и в удельные времена. Внутри укрепленной части города, практически в самом центре, находится каменный (кирпичный на известняковом фундаменте) собор Михаила Архангела, который в начале XX столетия датировался 1398 годом и считался самым старым храмом губернии[32]. Однако уже А.Н. Вершинский доказал, что собор построен в XVI веке, а именно в 1559 году, в связи с гибелью одного из князей Микулинских, Семена Ивановича, в начале Ливонской войны[33]. Князья Микулинские сохраняли контроль над своим уделом и после присоединения Тверского княжества к Москве до 1579 года, когда

---

[30] Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. С. 143–145.

[31]Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI века. Под ред. Н. В. Калачова. Спб. 1877. С.343.

[32]Историческая записка о селе Микулино-Городище, и древней, в нем находящейся, соборной каменной во имя св. Архангела Михаила церкви. Тверь. 1852.

[33]Вершинский А. Н. Микулинский собор как памятник древнего зодчества. Тверь 1914.

они попали в опалу, и Микулин был отдан Иваном Грозным своему старшему сыну Ивану.

Впоследствии городом владел Симеон Бекбулатович, но в 1635 году князьям Микулинским-Телятевским вновь удалось выкупить свои владения. Источники начала XX столетия[34] говорят о наличии десяти княжеских гробов, стоящих внутри церкви (в настоящее время их там нет). Владелец села Микулин Н. Г. Головнин, считавший себя потомком Микулинских князей, опубликовал в начале XX столетия несколько документов относительно прошлого Микулина, в том числе и так называемую «Микулинскую летопись» (возможно являющуюся подделкой). Писцовые книги конца XVI века упоминают богатый яблоневый сад на территории городища: «да в селе ж в Городище великого князя сад, а в нем 15 яблоней бельцы, 8 яблоней мирону, сучки на старых яблонях, 7 яблоней почечных и с молодыми, да присадных 8 яблонь молодых, да яблонь старая двой (?) сучкир, оркаду 1 яблонь, 9 яблонь плохих; да в саду и двор нетяглый, а живет в нем садовник…»[35], но с какого времени этот сад существует, сказать, конечно, невозможно. Хотя систематических раскопок в Микулине не проводилось, случайные находки были многочисленны: фрагменты вооружения, денежные клады и серебряная чаша начала XV века, находящаяся в экспозиции Государственного исторического музея.

Старица

Старица упоминается в Тверском летописце под 1297 годом, а в остальных летописных источниках под 1375 годом, когда она была взята московскими войсками, а также в 1398 и 1454 году – оба упоминания связаны с постройкой в Старице церквей – Архангела Михаила и Святителя Николая. Старица, таким образом, оказывается единственным, за исключением самой Твери, городом,

[34]Плетнев В. А. Об остатках... С. 143–146.
[35]Писцовые книги Московского государства… С. 343.

где в удельное время существовало более одной каменной церкви. Вероятно, в городе имелся и каменный княжеский дворец, если он не был построен в более позднее время: в XVI веке каменное строительство в Старице продолжалось. Старица – город, где систематические раскопки начались раньше, чем в других тверских городах[36] – еще в 1903 году – и продолжаются, с перерывами, до сих пор[37]. Этому способствует то, что на территории городища практически отсутствует застройка. Вероятно, Старица – лучшее место для изучения материальной культуры средневековой Твери: там сохранились не только фундаменты, но и цокольные этажи древних зданий, а также деревянные вымостки улиц (в Твери сохранность того и другого, по свидетельствам археологов, значительно хуже).

Старицкое городище расположено на левом берегу Волги, в устье речки Старчонки, впадающей в Волгу под острым углом. Со стороны Волги и со стороны Старчонки благодаря почти отвесным берегам обеих рек, город был практически неприступным. С напольной стороны сохранились несколько линий подковообразных валов (хорошо прослеживаются две линии, но, скорее всего, их было три), которые смещались на юг по мере роста города. Сохранился также ров перед последним, самым поздним, валом. Высота вала (по Рикману) – восемь метров, глубина рва перед ним – семь; таким образом, земляные укрепления Старицы можно назвать самыми мощными, превосходящими даже тверские.

---

[36]См.: Шебякин А. П., Крылов И. П. Раскопки в Старице 1903 года // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10 – 20 августа. Тверь 1906. Отдел 2. С. 447 – 464; Симсон П. Ф. Кое-что об остатках древностей, находимых в Старице и ее окрестностях //Тверская старина. 1911. № 4.; Воронин Н.Н. Раскопки в Старице // КСИИМК. 1951. Вып. 38.; Беленькая Д. А. Медная пластика городов Московской Руси // КСИА. 208.

[37]Романченко Н. Ф. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Л. 1928. Т.1.

Ил. 29–34. Верх. Старицкое городище. Вид с севера. На переднем плане – остатки вала начала XIV в. Средний ряд. Слева: территория городища, остатки деревянной мостовой. Ниже: старицкое городище (вид с противоположного, правого берега Волги). Справа: Из коллекции Старицкого краеведческого музея – керамика (XV–XVI в.), полумаска и фрагмент ножен меча (XIV в.)

Городская стена, охватывающая город по всему периметру, была, очевидно, деревянной, но Э. Рикман говорит о сохранившихся каменных блоках в некоторых местах вала[38], об этом же говорят и некоторые свидетельства иностранцев[39], описывающих Старицу во второй половине XVI века, когда там долгое время проживал Иван Грозный. Скорее всего, внешний пояс городских укреплений построен именно при нем. Подобно другим средневековым городам, Старица была окружена кольцом монастырей, из которых полностью сохранился комплекс Успенского монастыря – на противоположном от городища берегу Волги, и, в руинированном виде, здание церкви Вознесенского монастыря – выше по течению Волги.

После Смутного времени Старица, судя по сохранившимся документам, приходит в упадок, как об это свидетельствует письмо представителя уездной администрации: «...в Старице городе острог и башни и дворы в городе все выгорели, и съезжая изба згорела, за твоими государевыми делами, мне холопу твоему сидеть негде в Старице, государь в остроге посадских дворов нет и ныне я холоп твой сижу за твоими государевыми делами в паперти у Бориса и Глеба и туто, государь, в дощь капель, в городовой пожар на паперти кровля сгорела, идет к осени, государь, приюту нет…»[40]

Каменные храмы удельного времени приходят в негодность, и их разбирают в том же столетии (уникальный пятишатровый храм 1558 года, построенный на территории города князем Владимиром Старицким, простоял до начала XIX века). Культурный слой Старицкого городища достигает четырех метров, и раскопки на его территории всегда давали богатый археологический материал. Кроме того, нередки были и случайные находки. В начале XX столетия старицкий краеведческий музей уступал по богатству

---

[38] Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества. С. 75. Блоки видны и сейчас, особенно в восточной части городища.

[39] Поссевино А. Московия. кн. 2.

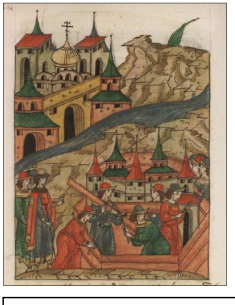
[40] Выпись из архива Министерства Юстиции, относящаяся к 1636 году (Крылов И. Достопримечательности в уезде. Старица: Тип. Крылова, 1916., С.11).

коллекций только тверскому; но, подобно коллекциям тверского музея, коллекции старицкого были практически полностью утеряны во время Великой Отечественной войны. Несмотря на это, благодаря раскопкам позднейшего времени, старицкий музей остается одним из самых интересных провинциальных музеев Тверской области.

Опоки

Город Опоки упоминается летописью под 1399 годом, когда при разделе земель тверской князь Михаил Александрович отдает этот город, наряду с Тверью и некоторыми другими, старшему сыну Ивану, который спустя четыре года укрепляет город и ставит в нем каменную(?) церковь св. Николая. Опоки несколько раз упоминаются в «Похвальном слове» инока Фомы; сообщается, между прочим, что тверской князь посещал этот город во время ежегодного летнего объезда своих земель. Опоки – самый пограничный из всех тверских городов: в двух километрах от него находится Ржев, принадлежавший сначала Литве, затем Москве. Несомненно, что тверские князья заложили Опоки, чтобы иметь опорную базу для своих попыток овладения Ржевом, что им, в конечном счете, не удалось. По своему расположению Опоки больше всего напоминают Старицу: город расположен на левом, в данном месте высоком и крутом волжском берегу, и защищен с одной стороны Волгой, а с другой – оврагом, образуемым впадающим в Волгу ручьем. С напольной стороны город защищает вал и ров, не настолько большие, как в Старице, но все же достигающие, по расчетам Э.Рикмана, пяти метров в высоту и соответственно четырех в глубину[41]. Так же как и в Старице, место бывшего города Опоки находится вне городской черты современного Ржева и свободно от застройки. Едва ли этот город в удельное время имел посад; правда, Н. Е. Макаренка в своем отчете

[41]Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества. С.72



Ил. 35–38. Городище Опоки. Верх. Вид с Волги; ниже – городище Опоки с остатками каменных фундаментов зданий; вид вала с напольной стороны. Низ. Справа: Лицевой летописный свод. Иллюстрация сообщения о закладке Опок (на противоположном берегу Волги – Ржев). Справа: тесаный известняковый блок на территории городища.

об археологическом путешествии по верхней Волге сообщает, что на расстоянии полуверсты от городища вверх по Волге (т.е. ближе к Ржеву) имеется старинное кладбище с «тверскими крестами»[42]. Э. Рикман, ссылаясь на Макаренка, повторяет эту информацию, но только у него кладбище находится на том же расстоянии, но не выше, а ниже по Волге. По-видимому, проверить эту информацию сейчас невозможно, поскольку выше Опок расположена территория одного из ржевских заводов, а ниже – деревня или дачный поселок. В любом случае, Опоки в послеудельное время должны были выйти за территорию городища: город продолжал свое существование до начала XVII столетия.

Вертязин (Городня)

Летописный Вертязин отождествляется с селом Городня Конаковского района Тверской области на основании их соотнесения в писцовых книгах XVII века[43]. Вертязин в числе других тверских городов упомянут во включенном в летопись завещании Михаила Александровича (1399 г.); как и Опоки, Вертязин достался старшему сыну князя Ивану. В дальнейшем Вертязин упоминается еще в 1413 году в связи с пожаром и перестройкой каменной церкви Рождества Богородицы, считающейся сегодня единственным сохранившимся зданием периода тверской независимости. Укрепленная часть города находилась на естественном холме с плоской вершиной площадью примерно 60 на 80 метров на самом берегу Волги, отделенная от остальной береговой линии оврагами, а с напольной стороны – искусственным рвом. Вблизи городища неоднократно

[42] Макаренка Н. Е. Поездка 1903 г. по верхнему течению реки Волги (с 46 рис.) // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 80.
[43] Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 40.

Ил. 39–42. Верх. Городище Вертязин-Городня (ныне – территория церкви Рождества Богородицы (о ней подробнее в гл. 4). Низ. Слева: пожар в Городне в 1413 г. (миниатюра из Лицевого свода XVI в.). Справа: предметы из раскопок в Городне: фигурка лошади (игрушка?) и фрагмент кувшина. Краеведческий музей г. Конаково.

производились раскопки[44], но не на самой его вершине, почти полностью занятой кладбищем, а ближе к Волге, на террасах холма. Небольшая коллекция обнаруженных вещей, в том числе туловище глиняной фигурки лошади (игрушка?), находится в Конаковском краеведческом музее[45].

В отличие от других тверских городов, где земляные оборонительные сооружения сохранились, а архитектурные памятники были утрачены, в Городне-Вертязине произошло обратное, что сделало город и церковь Рождества предметом изучения историков архитектуры. В. Борзаковский говорит, что в Городне сохранились фундаменты других храмов, но едва ли они могли находиться в самом городе: для этого он слишком мал; впрочем, писцовые книги XVI – XVII сообщают о существовании вокруг Городни нескольких монастырей. Историки высказывают различные мнения о времени постройки церкви в Городне: еще Борзаковский высказывал предположение, что церковь могла быть построена в XIII веке[46]. В дальнейшем Н.Н. Воронин дал более позднюю дату: основываясь на летописном сообщении, он отнес постройку верхней церкви к первой половине XV века[47]. Современные историки архитектуры, однако, дают датировку, близкую к той, что дал Борзаковский[48]. Ввиду невозможности по причине отсутствия других сохранившихся памятников проследить

---

[44]Никишин И. И. Наральник из городища Городня на Волге. // КСИИМК. М. 1947.; Тараканова С.А. Археологические работы в Городне на Волге в 1944 г. // КСИИМК. М. 1947.

[45]Об этой находке см. статью С. А. Таракановой.

[46]Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 40.

[47]Воронин Н.И. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. II. М., 1962. С. 339–414; Седов Вл. В. Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне // Новгородские древности. Вып. IV. Сборник статей. М. 1993.

[48] Заграевский С.В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII–первой трети XIV века. М., 2003.

генезис тверской архитектуры, вопрос о датировке церкви едва ли может быть окончательно решен[49].

Учитывая географическое положение Городни (небольшой холм, «прижатый» к берегу Волги), она не могла быть серьезной крепостью; вероятно, поэтому она ни разу не упоминается в описании военных конфликтов, хотя московские войска, движущиеся на Тверь, наверняка проходили здесь, двигаясь по Владимирской дороге, вблизи которой располагается Городня. Скорее всего, Городня, самый близкий к Твери город (35 км), стоящий к тому же на дороге, соединяющей Владимир, Москву, Тверь и Новгород, была своего рода «святыми воротами» в тверские земли, и потому внимание тверских князей к украшению этого города, и, следовательно, ранняя датировка городенской церкви представляются вполне вероятными. Возможно также, что в Городне было нечто вроде загородной усадьбы тверских князей: летопись говорит, что в Городне был «двор княж, много имения княжа и жита»[50]. В силу своего «придорожного» положения Городня в послеудельное время привлекала к себе внимание проезжающих иностранцев: ее упоминает С.Герберштейн, Пальмквист, а Мейерберг оставил рисунок Городни с церковью Рождества, в котором историки архитектуры видят возможное указание на первоначальный облик ее верха.

Зубцов

Из семи летописных упоминаний Зубцова четыре относятся к XIII веку, и первое из них – к 1216 году, когда город был взят князем Мстиславом Новгородским. Два следующих упоминания (1248 и 1286 гг.) связаны со столкновениями с Литвой, а два упоминания, относящиеся к XIV веку (1371 и 1375 гг.) – со столкновениями с Москвой. Три упоминания города не связаны с

---

[49] О церкви Рождества Богородицы в Городне см. главу о тверской архитектуре.
[50]ПСРЛ.11.220.

военными действиями: в 1297 году летопись сообщает, что был «срублен градок» (видимо, возобновлен); в 1393 г. в городе был пожар, а в 1399 году Зубцов получил при разделе земель старший сын князя Михаила Александровича Иван. Подобно Опокам и Старице, Зубцов находится на левом берегу Волги, напротив впадения реки Вазузы, на мысу, омывая который, Волга делает крутой поворот на север, не меняя потом своего направления почти до самой Твери.

Но в отличие от Опок и Старицы, Зубцов находится на низком берегу, в то время как на противоположном высоком берегу (на месте, называемом «Фаустовой» или «Полустовой» горой) находился монастырь[51]. Сохранность земляных укреплений Зубцова относительно хорошая. По наблюдению Э. Рикмана, вал Зубцова имел подковообразную форму, защищая город лишь с напольной стороны[52]. Однако если посмотреть на город с противоположного берега Волги, с высокой «Фаустовой горы», то можно убедиться, что вал Зубцова был кольцевым, но со стороны реки он оплыл, что было характерно и для других укреплений такого типа, например, укреплений Твери. Как и во многих других подобных случаях, городище Зубцова находится вне современного города и свободно от застройки (в северной части городища находится старый яблоневый сад). Нет информации о том, что на территории городища Зубцова когда-либо имелись каменные сооружения, однако там можно обнаружить известняковые блоки со следами обработки, печные изразцы и изразцы, характерные для архитектурного декора. Автором было обнаружено каменное ядро около 10 см. в диаметре. Возможно, все эти предметы указывают на соответствующее производство, имевшее здесь когда-то место.

---

[51]Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 30.

[52]Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества., С.74.Та же информация и тот же план приведены в каталоге археологических памятников Тверской области.

Ил. 43–47. Верх. Городище Зубцов. Вид с юго-востока, с противоположного берега Волги. Низ Слева: Зубцов в Лицевом своде (изображение пожара 1393 года; несмотря на схематизм изображения, видно, что Зубцов находится на низком берегу у излучины реки; на другом берегу – Фаустова гора с Преображенским монастырем). Справа: находки на терр. городища Зубцов: камень с рисунком и пушечное ядро. Внизу: конская шпора XIV в. (из коллекции краеведческого музея Зубцова).

Ил. 48–52. Верх. Остатки средневекового города у пос. Погорелое Городище. Вид с юго-запада. Средний ряд. Слева: вал городища с напольной стороны; справа: шарообразный камень на территории городища. Низ. Слева: городище Родня. Справа: закладной камень из городища Дубна (XII–XIII вв.). Краеведческий музей г. Дубна.

Погорелое городище (Холм? Хорвач?)

Погорелое Городище – название, использующееся с XVI века до наших дней для населенного пункта городского типа, находящегося в Зубцовском районе Тверской области в 25 километрах к востоку от Зубцова. К западу от существующего населенного пункта, непосредственно примыкая к нему, имеется довольно значительное средневековое городище, которое исследователи пытались соотнести с различными пунктами, упомянутыми летописью. В. Борзаковский полагал, что это – «Градок», отнятый в 1367 году московским князем Дмитрием у Михаила Александровича[53]; В. Плетнев полагал, основываясь на местном предании, что Погорелое Городище – это бывший Держиславль (от названия протекающей под городом реки Держи)[54]. Э. Рикман считал, что это – упомянутый в летописи «Новый городок»[55]; наконец, в Каталоге археологических памятников Тверской области Погорелое городище соотнесено с летописным Хорвачом, упомянутым в летописи один раз – под 1368 годом; летопись сообщает, что литовский князь Андрей Ольгердович Полоцкий «воевал Хорвач да Родню»[56].

Вопрос идентификации затрудняет и то, что в районе Погорелого Городища должно находиться еще два городка удельного времени, пока не обнаруженных: Холм и Дорогобуж. Первый из них предположительно идентифицируется с деревней Красный холм, а второй с селом Дорожаево, находящимися в 30 кмк востоку и северо-востоку от Погорелого Городища. В обоих случаях археологический материал недостаточен для окончательных выводов.

Что касается средневековых укреплений Погорелого Городища, то они представляют собой возвышающийся над

---

[53] Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 35.
[54]Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. С.103.
[55]Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества. С.83.
[56] ПСРЛ. 11.С.10.

окружающей местностью примерно на 10 - 12 метров холм, вытянутый с востока на запад и укрепленный валом и рвом только в своих узких местах: с запада и востока. С севера городище защищено естественной преградой: притоком реки Держи ручьем Юмом, южный берег которого – высокий и почти отвесный. С юга к холму примыкает ровное поле, охватываемое с юга Держей.

Территория городища полностью занята возникшим в позднейшее время кладбищем, но в центральной его части находится камень около метра в диаметре, почти правильной круглой формы. С востока к укрепленной части города примыкал посад и, вероятно, кладбище (сейчас здесь стоит памятный крест, у подножия которого собраны обломки старых надгробий). В. Плетнев сообщает о еще восьми старинных кладбищах, существовавших на территории посада; К. Жизневский в «Описании Тверского музея» упоминает о надгробии с Т-крестом на посаде Погорелого городища[57]. Известны многочисленные случайные находки, сделанные на территории городища: боевой молот, монетный клад, потир[58].

Родня

Родня упоминается в летописи под 1368 годом, вместе с Хорвачом в меновой грамоте 1566 года как дворцовое село. Родня находится на высоком и довольно крутом правом берегу Волги, примерно в двадцати километрах южнее Старицы. Характер местности указывает на то, что укрепления здесь могли быть, но, скорее всего, они попали под современную застройку; никаких достоверных известий о них не сохранилось. В конце XIX – начале XX века здесь было сделано несколько случайных находок, относящихся к каменному веку и средневековью (каменные топоры

[57]Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 30.
[58]Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. С. 105–106.

и стрелы, медный образок и др.); все это было передано в Тверской музей[59].

Что касается остальных пунктов, которые иногда идентифицируются как города: Святославле поле, Телятьев, Чернятин, то, скорее всего речь идет не о городах, а об укрепленных княжеских усадьбах, либо о названиях местностей. Некоторые пункты, упоминаемые в источниках именно как города: Радилов, Вобрынь, Троки, упомянутые Холм и Дорогобуж, городок в «кругу клинском» – не обнаружены или внесены в список археологических объектов под другими названиями. Относительно Дубны – городка, основанного еще Юрием Долгоруким на правом берегу Волги в устье одноименной реки, – то, в отличие от основанного примерно в то же время Скнятина, в источниках времени тверской независимости он упоминается лишь в связи с феодальной войной середины XV в., и его отношение к Тверскому княжеству, к которому он, несомненно, должен относиться территориально, в документах не отразилось.

[59]Плетнев. Об остатках древности и старины... С. 94.

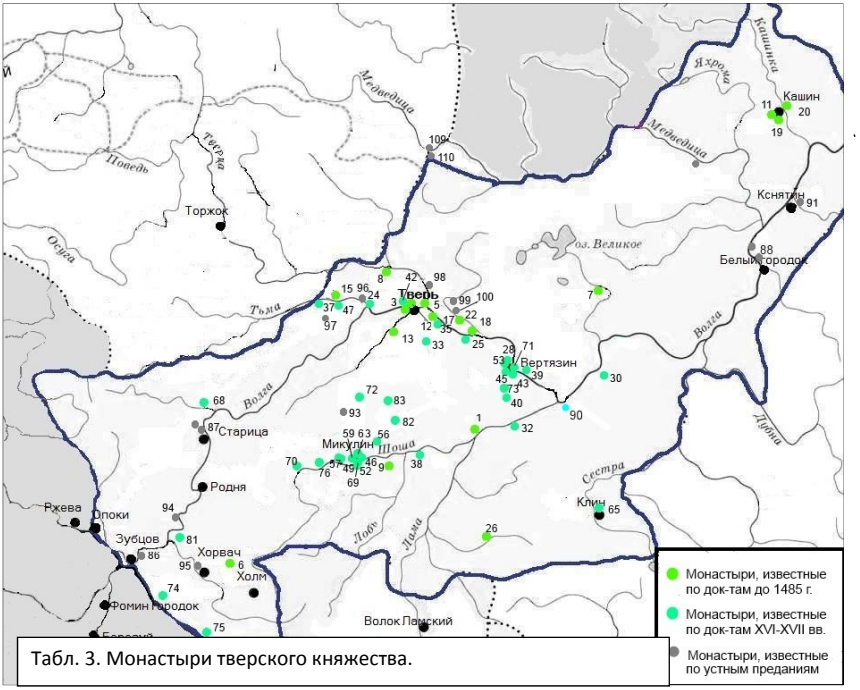


Табл. 3. Монастыри тверского княжества.

2.2. Монастыри Тверского княжества[60]

Наряду с определением политических и хозяйственных центров топология средневековой культуры требует обозначения центров другого рода, и такими центрами являются в первую очередь монастыри. Среди многообразия их социальных функций на первое место, очевидно, следует поставить функцию духовного авторитета. В монастырях парадоксально сочеталась деятельность личного благочестия и социальная функция посредничества между царством земным и царством небесным. Пострижения и вклады в монастырь (которые были главным источником их существования), являлись формой социально приемлемого компромисса между

[60] См. также Приложение 3.

ригоризмом моральных требований к христианину и насущными нуждами повседневной жизни, весьма от этих требований далекими. Монастырь был уходом от мира, но таким, который сохраняет между собой и миром многочисленные связи. На монастырь смотрели как на идеальную форму христианского общежития, но, все же, форму, предполагавшую существование мира вне монастыря.

С социально-экономической точки зрения монастырь предстает, прежде всего, как правовое образование, само возникновение которого предполагает договор между основателем монастыря и владельцем земли. Отношения с миром, когда монастырь получает от него материальные, а сам дает ему духовные блага, неизбежно ведут к документализации собственности и хозяйственной деятельности монастыря.

Это означает, что в отличие от города, который может быть фиксирован на археологическом уровне благодаря укреплениям и мощному культурному слою, монастырь фиксируется, прежде всего, на основании сохранившихся документов: писцовых книг, духовных грамот и т. п. Монастырь нельзя увидеть, и сами по себе материальные находки еще не указывают на то, что он здесь был. Что касается летописных источников, то, хотя летописи чаще всего велись в самих монастырях, в летописи попадает лишь незначительная их часть, поскольку летопись рассказывает главным образом политическую историю (именно поэтому количество упоминаемых в летописи городов, как можно судить хотя бы на примере городов Тверского княжества, даже больше, чем можно зафиксировать археологически).

Хотя обобщающей работы по монастырям Тверского княжества, по-видимому, нет, материал о них можно найти как в работах более общего характера, так и исследованиях более специальных. К первым следует отнести, конечно, фундаментальный труд В. В. Зверинского о монастырях

Российской империи[61]; ко вторым – исследование И. И. Лаппо о различных видах земельной собственности в пределах Тверского уезда[62], составленное на основании писцовых книг XVI века документы; опубликованные Л. А. Кавелиным, относящиеся к монастырям, находящимся на территории Тверского княжества, описания отдельных тверских монастырей, составленные различными авторами. Кроме того, в работах об истории и культуре средневековой Твери можно встретить данные о тверских монастырях, не встречающиеся в других источниках.

Следует сразу сказать, что исчерпывающего перечня монастырей Тверского княжества даже на основании всех этих работ дать нельзя (то же самое можно сказать и о других территориях средневековой Руси). Во-первых, один и тот же монастырь может упоминаться в источниках под разными названиями и, соответственно, быть сосчитанным несколько раз (на эту трудность как раз применительно к тверским монастырям указывал В. В. Зверинский; ошибка, которой он сам, по-видимому, не всегда мог избежать). Кроме того, неопределенность указаний писцовых книг и летописных текстов может заставить принять за монастырь то, что им не является (например «погост»), тем более что небольшие сельские монастыри не очень отличались от приходских церквей или погостов. Наконец, свидетельство устного предания, на которое часто опираются собиратели сведений о монастырях, не может быть ни достоверным, ни исчерпывающим.

Хотя в данной работе о культуре средневековой Твери задача каталогизации всех тверских монастырей не ставится, все же некоторую типологию, учитывающую предполагаемую историческую и культурную значимость тверских монастырей,дать,

---

[61]Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырей России. Т. 1–3. Спб., 1890–1897.

[62]Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения (Этюд по истории провинции Московского государства). М., 1893.

очевидно, необходимо. Итак, разделим имеющуюся о тверских монастырях информацию на три вида[63]:

1. Монастыри, упоминаемые в источниках до 1485 года, летописных и иных.

2. Монастыри, упоминаемые в писцовых книгах XVI и XVII веков (соответствующих материалов времени тверской независимости не сохранилось, но владение земельными угодьями в более позднее время предположительно указывает на то, что монастырь существовал уже во времена Тверского княжества, если, конечно, нет документальных свидетельств о его основании в более позднее время).

3. Монастыри, память о которых сохранилась лишь в устном предании.

Конечно, есть случаи, когда монастырь можно отнести ко всем трем типам, как, например, Успенский Отрочь монастырь в устье Тверцы, упоминаемый в летописях, писцовых книгах, как один из крупнейших землевладельцев Тверского уезда, и, наконец, в «Повести о тверском Отрочь монастыре», описывающей историю монастыря более раннюю, чем та, что отмечена летописными известиями о нем, и основанную, как полагают, на устном предании. В подобных случаях наложения разного материала за основу следует брать свидетельство документа.

Астраганский Успенский монастырь. Самое раннее сообщение источников о тверских монастырях (1289 г.) не отличается ясностью: «Того же лета князь велики Михайло Ярославич Тверской с матерью своею великой княгиней Оксиньею послаша игумена Андрея манастыря Общаго пречистые Богородицы в Киев к Максиму» для утверждения Андрея в сане

[63]В «Приложении 3» дается несколько более дробная классификация: монастыри, известные по писцовым книгам XVI века, выделены в особый раздел; добавлен «Раздел 5», куда включены монастыри, предположительно находившиеся на территории Тверского княжества.

Ил. 53–54. Верх. Остров в устье Тьмаки. Современный храм Михаила Тверского на месте храма мученика Феодора (1327 г.). Низ. Место Успенского Отрочь Монастыря. Существующий храм – 1722 г.

Ил. 55–56. Верх. Место Воскресенского Ферязкинского (Бардинского) монастыря на реке Шоше (упомянут в летописи под 1361 г.). Холм – городище железного века с остатками фундамента часовни XIX в. Низ. Место Саввино-Сретенского монастыря на реке Тьме (упомянут в летописи под 1437 г.) Холм – городище XII-XIII вв.

Ил. 57–58. Верх. Разрушенный в Смутное время Никольский монастырь на реке Скобра (совр. Десна, см. Прил. 3, № 93). Низ. Памятный крест на месте Никитского монастыря (г. Старица, ул. Половинкина, см. Прил. 3, № 37).

Ил. 59–63. Верх. Успенская Медведева пустынь на р. Хотча близ Белого Городка (см. Прил. 3, № 89). Средний ряд. Богословский монастырь в Конькове (район г. Старицы). Справа: камень с углублением для креста (?). См. Прил. 3, № 85. Низ. Слева: место Воскресенского Тутаньского монастыря на р. Тьме. см. Прил.3. № 88. Справа: примерное место Афанасьевского монастыря около Городни (Прил. 3, № 53).

Ил. 64–65. Верх. Место Благовещенского монастыря на р. Перемере (1425 г.); ныне – акватория Тверского речного порта. Низ. Место Успенской Изосиминой пустыни на реке Большая Сестра (1476 г).

Ил. 66–69. Верх. Место Покровского Отмицкого монастыря на реке Тьме (Прил.3, № 24). Средний ряд. Никольская церковь села Дудина – место бывшего Никольского Дудина монастыря (Прил. 3, № 38). Низ. Слева: Фаустова гора ок г. Зубцова. Надгробие XVIII–XIX вв. на месте Преображенского монастыря (Прил.3, № 87). Справа: памятный крест вблизи места монастыря в селе Никифоровском (Прил. 3, № 81).

тверского епископа[64]. Какой именно монастырь здесь назван «Общим», не понятно (это название в источниках больше не встречается). Составитель Указателя к Никоновской летописи П. В. Акимов посчитал, что речь идет об Успенском Отрочь монастыре, и летописное свидетельство о преставлении этого епископа «в своем манастыре на Шеши у святыа Богородицы»[65] (1323 г.) он счел ошибочным[66]. Мнение об ошибке в летописи основано на предположении, что отставленный епископ должен «уйти на покой» в тот же монастырь, откуда он был взят на замещение должности епископа.

Это предположение справедливо, однако, если первое свидетельство летописи неопределенно, а второе относится к конкретному монастырю, логичнее предположить, что и первое относится к тому же монастырю, чем предполагать незамеченную летописцем ошибку. Именно по этому пути идет В. В. Зверинский, идентифицируя «монастырь на Шеше» как Астраганский Успенский монастырь на р. Шоша и датируя основание этого монастыря 1289 годом[67], что также, как было показано выше, является предположением, но предположением, вполне обоснованным. Если же это так, то "Написание" монаха Акиндина – хронологически первый памятник тверской письменности – должно быть отнесено именно к этому монастырю. Не упоминающийся в летописных источниках после 1323 года, Успенский Астраганский монастырь упоминается в писцовых книгах XVI и XVII веков. По владениям пахотной землей он находился на десятом месте среди монастырей бывшего Тверского княжества. Его описание, относящееся к этому веку, было

---

[64]ПСРЛ. 10, 167.

[65] ПСРЛ.10, 188.

[66] «Вероятно ошибочно назван вместо Отроча-Успенского Пречистого – Общего» (ПСРЛ.14,2, 219).

[67] Основан около 1289 г. епископом Тверским Андреем, оставившим кафедру и поселившимся на покое в созданном им монастыре, где и скончался в 1323 г. Погребен же он в Твери.

опубликовано Кавелиным[68] и прекращает он свое существование, очевидно, в XVIII веке еще до издания Манифеста о секуляризации монастырских земель 1764 г.

На картах XIX века имеется село Астраганец, находившееся на левом берегу Шоши несколько ниже впадения в нее реки Ламы – самое вероятное место локализации монастыря. Несмотря на то, что монастырь этот был одним из первых (если не первым) внегородским монастырем Северо-Восточной Руси, краеведческие и археологические сведения о нем отсутствуют.

Под 1291 годом в Никоновской летописи имеется сообщение о пострижении дочери князя Ярослава Ярославовича[69]. Хотя ни имя княгини, ни посвящение монастыря в сообщении не указаны, несомненно речь в нем идет о кн. Софии и соответственно – о *Софийском монастыре*. Утверждать это можно потому, что тверской Софийский монастырь упоминается Никоновской летописью под 1358 годом[70] по случаю смерти в нем сына князя Михаила Александровича – Александра «у бабы у своея, у вел. кн. Софьи в Софьине монастыре». Софья – это, конечно, дочь Ярослава Ярославовича и сестра Михаила Ярославовича. Упомянутый

---

[68]В писцовых книгах 1627–1630 он описан так: «Строганский монастырь на реке на Шоше, а в нем Храм Успения Пречистыя Богородицы и другая Воскресенья Христова древяны верх, а в них Божия милосердия образы и ризы и книги и всякое церковное строение монастырское, а около монастыря ограда деревянная, а на монастыре келья игуменская, да у монастыря ж двор коровий, а в нем живут служебники». В переписных книгах 1678 года написано: «Монастырь Астраганский а в нем церковь Пречистой Богородицы, да в пределе Николая Чудотворца и у него поп, дьякон да пономарь. За монастырем вотчины: в пяти деревнях 28 дворов крестьянских, а людей в них 88 человек». В 1680 г. монастырь приписан к Успенской Левкиевой Пустыни, к юго-западу от Волоколамска. (Леонид (Кавелин). Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель преподобный Левкий. // Чтения в Обществе любителей духовного Просвещения, Книга 12. Отдельно: М. 1870 г.).

[69]ПСРЛ. 10, 168.

[70]ПСРЛ. 10, 230; в каталоге Зверинского – № 2037; среди монастырей-землевладельцев XVI века отсутствует, в писцовой книге П. Нарбекова не упоминается.

княжич Александр (год рождения неизвестен) –первый сын будущего Великого князя Тверского Михаила Александровича, которому в 1358 году было 25 лет. В. В. Зверинский пересказывает предание, согласно которому в этом монастыре приняла иночество св. княгиня Анна, вдова князя Михаила Ярославовича. Хотя документально это не подтверждено, близость Софийского монастыря к тверскому княжескому дому делает это предание похожим на правду.

Следующим по хронологии упоминаний монастырем Тверского княжества является «*Михайловский на всполье»* – упомянут в 1320[71] и 1339[72] годах по сходному поводу: около монастыря Архангела Михаила «на брезе» граждане Твери встречали своих убитых в Орде князей: Михаила Ярославовича и Александра Михайловича с сыном Федором. Других упоминаний о монастыре периода независимости не сохранилось. В писцовых книгах XVI века за монастырем значилось 459 десятин пахотной земли, в 1764 году монастырь был упразднен. В.В. Зверинский локализует его на месте тверской Богородице-Рождественской церкви в Ямской слободе[73].

К 1323 году относится летописное упоминание *монастыря св. мученика Феодора*[74] на острове в устье Тьмаки – в связи с постройкой в монастыре каменного храма св. Феодора. Несмотря на краткость летописных упоминаний, исследователи культуры средневековой Твери обращали внимание на этот монастырь, в упоминаниях о котором они видели деятельность греческой колонии в Тверском княжестве. Упоминаемый летописью «игумен некий именем Иван Цареградец»[75] был вероятным духовником князя Михаила и, следовательно, возможным автором его жития. В Ватиканской библиотеке хранится Иерусалимский устав,

---

[71]ПСРЛ. 10, 187.
[72]ПСРЛ. 10, 210; 15, 420.
[73]ныне – улица Вагжанова.
[74]ПСРЛ. 15, 414.
[75]ПСРЛ. 10, 189

написанный иеромонахом Нилом в 1317–1318 году «в пределах России, в городе, называемом Тверь, в монастыре святых великомучеников Федора Тирона и Федора Стратилата»[76]. Казалось бы, монастырь с подобными связями и имеющий к тому же каменный храм (второй в Тверском княжестве, после тверского Преображенского собора) имеет все основания для того, чтобы стать значительным культурным центром Тверского княжества, однако о монастыре нет упоминаний до 1446 года, когда на занимаемом им острове князем Борисом Александровичем был построен «город», а каменный храм Феодора был им перестроен или даже выстроен заново. Тверской летописный сборник сообщает, что князь Борис «разорил» монастырь св. Феодора и перенес архимандритию «к *святому Григорию Богослову*»[77]. Но в писцовых книгах XVI века упоминаются оба тверских монастыря: Федоровский и Григория Богослова, причем монастырь св. Феодора находится в числе самых богатых тверских монастырей, имея 2221 десятин пахотной земли (6-е место).

К 1361 году относится первое достоверное упоминание о тверском *Успенском Отрочь монастыре* – в связи с уходом туда «на покой» тверского епископа Федора Доброго, сыгравшего заметную роль как в тверской политической истории, так и в истории тверской культуры. Традиционно историю Отрочь монастыря ведут с XIII века. В. Борзаковский в своей «Истории Тверского княжества», скептически относясь к свидетельству «Повести об основании тверского Отрочь монастыря», согласно которой монастырь был основан в 1265 году дружинником («отроком») тверского (и великого владимирского) князя Ярослава[78], датирует начало существования монастыря еще более

---

[76] Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV– начале XVI века (живопись, миниатюра) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. [т. 5] С. 316.

[77] ПСРЛ. 15, 493; монастырь Григория Богослова (№ 1567 в каталоге Зверинского), на левом берегу Тьмаки, в излучине реки, где-то недалеко от церкви Покрова на Тьмаке.

[78] Борзаковский В. С. История Тверского княжества СПб., 1876. С. 81, 82.

ранним временем – 1206 годом[79] на основании неверно интерпретированного летописного известия, где речь идет о смоленском Отрочь монастыре[80].

Также к 1361 году относятся грамоты Отрочь монастырю о приписке ему нескольких внегородских монастырей (см. ниже). В известии Второй новгородской летописи[81] под 1362 годом упоминается, что в этом монастыре принял постриг будущий новгородский епископ Моисей. Эта группа почти одновременных упоминаний монастыря заставляет предположить, что Отрочь монастырь обязан тверскому епископу Федору Доброму либо своим возникновением, либо расцветом.

Следующее – и последнее периода тверской независимости – упоминание Отрочь монастыря в летописях относится к 1461 году, и вновь практически по тому же поводу: в этот монастырь был сведен тверской епископ Моисей (он был тверским епископом всего три года, а ранее, по неподтвержденным данным, был архимандритом Отрочь монастыря). Сменивший Моисея Геннадий Кожа, брат преп. Макария Калязинского, был (также по неподтвержденным данным)[82] архимандритом Отрочь монастыря.

Писцовые книги XVI века показывают монастырь богатым землевладельцем: в Тверском уезде он владел 4332 четвертями пахотной земли в шести волостях, уступая только Савватьевой пустыни. Писцовая книга 1626 года, помимо каменной Успенской церкви и каменной «палаты» упоминает также большие монастырские часы, от которых осталось «после литовского разоренья» «три колеса»[83].

В исследованиях тверской истории, относящихся к XIX веку, высказывается мысль, что Отрочь монастырь послужил началом

---

[79]Борзаковский. История Тверского княжества... С. 16–17.
[80] ПСРЛ. 15, 302.
[81] «Роспись или краткий Летописец Новгородских владык».
[82]Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских и церквей. СПб. 1877.
[83]Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь 1901. С. 126–127.

городу Твери, первоначальное расположение которой было в устье Тверцы, и лишь впоследствии город был перенесен на другой берег Волги. Однако археологические раскопки этой версии не подтвердили. При обращении к летописным источникам мнение о древности самого монастыря также выглядит сомнительным[84]. Что же касается источников XIV–XV веков, то их немногочисленность и сам характер их сообщений, очевидно, не позволяет говорить об Отрочь монастыре как о монастыре, занимавшем привилегированное положение среди тверских обителей. Хотя весьма вероятно, что монастырь был один из самых богатых в Тверском княжестве, а известные узники, содержащиеся в нем впоследствии (Максим Грек и митрополит Филипп) сделали Отрочь монастырь известным на всю Россию.

Монастыри, упомянутые в грамоте 1361 года как приписные к Отрочу монастырю, более в источниках не упоминаются, но, тем не менее, локализации поддаются. Это:

Богородицкий монастырь на Гостомле. Современная деревня Гастовня Зубцовского района Тверской области упоминается в писцовых книгах XVI века, но уже как село с церковью Покрова[85]. Упоминается у Плетнева, в частности, в связи с сохраняющимися преданиями о монастыре[86]. Как поселение XIV–XVII упоминается в

---

[84]Вместе с тем, в некоторых исследованиях приводится археологическое обоснование древности Отрочь монастыря (Булкин В.А., Иоаннисян О.М., Салимов А.М., Успенский собор тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989); Салимов А.М. Каменное строительство в тверском Отроче монастыре во второй половине XV – XVI вв. // Вестник славянских культур. 2010. Т. 18. № 4. Выводы авторов оспариваются в: Заграевский С.В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М. 2003, гл.3.

[85] Калачов Н. В. Писцовые книги XVI века. Отд. II. С. 109.

[86]Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь. 1903. С. 107, 108.

атласе «Археологические памятники Тверской области»[87]. До революции в Гастовне стояла часовня в память о монастыре.

Спасский монастырь на Сози – ныне село Спасское на Сози Калининского района Тверской области)[88].

Богородицкий на бору – село Пречистый Бор Калининского района Тверской области. Каменный крест XV века из этого села находится в экспозиции МИАР.

Воскресенский Бардинский. Монастырь идентифицируется с местностью около села Ферязкино Калининского района Тверской области, на правом берегу реки Шоши ниже Микулина: В. А. Плетнев упоминает сохранившиеся предания о монастыре, отчасти подтверждающиеся осмотром местности (фундамент церкви, остатки древнего кладбища)[89]. Информация Плетнева подтверждается и данными Археологической карты Тверской области (№ 280). Место, где был расположен монастырь, надежно локализуется благодаря городищу железного века (овальный в плане холм с плоской, «срезанной» вершиной и крутыми склонами), на месте которого располагался монастырь.

Под тем же 1361 годом в летописи упоминается тверской *Преображенский монастырь в загородном посаде, или «Спас Высокий»*, игумен которого Василий был поставлен епископом тверским. В перечне В. В. Зверинского этот монастырь назван «Спас Высокий или Спасский Загородный Трехсвятский»[90], однако и в писцовых книгах XVI века, и в писцовой книге П. Нарбекова 1626 года эти монастыри записаны как разные, хотя и находящиеся действительно по соседству, в Загородском посаде, поблизости от существующей церкви Рождества Христова в Рыбаках[91] (в писцовой книге 1626 года говорится только о месте, где монастырь

---

[87]Археологические памятники России. Тверская область. Часть 1 (Электронная версия). Тверь. 2004., № 341.

[88]Деревянная церковь из этого монастыря, датируемая первой половиной XVIII века, находится в музее-заповеднике Василево, севернее Торжка.

[89] Плетнев В. А. Об остатках древности и старины... С. 146.

[90] Зверинский В. В. Материал... № 1202

[91] Около пересечения улиц Трехсвятской и Вольного Новгорода.

«был давно»)[92]. В XVI веке монастырь «Спас Высокий» располагал в Тверском уезде 636 десятинами пахотной земли (13 место).

Под 1368 годом в Никоновской и Рогожской летописях упоминается *кашинский Бородицкий (в Рогожской летописи – Троицкий) монастырь* в связи с попыткой кашинского князя Михаила Васильевича перенести монастырь в другое место. Судя по сообщению летописи, кашинский князь, несмотря на поразившую его «незнаемую болезнь» довел дело до конца[93]. В других документах этот монастырь не упоминается, и даже его точное посвящение неизвестно.

Под 1387 годом в Никоновской летописи и Тверском сборнике упоминается *Никольский монастырь «на ручье»*, куда удалился тверской епископ Евфимий Вислень из-за «нелюбия» с великим тверским князем Михаилом Александровичем[94]. В тверские епископы Евфимий был поставлен св. Алексеем в 1374 году, и в летописном сообщении не сказано, был ли он до поставления игуменом этого монастыря. В Никольском монастыре (который в летописях больше не упоминается) Евфимий, очевидно, находился до 1391 года, когда после церковного суда над ним, инициированного тверским князем, с участием митрополита Киприана, приехавшего для этого в Тверь, он был смещен, взят митрополитом в Москву и скончался в Чудовом монастыре. Хотя Никольский монастырь существовал и владел землей еще в первой половине XVI века, он, скорее всего, не дожил до конца этого столетия. Никольский монастырь упоминается в источниках под разными именами: «Никольский на ручью», «Никольский на мытище», «Никольский на новгородской дороге», и исследователи иногда разделяют их (Лаппо на основании данных писцовых книг), иногда объединяют (мнение В.В. Зверинского); последнее мнение представляется более обоснованным. Локализации Никольского монастыря посвятил серию статей в «Тверской старине»

---

[92] Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 62.
[93] ПСРЛ. 11, 12; 15 (2), 90-91.
[94] ПСРЛ. 11, 90; 15, 444 (под 1386 г.).

М. Рубцов[95]. В недавних публикациях этот вопрос вновь затрагивался[96] (а также проводились раскопки в заволжском районе Твери, около храма апостола Филиппа, на месте предполагаемого монастыря) в связи с возможностью постройки в этом монастыре каменного храма еще в удельное время: в писцовой книге 1626 года на месте, где, возможно, был этот монастырь, упомянут «завалившийся» каменный храм.

Следующая по хронологии группа летописных сообщений (1394 – 1410 гг.) относится к *Успенскому Желтикову монастырю* на реке Тьмаке к юго-западу от Твери, созданному преемником Евфимия – епископом Арсением, приехавшим в Тверь вместе с митрополитом Киприаном для суда над Евфимием икоторый, боясь стать преемником Евфимия, поначалу «смутися и ужасеся» тверским «вражде и брани лютой». Имеется пять летописных сообщений о Желтиковом монастыре; это единственный тверской монастырь с достаточно подробной и связной летописной историей (что предполагает возможность его участия в тверском летописании). Монастырь был основан Арсением в 1394 году, в этом же сообщении говорится о постройке в монастыре теплой церкви Феодосия и Антония Печерских. Арсений был как-то связан с Киевским печерским монастырем: из созданного им монастыря происходит самый древний из существующих список «Печерского патерика», так называемой «Арсениевской редакции»[97]. В 1404 году в Желтиковом монастыре заложена и в 1406 освящена каменная церковь Успения; в следующем году летопись сообщает о прибавлении Арсением к Успенской церкви притвора. Наконец, в

---

[95]С точки зрения М. Рубцова, хорошо знакомого, по его словам, с данной местностью, монастырь находился в 125 шагах выше Гостина ручья, впадающего в Волгу напротив впадающей там же в Волгу Тьмаки (Тверская старина, №7, С.15).

[96]Салимов А. М., Романов В. В., Романова Е.А. Тверской епископ Евфимий Вислень и церковь Николы «Над ручьем» // Вестник славянских культур. 2011. Т. XXII. № 4.

[97]Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1-2.., Л. Наука, 1988. Статьи «Арсений епископ тверской» и «Патерик Киево-печерский».

1410 году летопись упоминает Желтиков монастырь в последний раз – в связи с погребением в нем умершего в Твери епископа Арсения[98]. Согласно писцовым книгам XVI века монастырь владел 1995 десятинами пахотной земли в Тверском уезде (7-е место). В 1764 г. определен в 3 класс (позже переведен по второй)[99].

Под 1399 годом в «Повести о преставлении тверского князя Михаила Александровича» летопись упоминает *Афанасьевский монастырь* (или «Афанасьевский за алтарем»): тяжело болеющий князь принимает в нем постриг за несколько дней до своей кончины. Правда, еще под 1297 г. летопись сообщала, что «поставлена бысть церковь во Твери святый Афанасий»[100].В некоторых работах по истории Тверского княжества, предполагается[101], что речь идет об Афанасьевском монастыре. Впрочем, в летописном сообщении ничего о монастыре не говорится. Согласно писцовым книгам, в XVI веке монастырь владел примерно 465 десятинами пахотной земли (23 место). В Писцовой книге 1626 года упоминается как сам монастырь, тогда еще существовавший[102], так и принадлежащие ему земли в городе, мельницу (совместно с двумя другими монастырями, Трехсвятским и Ивановским, 3 лавки (больше, чем у других монастырей); был упразднен до издания Штатов в 1764 г[103].

В «Хожении на Флорентийский собор» под 1437 годом упоминается *Саввин Сретенский монастырь* на реке Тьме

---

[98]Повесть о преставлении Арсения...

[99] Историческое описание Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря, с присовокуплением жития святаго основателя онаго, святителя Арсения, епископа Тверскаго, составленное настоятелем Желтикова монастыря, архимандритом Платоном. Тверь. 1852.

[100]ПСРЛ. 10, 171.

[101]Рикман Э. А. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. 1953. Вып. 49. с. 47; Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь,1994, С. 388.

[102] «Афнасьевский монастырь, а в нем храм Афонасия и Кирилла древен ниской» (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 27).

[103]В. В. Зверинский... № 1733.

(Саввина пустынь)[104]; этот же монастырь упоминается и в «Отвещании любозазорным»[105] преп. Иосифа Волоцкого (Иосиф был в этом монастыре в 1480 году), где он описывает Савву как ревнителя монастырского благочиния, который, будучи много лет настоятелем монастыря, «бесчинствующих овогда жезлом бияще овогда в затвор посылаше». По данным писцовых книг XVI века, Саввин монастырь владел 3451 десятинами пахотной земли в Тверском уезде, уступая только Савватьеву и Отрочь монастырю.

«Инока Фомы Слово похвальное» (источник, несомненно, тверского происхождения и уверенно датируемый 1453 годом), говоря о строительной деятельности тверского князя Бориса Александровича, прославлению которого посвящено «Слово», упоминает о нескольких монастырях, созданных как самим Борисом, так и его предшественниками. Это – *Трехсвятский монастырь* в Твери, созданный князем Иваном Михайловичем (1399–1425 гг.); монастырь этот ошибочно отождествлен у В.В. Зверинского с тверским монастырем «Спас Высокий» (под № 1202), упомянутым выше (писцовые книги XVI и XVII века говорят об этих монастырях как о разных). В XVI столетии монастырь владел в Тверском уезде 1083 десятинами пахотной земли (9-е место).

Далее, в «Слове» упоминается *Благовещенский монастырь на реке Перемере*, на левом ее берегу при впадении в Волгу (на месте нынешнего затона Тверского порта) созданный следующим после Ивана тверским князем Александром Ивановичем, правившем княжеством менее года (с мая по октябрь 1425 г.). Местечко «Перемеры» (в Никоновской летописи – «Перемир») встречается в летописи под 1390 годом[106], в описании встречи тверского князя Михаила Александровича и митрополита Киприана. Относительно

---

[104]Хождение на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М. 1981, С. 468; В.В. Зверинский... № 1999.

[105]Преподобнаго Иосифа Волоколамскаго отвещание любозазорным и сказание вкратце о святых отцех бывших в монастырех иже в Рустей земли сущих // Чтения в Обществе истории и древностей российских., 1847, № 7.

[106] В Никоновской летописи под 1391: ПСРЛ. 11, 1391.

названия существовала легенда[107], что в этих местах князь Михаил Ярославович заключал мир с москвичами и новгородцами. Позже село, находящееся на этом месте называлось «Большие Перемеры», в отличие от соседних «Малых Перемер», где также был монастырь (св. Георгия). В XVI веке этот монастырь имел 1226 десятин пахотной земли (8-е место).

Наконец, «Слово Похвальное» упоминает *Вознесенский монастырь* в устье реки Орша («на реке Воршине»), устроенный уже самим Борисом Александровичем. В XVI веке этот монастырь был значительным землевладельцем (2632 десятин пахотной земли в Тверском уезде, 5-е место) и располагал каменной церковью, построенной, скорее всего, в первой половине этого столетия, т.е. за пределами эпохи тверской независимости[108].

Известный впоследствии *Троицкий Калязин монастырь* упоминается в тверских источниках единственный раз: в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, в начале которого Никитин сообщает, что получил благословение у преп. Макария и братии (и это свидетельствует об авторитете недавно основанного монастыря). Упоминает Калязинский монастырь и преп. Иосиф Волоцкий в своем «Отвещании», где говорит, что беседовал с преп. Макарием, и тот рассказал ему как он с семью старцами основал монастырь. Иосиф, упомянув о связях Калязинского монастыря с монастырем на Святой Горе (т. е. Афоном, факт, на который Иосиф обращает внимание также и в отношении тверского Саввина монастыря), говорит про монастырь Макария, что «во всем бо подобно зде творится киновиам иже во Святой Горе сущим».

Помимо Саввина и Калязинского монастыря, Иосиф упоминает в своем «Отвещании» Тверской *Савватьев монастырь*, рассказывая о старце Ефросине, пришедшем сюда из новгородских

---

[107]Легенда, правда, утверждает, что это место находилось около недалеко лежащей Городни (Тверские епархиальные ведомости. 1897 № 18 С. 632–634), но этимология и географическое расположение говорят, скорее, в пользу Перемер.

[108] Матвеев В. И. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М. 1878.

пределов (сам Савватий упоминается в летописи под 1399 годом, в «Повести о преставлении великого тверского князя Михаила Александровича»). Преп. Иосиф рассказывает об излечении Ефросином дочери тверского великого князя Бориса Александровича Марии, обрученной с сыном московского великого князя Василия Второго («Темного») – будущим Иваном III. «Инока Фомы Слово похвальное», подробно описывая обручение Марии и Ивана, ничего, однако, не говорит о болезни дочери тверского князя (как не говорят об этом и летописи). Тем не менее, свидетельство Иосифа отчасти перекликается со «Словом похвальным», поскольку, согласно Иосифу, Ефросин согласился помолиться за тверскую княжну, приняв во внимание аргумент просивших его об этом бояр тверского князя: «аще сия жива будет твоих ради святых молитв, отче, то два царства смириша». «Слово похвальное» почти в тех же словах говорит о радости в Твери и Москве по поводу обручения Ивана и Марии: «И москвичи же радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а тфѣричи радовашеся, якоже Тьфѣрь Москва бысть, но два государя *воедино* совокупишася»[109].

Аргументом, хотя и косвенным, в пользу исторической достоверности свидетельства Иосифа является тот факт, что Савватьев монастырь имел, по данным писцовых книг XVI века, самые большие земельные угодья в Тверском уезде – 4482 десятин пахотной земли, расположенной в одном стане. Не является ли это щедрым пожертвованием тверского князя Бориса Александровича за оказанную ему услугу? А. Митропольский пишет о постройке в монастыре каменной Никольской церкви еще при жизни Савватия[110], но документальных подтверждений этому нет. Более

---

[109]Лихачев Н.П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства CLXVIII. 1908. С. 51.

[110]Митропольский А. Историческое сказание о подвижнической жизни преподобнаго Савватия Тверского и Оршинскаго и об основанном им монастыре, называвшемся его именем, где ныне село Савватьево Тверского уезда. Тверь, 1899, С. 14.

того, поскольку Савватий так и не был канонизирован, Тверская консистория постановила в 1778 году запретить почитание Савватия и разрушить монастырские церкви[111](последнее так и не было исполнено; в консисторию передали лишь ризы и вериги Савватия).

Последний из упоминаемых Иосифом тверских монастырей – кашинский *Никольский Клобуков* (в связи с Макарием Калязинским, бывшим иноком этого монастыря). Еще один кашинский монастырь – *Сретенский* – упомянут в жалованной грамоте тверского князя Бориса Александровича[112].

Итак, источники периода тверской независимости и близкого к ней упоминают *двадцать три* монастыря Тверского княжества: два в известиях, относящихся к XIII веку (оба летописные), двенадцать – в известиях, относящихся к XIV веку (из них десять летописных), и девять к XV (летописных нет, не считая включенного в летопись «Хожения» А. Никитина). Из этих двадцати трех монастырей Желтиков Успенский упоминается в летописи 5 раз, Успенский Астраганский, Успенский Отрочь и Феодоровский в устье Тьмаки – по 2 раза; остальные – однократно (самые ранние московские монастыри – Спасский на Бору, Чудов, Симонов упоминаются в летописях намного чаще; то же можно сказать и о Троице-Сергиевой лавре). В нелетописных источниках дважды упоминается только Троицкий Макарьев монастырь.

О чем же говорит эта статистика? Надо признать, что заключение, которое будет принимать во внимание как формальную, так и содержательную сторону вопроса, не сможет избежать некоторой двойственности. С одной стороны, по-видимому, именно в тверских пределах ранее всего появляются внегородские монастыри (в домонгольское время на Руси практически неизвестные), быстро превратившиеся если не в центры, то, во всяком случае, в значимые источники

---

[111]Митропольский А. Историческое сказание. С. 54, 55.

[112]Акты Археографической экспедиции. СПб. 1836. 1. № 35.; Зверинский. № 1206.

публицистической и книгоиздательской деятельности. «Написание» Акиндина, «Арсениева редакция» Печерского патерика, Иерусалимский устав из Ватиканской библиотеки, подписанные рукописи, оказавшиеся впоследствии в библиотеках других монастырей – все это разрозненные и частичные свидетельства такой деятельности.

Заслуживает также упоминания и традиционная связь тверских монастырей с греческим православием, в частности с Афоном; именно в посещенных им тверских монастырях Иосиф Волоцкий нашел образец для создания собственной обители.

Но, с другой стороны, политический и культурный вес тверских монастырей был относительно невелик. Об этом говорит не только небольшое количество упоминаний тверских монастырей в летописях, но и отсутствие тверской монастырской литературы житийного характера, что пытаются компенсировать написанные уже в более позднее время легенды, такие как «Легенда об основании тверского Отрочь монастыря». Политически активных настоятелей монастырей, таких как Сергий Радонежский или Иосиф Волоцкий, тверская монастырская традиция не знает.

Тверская политическая и шире – культурная – традиция формировалась вокруг иного центра – князя, – и монастырская тема появлялась в ней лишь в связи с главной темой, как дополнение или контрапункт. Но обращение к теме тверских монастырей дает, как выясняется, большее понимание специфики тверской культуры, чем обзор тверских городов и даже самой территории Тверского княжества: в территории и городах трудно найти особенности, которые можно было бы рассматривать в качестве фундамента тверской культурной самобытности, которая станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Еще один монастырь, существование которого во времена тверской независимости отчасти подтверждается в документах – клинская *Успенская Изосимина пустынь*. Хотя год ее основания –

1479 г. – документально не подтвержден[113] (1479 г. – дата основания Иосифо-Волоколамского монастыря); считается,[114] что клинская пустынь учреждена Иваном III «в противовес» монастырю, основанному на землях его брата Бориса, на территории Волоколамско-Рузского удела князя. Основатели монастыря, преп. Зосима и Адриан, были канонизированы в 1547 году. Но ктиторство этого монастыря вызывает вопросы: монастырь был основан на землях «круга клинского», принадлежащего Тверскому княжеству, если верить принятой дате, за 6 лет до включения Твери в состав Московского государства. Здесь возможны два варианта: либо тверской князь уже не контролировал окраинные территории своего княжества, и Иван III мог основывать монастыри на его земле, либо клинская Успенская пустынь – последний собственно тверской монастырь. В пользу последнего косвенно говорит тот факт, что в монастыре, по свидетельству Л. Кавелина, даже в конце XIX века особым почитанием пользовались святые, чтимые в Твери: князь Михаил Ярославович и епископ Арсений[115] .

Из других монастырей, упомянутых в писцовых книгах и других документах XVI–XVII века, можно упомянуть монастыри, тяготеющие к Микулину и Городне. Поскольку эти тверские города потеряли свое значение уже в XVI веке, окружающие их монастыри, скорее всего, были основаны в предшествующем столетии, до времени упадка этих городов. Старица, Зубцов, Белый

---

[113]Л. А. Кавелин опубликовал жалованную грамоту монастырю (игумену Зосиме) от 1488, данную «Иваном Ивановичем, Великим князем Тверским», сыном Ивана Третьего, – может быть, это и есть дата основания монастыря? Леонид (архим.) [Кавелин Л. А.]. Клинская Изосимовская пустынь и ее акты. М., 1877. С. 72.

[114]Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М. 1977. С. 52.

[115] Описание Кавелиным склепа Зосимы и Адриана: «В головах гробницы иконы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, святого Арсения Епископа Тверского и святого Михаила Тверского… Склеп почти квадратный; внутри выбелен, потолок деревянный выкрашен голубой краскою». Клинская Изосимовская пустынь и ее акты. С. 71.

городок, возможно, Опоки, скорее всего, также были окружены пригородными монастырями, но воспоминания о них сохранились лишь в устном предании, иногда отчасти подтверждаемом случайными находками. Наконец, в Тверском княжестве существовали, судя по преданиям и позднейшим источникам, небольшие вотчинные монастыри, например, Никольский монастырь на реке Десна на землях тверского дворянского рода Нащокиных. Такого рода монастыри хуже всего отражены в документах, но также заслуживают упоминания[116].

[116] См. Приложение 2.

Глава 3. Рождение и развитие политической идеи

3.1. Лаврентьевская летопись как часть историографического проекта

[117]

В одной из первых работ, посвященных культуре Твери периода независимости, была высказана мысль (воспроизведенная впоследствии во многих исследованиях на ту же тему), что тверское княжество, каковы бы ни были его специфические отличия, представляло собой лишь часть обширного русского мира, и, следовательно, «сходство его с остальным русским миром во много раз было больше, чем различие»[118]. Даже и само это различие имело, можно сказать, отрицательный характер, поскольку политическая «история Тверского княжества совпадает с самыми темными периодами русской истории, с самыми плачевными событиями, которые переживала тогда Русь под игом татарским...»[119].

Действительно, Владимиро-Суздальская культура XII – начала XIII веков и культура Московского государства XV – XVI века, существовавшие при более благоприятной политической ситуации, представляют собой материально-идеологические целостности, своего рода исторические данности, в самом существовании которых едва ли кто-то будет сомневаться. По сравнению с ними культура тверского княжества выглядит, по меньшей мере, проблемой, поскольку то, что можно назвать «бесспорной данностью», в данном случае отсутствует. Вероятно, можно

---

[117] Крест с Иворовского курганного могильника (Старицкий р-н), XII–XIII вв. Краеведческий музей г. Старицы.

[118] Овсянников Н. Н. О Новгородском и Московском культурном влиянии на Тверь в эпоху самостоятельности Тверского княжества // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10 – 20 августа. Тверь 1906. Отдел 2. С. 30.

[119] Там же, С. 30.

согласиться с Я. Лурье[120] в том, что тверская средневековая культура, если таковая вообще существует, является по преимуществу политической идеей и, следовательно, отражена она главным образом в письменности. Это не означает, что остальные стороны жизни средневековой Твери лишены всякого интереса для культурологического исследования, но предполагает, что интерес в большинстве случаев заключен в соотнесении того или иного артефакта или явления с политической идеей.

Что же касается политической идеи, то для того, чтобы стать основой самобытной культуры, она, конечно, сама должна быть самобытной. В исторической литературе уже давно утвердилась мысль о том, что Тверь, своими политическими притязаниями т. е. попытками стать политическим центром Северо-Восточной Руси, а также своей активной антиордынской политикой как бы предвосхищает соответствующую политику Москвы почти на столетие. Действительно, можно с большой вероятностью утверждать, что именно в Твери раньше всего происходит осмысление новой исторической ситуации, обязанной своим появлением татаро-монгольскому нашествию: включением русских земель в государство Золотая Орда с одновременным сохранением духовного подчинения Константинополю.

Но как раз по этой причине *тверская ситуация* и следовательно, ее истолкование, *в корне отличалось от московской: ведь возвышение Москвы сопровождалось и было непосредственно связано с ослаблением обоих центров власти и последующей политической гибелью одного из них* (т.е. Константинополя). В отличие от Москвы XV века, Тверь XIV века, и тем более Тверь XV века, окруженная более сильными Москвой и Литвой, не могла претендовать на роль центра в каком бы то ни было смысле хотя бы потому, что центром – государственным или религиозным – можно стать только по праву преемства. Что же касается великого княжества владимирского, то на него тверские

[120]Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1939. Серия исторических наук. Серия 36, Выпуск 3.

князья (и не только они) претендовали, опираясь лишь на удельную систему княжеского старшинства. *Тверская политическая идея была осмыслением именно периферийности, причем в обоих ее смыслах: как по отношению к Константинополю, так и по отношению к Сараю.* Немецкий историк Э. Клюг называет результат этого осмысления *«региональным сознанием»*[121]. Согласимся с этим определением, но попытаемся дать ему более точную текстологическую интерпретацию.

Татаро-монгольское нашествие стало для затронутых им русских княжеств, помимо всего прочего, еще и идеологической проблемой: катастрофические события нашествия нужно было вписать в существующий исторический контекст, в то время как их масштаб был таков, что сам менял этот контекст, заставляя по-новому взглянуть на события недавней и даже давней истории, делая неясной саму историческую перспективу. Думается, что именно с этим был в первую очередь связан «упадок летописания» во второй половине XIII века, поразивший даже те территории Руси, которые пострадали от нашествия в наименьшей степени[122] Золотая Орда сохранила внутреннюю политическую структуру вошедшей в ее состав Северо-Восточной Руси: князья получали освободившиеся престолы по установленному ранее порядку, но с утверждением в ханской ставке, однако князья явно чувствовали неопределенность и двусмысленность[123] своего положения.

---

[121] Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994, С. 316–317.

[122]«… в тех центрах летописной работы, которые подверглись меньшему разорению, летописание все же сужается, беднеет, делается немногословным, лишается тех выдающихся политических идей и того широкого общерусского горизонта, которым обладали русские летописи в XI и XII веках». Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л. 1947. С. 280.

[123] Мнение Б. Грекова и А. Якубовского о том, что «Золотоордынские ханы рассматривали русские земли как политически автономные, имеющие свою собственную власть, но находящиеся в зависимости от ханов и обязанные платить им дань – «выход». Русские феодальные княжества стали в вассальные отношения к хану» (Греков Б. Л. Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950) нельзя принять безоговорочно, тем более учитывая

Выражением этой неопределенности стало летописание, даже великокняжеское, которое до самого конца XIII века состояло, по словам М. Приселкова, из «судорожных попыток создать изложение якобы великокняжеского летописания за известный период времени на материале провинциальных летописцев»[124].

Сужение горизонтов летописания в первые послемонгольские десятилетия было связано не столько с отсутствием информации, сколько с разрушением самой истории, т. е. исторической перспективы как таковой. Первой документированной попыткой преодолеть исторический кризис является Лаврентьевская летопись – памятник одновременно тверской и общерусский. Тверской – по значительному присутствию в заключительной части летописи тверских известий (и, конечно, по причине того, что вероятным инициатором летописи был тверской князь Михаил Ярославович). Общерусский – как по значительному охвату присутствующих в нем региональных летописей[125], так и по ее вниманию к событиям отдаленной истории (в этой летописи содержится одна из трех сохранившихся редакций «Повести временных лет» и – только здесь – «Поучение» Владимира Мономаха.

Но что, с учетом сказанного, дает основание считать Лаврентьевскую летопись памятником тверской культуры? Ведь помимо сложности собственного состава, она подверглась

западноевропейский контекст слова «вассальные». Ярлыки, выдаваемые ханом князьям, не были формой договора: они не давали последним никаких гарантий; они всегда могли быть аннулированы ханом. Не более обеспеченной в правовом плане была и жизнь самих князей.

[124]Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996, С. 159.

[125]На эту особенность Лаврентьевской летописи обратил внимание Шахматов, связав многообразие ее источников с сознательно принятой программой данного свода: «… вряд ли позволительно говорить о случайном характере такого труда, который соединяет известия не двух-трех центров русской жизни, а всей Руси северо-восточной, а частью также и южной Руси». Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI в.в. М., Л., 1938. С. 19

возможной редактуре в 1377 году, когда была переписана для суздальско-нижегородского князя. Кроме того, нельзя не учитывать, что у историков нет согласия в вопросе о возможном заказчике летописи (многие исследователи, начиная с А. Шахматова, считают, что первая общерусская летопись могла быть только митрополичьей[126], и заказчиками называют митрополита Максима (умер в том же году, на котором заканчивается летописный свод) или митрополита Петра – преемника Максима. Сторонники другой точки зрения настаивают на том, что инициатором создания свода был все же тверской (на тот момент также и владимирский) князь Михаил[127].

---

[126]«Осуществление подобного мероприятия было для митрополита более доступно, чем для кого бы то ни было другого: ему стоило только обратиться к местным епископам с просьбой прислать списки с имевшихся по церквям и монастырям летописцев». Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв., М. -Л., 1938, С. 19.

[127]А. А. Шахматов видит заказчиком митрополита Петра (Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв... С. 19–20), А. Е. Пресняков – предшественника Петра митрополита Максима (Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг. 1918. С. 106–107.), к этой же гипотезе присоединяется и Э. Клюг (С.24); М. Д. Приселков и Я.С. Лурье считают заказчиком князя Михаила Ярославовича (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV – XV веков Л. 1976, С. 20; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л. 1940. С. 109). Причиной такого разногласия является как определенная несогласованность завершающей части свода, когда благожелательный по отношению к тверичам тон летописи соединяется с отсутствием некоторых важных сведений, касающихся Твери; кроме того, наложение окончания свода (1304/1305 г.) на ряд событий: смерть митрополита Максима (1305 г.) и получение Михаилом ярлыка на великое княжение (1305 г.) позволяют по-разному интерпретировать год завершения свода. Наконец, фактор несомненных утрат в тексте и фактор возможной редакторской правки летописи в 1377 году делают проблему заказчика «свода 1305 года» практически неразрешимой. Э. Клюг пишет по этому поводу: «Представляется, что все три гипотезы о характере и происхождении так называемого «свода 1305 г.» не свободны от проблем» (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь,1994, С.24). Но действительно ли выдвинутые гипотезы являются антагонистическими? Летопись действительно могла создаваться при дворе митрополита, но необходимость в летописи как документе, обеспечивающем в определенной

Споры о Лаврентьевской летописи касались и вопроса ее политической программы – а именно, следует ли видеть в Лаврентьевской летописи памятник антиордынской направленности[128], или наоборот – доказательство того, «что тверское великокняжеское летописание велось в ту пору в уклоне безусловного подчинения татарской воле»[129]. Даже отдельные сообщения Лаврентьевской летописи, например, расправа баскака Ахмата над курскими боярами, исследователи интерпретируют противоположным образом[130]. Наконец, можно ли относить Лаврентьевскую летопись к памятникам «тверской культуры» при отсутствии самой этой культуры, которая в начале XIV века находилась в лучшем случае в стадии формирования?

С учетом всех возражений поставим вопрос по-другому: была ли Лаврентьевская летопись одним из факторов, инициирующих дальнейшее развитие культуры Руси в целом и тверской в частности? Кажется, никто из исследователей не сомневается в том, что Лаврентьевская летопись повлияла на все дальнейшее летописание на Руси. Но была ли она великокняжеской? Летопись не содержит какой-то особой «тверской» точки зрения на исторический процесс, однако, описывая драматические события недавней истории, а именно нашествие Батыя, летопись определенно стремится показать действия русских князей в возможно лучшем свете, включая в себя элементы житийного характера и «похвальные слова» в адрес князей. Прежде всего, речь идет о великом князе Юрии Всеволодовиче (позже тверские

мере легитимацию власти, была не столько у митрополита, сколько у князя, и отрицать участие великого князя владимирского в создании общерусского летописного свода было бы, на мой взгляд, неразумно.

[128] «Он */свод – М./* возник при дворе владимирско-тверского князя Михаила Ярославовича, первого «великого князя всея Руси»/см. сноску 17/, занимавшего самостоятельную и смелую по тем временам позицию по отношению к ханам». Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974, т. 29, С. 66-67.

[129] Приселков М. Д. История русского летописания… С. 164.

[130] Приселков М. Д. История русского летописания… С. 164; Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись… С.67

летописи будут давать этому князю совсем другие оценки) и ростовском князе Васильке Константиновиче. Хотя историки спорят о том, имелось ли все это уже в протографе Лаврентьевской летописи или было внесено только в рукопись 1377 года[131], несомненно, что особая роль князя – воина и мученика – станет характерна именно для описания тверских князей в житийной и летописной традиции, принадлежащей тверской культуре.

С другой стороны, в описании Батыева нашествия в Лаврентьевской летописи отсутствуют упоминания о взятии Твери и других тверских городов, хотя дважды упомянута малозначительная тогда Москва (сообщение о взятии татарами Твери и гибели при этом одного из князей – неназванного по имени сына князя Ярослава – принадлежит гораздо более позднему летописному источнику, очевидно тверскому)[132]. Не использует летопись и столь важное для последующей тверской книжности понятие «тверской земли». Трижды упомянутая «суздальская земля» используется для обозначения всего северо-восточного региона – от Торжка до Городца на Волге, т.е. точно так, как это понятие использовалось в домонгольской литературе, например в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы» (1163 года, где впервые упомянута Тверь). Но все это еще не доказывает, что Михаил Ярославович не был заказчиком летописи, поскольку, будучи владимирским князем, он мог и не выделять историю своего отеческого удела.

Но есть другое обстоятельство, указывающее, по крайней мере косвенно, на участие владимирского князя в ее составлении. Речь

---

[131] Последнего мнения придерживается В. Л. Комарович (Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976, т. 30), полагающий, что идеология летописи отражает главным образом ситуацию 1377 года; на это возражает Г. М. Прохоров утверждением, что соответствующие пассажи должны быть уже в тексте-протографе: именно потому Лаврентий и использовал именно его (Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974, т. 28).

[132] ПСРЛ. 15,369–370.

идет о том, что, если говорить о Лаврентьевской летописи как попытке восстановления исторического контекста в новой политической ситуации, нужно упомянуть и о так называемом «Тверском списке» Хроники Георгия Амартола, написанном практически в одно и то же время и, вероятно, в одном и том же месте, что и протограф Лаврентьевской летописи.

Иллюстрированная византийская всемирная история, охватывающая период от сотворения мира до XI века, открывающаяся портретом ин фолио Михаила Ярославовича (см. ил.115) – несомненно княжеский заказ, смысл и актуальность которого раскрывается только в соотнесении двух историй: всемирной и продолжающей ее русской. Открывающий первую книгу портрет князя Михаила с женой Ксенией или матерью Анной по обе стороны от Христа (распространенный в Византии тип изображения императора, но в отличие от императора, изображаемого с короной на голове, голова Михаила обнажена) говорит не о политических амбициях Михаила, но дает указание на генеалогию власти, к которой Михаил себя причисляет, т. е. тверской князь изображает себя проекцией византийского императора, а не ставленником ордынского хана[133] (хотя политической реальностью было второе)[134].

---

[133]«Оборот листа 17 */тверского списка Хроники Амартола – М./* занимает портрет предстоящих Христу князя Михаила Ярославовича и женской фигуры, в которой обычно видят его мать Оксинию – Ксению. Этим как бы подчеркивается соименность императора и князя, их определенное сходство. Прообразом портрета Михаила Тверского могла служить выходная греческая миниатюра с Михаилом III*/византийским императором IX-го века – М./*» (Попов Г. В., РындинаА. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV-XVI веков. М., 1979, С. 20 (см. главу об искусстве Твери).

[134]Политические претензии Михаила Ярославовича, одним из проявлений которых был его «исторический проект», нашли также какое-то отражение в использовавшейся во время его великого княжения титулатуре. Правда, как назывался Михаил в тверских источниках, остается неясным, поскольку сохранились лишь обращения к Михаилу Ярославовичу, в некоторых из которых (византийских) он называется «Великим князем всея Руси» (Послание патриарха константинопольского Нифонта Михаилу Ярославичу // Российская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1888 и 1908, № 16), в

Если рассматривать лицевую Хронику Амартола и общерусский летописный свод в качестве единого историографического замысла, то, во-первых, инициативу такого свода следует приписать тверскому и владимирскому князю Михаилу Ярославовичу, и, во-вторых, следует отчасти согласиться с Я. С. Лурье в том, что замысел этот имел антиордынскую направленность. «Отчасти», поскольку эту направленность следует искать не столько в тексте Лаврентьевской летописи, как полагает Лурье (как раз текст в этом отношении достаточно осторожен: атниордынских пассажей, характерных, к примеру для т.н. летописного «Тверского сборника» здесь нет: в ситуации начала XIV века великий князь владимирский не мог себе позволить по отношению к Орде какой бы то ни было нелояльности), столько в создаваемой обеими книгами общей исторической перспективе, в которой монгольское государство, в состав которого входила (или непосредственным образом подчинялась) северо-восточная Русь, играет роль своего рода внешнего фактора, пусть рокового, не все же находящегося вне идеи исторического преемства.

Впрочем, применительно к протографу Лаврентьевской летописи можно говорить лишь о некой тенденции, не вполне

других «архонтом» или даже «басилевсом» «росов». «Великим князем», «самодержцем» и «царем» называет Михаила тверской монах Акиндин (Написание Акиндина, мниха лавры светые Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1880. Т. 6). Как полагает Е. Клюг, «тенденция к повышению ранга власти великого князя Михаила Ярославовича обозначается в приведенных источниках со всей очевидностью» (Клюг Э. Княжество Тверское… С. 104; о послании Акиндина см. ниже.). Если это так, то Тверь, создавая одновременно историю и политическую легенду, пошла тем же путем, что и впоследствии Москва (принятие московским князем царского титула сопровождалось созданием соответствующего исторического обоснования, которым стали грандиозные летописные своды середины XVI века). На послание Нифонта ссылается и Я. С. Лурье, как на аргумент в пользу того, что Лаврентьевскую летопись следует рассматривать в контексте «самостоятельной и смелой позиции» князя по отношению к Орде (Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись… С. 66-67).

отчетливой; драматические события следующего десятилетия, в центре которых окажется Михаил Ярославович, придадут этой тенденции бóльшую определенность. Но, прежде чем перейти к текстам, повествующим об этих событиях, следует упомянуть об одном памятнике тверской письменности, который в хронологическом, и отчасти семантическом отношении находится между Лаврентьевской летописью и Житием князя Михаила Ярославовича. Это – упомянутое выше послание тверского монаха Акиндина Михаилу Ярославовичу, названному в послании «честным самодержцем русского настолования»[135], а в конце послания – даже «царем» (правда, с добавлением «князь»: «царь еси, господине княже, в своей земли») с призывом занять более активную позицию в борьбе с церковной симонией. В историческом плане послание Акиндина отражает эпизод неудачной в целом борьбы Твери с митрополитом Петром, которого противники как раз и обвиняли в введении практики взимания мзды с поставляемых священнослужителей (правда в самом послании прямых обвинений в адрес митрополита Петра нет).

Э. Клюг полагает, что послание Акиндина было написано уже после Переславльского собора (1309 г.), оправдавшего Петра[136], и в этой ситуации именование Михаила «царем» понятно: Акиндин призывает Михаила как самодержца своей земли, вмешаться и отстранить преступившего закон иерарха. Конечно, можно предполагать, что титул «царь», примененный к Михаилу Ярославовичу, в то время великому князю владимирскому, говорит о возросших политических амбициях тверского князя[137], но при этом нельзя не учитывать, что Михаил Ярославович никаких активных действий для смещения митрополита Петра не

[135] Послание Акиндина цитируется по изданию: Памятники древнерусского канонического права. Часть первая. СПб. 1880. С.150–158.

[136]Клюг, С. 104.

[137]Великий князь всея Руси, басилевс, самодержец и царь – эта тенденция к повышению ранга великого князя Михаила Ярославовича обозначается в приведенных источниках со всей очевидностью (Клюг, С .104).

предпринял, и эта бездеятельность во многом лишает послание Акиндина характера официального текста (получается, что Михаил отказывается от предложенных регалий самодержца, занимая более осторожную позицию и, отводя себе соответственно более скромную политическую роль).

Послание Акиндина интересно еще и тем, что в нем, хотя и в косвенной форме, но все же проявляется та антиордынская направленность, которая в дальнейшем будет отличительной чертой тверской литературной традиции. Сама главная тема послания – обличение «купли от поставления»– «митрополиту от епископа, и от попа, и от дьякона, и от прочих причетчиков; тако же и епископу от сущего под ним причта, от первых и до последних», увязывается автором послания с темой «поганского насилия» (послание нигде не упоминает татар, но формулировка «поганское насилие» не оставляет сомнения, что речь идет именно о них). В послании приводится аргумент сторонников платы за поставление: плата необходима, чтобы иерархи могли заплатить Орде (вероятно, за те или иные привилегии; формально церковь была освобождена от обязанности платить ордынский выход): «Слышах бо некии безотчеством извествующие вины во гресех, поганского ради насилия се творящее». Послание отвечает этим «неким», что «поганый бо, ли тать, ли разбойник», если видит церковь богатую, то желает ее ограбить, а если бедную, с которой поживиться нечем, «то и не насилит, и не томит».

Тема «поганской нужи» появляется в послании Акиндина лишь дважды, но ее присутствие никак нельзя назвать малозначимым: Акиндин не то, чтобы напрямую связывает татарское иго и церковную симонию, но показывает, что «поганское насилие» является как бы оправданием для берущих плату, заставляя их отступить от апостольских правил. Здесь впервые появляется тот прием, который в дальнейшем будет использоваться в антитатарской теме тверской публицистики: татары, конечно, проводники зла, но от них ничего другого и ждать нельзя; главная же вина лежит на самих христианах.

В научной литературе высказывалась мысль[138], что в основе послания Акиндина лежит византийский текст времен императора Андроника II, но, учитывая точное соответствие послания историческому контексту, предпочтительным представляется мнение[139], что послание Акиндина было составлено в Твери.

3.2. Житие Михаила Ярославовича Тверского; личность, время, место действия

140

Монгольское нашествие вызвало не только кризис исторического сознания, но и кризис власти: русские князья не смогли ни защитить свою землю, ни организовать сколько-нибудь успешного сопротивления захватчикам, став вместо этого покорными орудиями в их руках. Военное поражение русских князей и их последующее унижение, когда они должны были получать обратно свои уделы из рук завоевателей, со всей остротой поставило вопрос о том, каким должен быть «идеальный князь» в новой исторической ситуации.

Вопрос этот был настолько настоятельным, что ответ на него появился вскоре после самого завоевания – уже в XIII веке, т.е. еще до восстановления летописных традиций – в виде новых княжеских житий, например жития псковского князя Довмонта, черниговского князя Михаила и, конечно, переславльского князя Александра Невского. Все княжеские жития были очень популярны, о чем свидетельствует большое число сохранившихся списков и

---

[138]Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его поставления до конца XV века. Киев. 1913. С. 242.

[139]Кучкин В.А. Источники «Написания» мниха Акиндина // АЕ за 1962. М. 1963. С. 68.

[140] Крест из села Чупруново, XIV в. Ныне: Старицкий Успенский монастырь.

редакций, все они в той или иной степени ориентировались на «классическое» житие князей Бориса и Глеба, но все же их ответ на самый важный вопрос – какова должна быть линия поведения князя по отношению к иноплеменным и иноверным захватчикам, какова должна быть мера его лояльности – был довольно уклончив.

Черниговский князь Михаил, отказавшись «поклониться» идолам, поступил безупречно как христианин, но небезупречно как князь, обязанный думать и о своих людях, и о своей земле. Житие князя Александра Невского, подробно описывая победы князя на западе, можно сказать, заслоняет ими отношение князя к татарам. Конечно, русскому читателю должно было польстить, что «жены моавитские» пугали именем Александра своих детей и что сам Батый «подивися» виду Александра и «почтил» его, но оставался вопрос, почему князь, по выражению жития, всех побеждающий и никем не победимый, так и не обнажил меча на врага, не просто угрожающего западным рубежам Руси, но терзающего всю русскую землю. Повести о тверских князьях, а также тверская летописная традиция, опирающаяся в той или иной степени на эти повести отвечали именно на этот, главный вопрос, показывая князя деятельным защитником своей земли, а иногда – жертвой за нее. Неудивительно, что некоторые из этих повестей были популярны далеко за пределами Твери.

Вероятно, первым из таких рассказов – первым по исторической хронологии, и скорее всего по времени составления – был эпизод из рассказа о Дюденевой рати (1293 г.), повествующий о появлении князя Михаила в Твери, что предотвратило возможное нападение на Тверь татар. Очевидно, какое-то сообщение об этом было в Лаврентьевской летописи, однако соответствующий лист был утрачен; сохранился только конец истории, совпадающий с Симеоновской летописью, поэтому утраченную часть можно восстановить оттуда. Подобно рассказу Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя, летопись вновь говорит о «суздальской земле» как о целом, очевидно, включающем в себя и Тверь.

Однако на этот раз летопись не просто много говорит о Твери (больше, чем о разоренном Дюденем Переславле, уделе владимирского князя Дмитрия Александровича), но и подчеркивает разницу в поведении как князей, так и горожан. Так, переславльцы, «услыша рать татарскую», «разбегошася разно… и сам великий князь Дмитрий и з своею дружиною побеже к Волоку, а оттоле к Пскову»[141]. Тверичи же, продолжает летопись, «целоваша крест, бояре к черным людямъ, такоже черные люди к боярамъ, что стати с единого, битися съ татары»[142]. В такой ситуации возвращение Михаила Ярославовича из Орды вызвала в Твери «великую радость». Татары же напротив, услышав о князе, «не поидоша ратью к Твери». Спасая свой город, тверскому князю пришлось пройти по территории, занятой противником: «Се же чудо бысть, како заступи Богъ князя Михаила, идуща из Орды от многих супостатов татар»[143]. В данном случае не имеет большого значения вопрос о том, почему татары отказались от похода на Тверь[144]; важнее летописное отражение события, ухватившего, можно сказать, начальный момент формирования «тверского самосознания», основной идеей которого стало согласие тверичей между собой и со своим князем в решающие моменты.

Житие тверского князя Михаила Ярославовича, составленное, как считается, вскоре после смерти князя в Орде, т.е. около 1320[145] года, соединяет в себе сюжетные линии житий Михаила Черниговского и Александра Невского, представляя тверского князя как воителя и как мученика, как бы накладывая его трагическую судьбу на трагическую судьбу всей русской земли.

---

[141]ПСРЛ. 18, 82.
[142]Там же.
[143]ПСРЛ 18, 83.
[144] Исследователи выдвигают различные версии, самой вероятной из которых представляется версия наличия у Михаила ярлыка от хана Тохты на тверское княжение (см. Э. Клюг, с.78).
[145]Датировка В. А. Кучкина (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974, С. 234); Б.М. Клосс датирует житие 1322–1327 годами (Клосс Б. М. Избранные труды. Т.2. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI веков. М. 2001 г.).

Житие Михаила Ярославовича отличает бескомпромиссная антиордынская направленность, и эта направленность позволяет ввести в житие исторический контекст, делая житие в каком-то смысле более историчным, чем сама летопись, поскольку дает историческое обоснование, по выражению жития, «жестокому пленению русскому»[146].

Относительно жития Михаила Ярославовича можно задать тот же вопрос, что и относительно Лаврентьевской летописи, а именно вопрос о степени принадлежности его к тверской культуре, ведь распространено оно было и за пределами Тверского княжества, и потом на месте Михаила мог оказаться и другой, не обязательно тверской князь.

Действительно, не одни тверские князья погибали в Орде (хотя тверских больше всего)[147], но именно мученическая гибель тверского князя стала зерном, упавшим на подготовленную почву, причем подготовленную самим Михаилом, и рассказ о нем под пером тверских книжников приобрел черты исторического анализа и публицистического манифеста с оттенком обличения.

Вместе с тем житие Михаила Ярославовича хорошо укладывается в соответствующую литературную традицию, имея в себе многочисленные отсылки к житию Бориса и Глеба и Михаила Черниговского. Подобно князю Борису, тверской князь сравнивает мир с паутиной, подобно Михаилу Черниговскому отклоняет, казалось бы, благоразумные советы родственников и дружины, во всех трех повестях названы по именам убийцы князей, причем имена убийц черниговского и тверского князей несколько

---

[146]«…в тверском памятнике первой четверти XIV в. впервые в русской литературе была выдвинута антиордынская политическая программа, которая оказала заметное влияние на формирование патриотических освободительных идей в сочинениях русских авторов последующего времени» (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 255).

[147] Помимо Михаила Ярославовича это его дети Дмитрий (1326 г.) и Александр (1339 г.), казненный вместе с сыном Федором. Тверские источники говорят также о смерти в Орде отца Михаила – Ярослава (1272 г.).

созвучны: Доман и Романец[148]. Перед смертью Борис и Михаил Ярославович читают Псалтирь, причем перед самой смертью– строки одного и того же псалма, 54.13 (в Житии Михаила также строки 20 и 24), в обоих случаях внося небольшое изменение в его текст.

Житие Бориса и Глеба, слова Бориса:

«Аще бы ми врагъ поносилъ, протьрпѣлъ убо быхъ аще бы ненавидя мене *вельречевалъ,* укрылъ быхъ ся». Нъ ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь. И не постави имъ, Господи, грѣха сего, нъ приими въ миръ душю мою. Аминь».

Житие Михаила Ярославовича, слова Михаила:

«Аще бы ми врагъ Ковгадый поносилъ, претрьпѣлъ убо бых ему. Но сей ненавидяй мене *велерѣчюетъ* о мнѣ и се *ему нѣсть изменениятот Бога; аз же, Господи, уповаю на тя»*. И тако сконча псалом, и съгнувша Псалтырь, и дасть отроку.

Псалом 54.13:«… *аще бы враг поносил ми, претерпѣл бых убо*: и аще бы *ненавидяй* мя на мя велерѣчивал, оукрылбыхся от него».

54. 20:«…*несть бо им измѣнения* яко не убояшася Бога»

54. 24:«…*аз же, Господи, уповаю на тя».*

Если предсмертная молитва Бориса цитирует псалом Давида и заканчивается словами о Святополке («Господи, вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь») и стоящих рядом убийцах («не постави имъ, Господи, грѣха сего»), то молитва Михаила предполагает знания читателем как Псалтири, так и жития Бориса и Глеба и является более сложным способом цитирования того и другого текста. По смыслу жития, Михаил *читает* свои последние слова («тако сконча псалом, и съгнувша Псалтырь»), но в действительности молитва Михаила, во-первых, соединяет фразы, которые в псалме 54 даны в разных местах, а, во-вторых, соединяет текст псалма со своей ситуацией, изменяя смысл 13-го стиха, в-третьих, своим соответствием с текстом жития Бориса и Глеба,

[148] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М. 1915. С. 133.

содержит в себе скрытую цитату из последнего, а именно слова Бориса «вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь». Автор жития Михаила мог бы вложить эти слова Бориса в уста Михаилу (и они звучали бы здесь совершенно уместно, ведь главным обвинителем Михаила был его племянник («брат») – московский князь Юрий!), однако, не желая прямо обвинять московского князя, он оставил их в подтексте, который для знающего соответствующую письменную традицию, был, впрочем, совершенно очевиден[149].

Это место жития Михаила, недвусмысленно уподобляющее соперника Михаила Ярославовича – московского князя Юрия Даниловича – Святополку Окаянному, играет в житии роль не столько литературной, сколько исторической цитаты, указывая на внутреннее родство двух различных событий. Наконец, параллелью к повести о Михаиле Черниговском и житию Бориса и Глеба является описание посмертных чудес: тела всех убитых князей остаются невредимы; звери не трогают их, вблизи тел стоит огненный столб. При всех этих сходствах в житии Михаила Ярославовича больше исторической конкретики и больше драматизма; иногда, особенно при описании последних дней тверского князя, житие приобретает форму дневника, ведущегося очевидцем событий непосредственно по их завершении.

Но открывается житие Михаила Ярославовича небольшой «исторической преамбулой» (чего нет в других княжеских житиях), охватывающей в нескольких фразах мировую историю от рождения Иисуса «в послѣдняя бо лѣта» до крещения «земли русской»«на послѣдний вѣкъ», после чего дьявол, не могущий вытерпеть этого, начал вкладывать в души «зависть, ненависть, братоубийство»; сын стал «восхищать имения» под отцом, младший брат под старшим

---

[149] Косвенным подтверждением этого может служить данный эпизод из Никоновской летописи, там князь Михаил«разгнувъ Псалтырю, обрете, в псаломъ Давидовъ 54» (номер псалма в житии не указан), но далее летопись вкладывает в уста Михаила совсем другие, не содержащие никаких намеков стихи 1 и 2 54 псалма (ПСРЛ т. 10, С.184).

(оба случая подходят под действия московского князя Юрия, «сыновца», т. е. племянника Михаила, «похитившего» у него владимирское княжение). Это-то и стало причиной пленения Руси «измаильтянами»: «Оттолѣ начахомъ дань даяти по татарьскому языку. И егда коему княземъ нашим доставашеся великое княжение, хожаше князи русстии въ Орду къ цареви, носящи множество имѣния своего» (эта тема жития как бы продолжает «Написание» Акиндина).

Эта трактовка татар как орудия божьего гнева очень близка Лаврентьевской летописи, с той разницей, что иноплеменное нашествие лучше вписано в житии князя Михаила в контекст мировой истории, как одно из грозных событий «последних времен», и, кроме того, в житии конкретизированы грехи, наказанием за которые и стало пленение: это по преимуществу княжеские грехи – нарушение князьями установленного порядка наследования уделов.

Составитель жития Михаила Ярославовича, конечно, знал, что тверской князь погиб в Орде, будучи обвинен московским князем Юрием Даниловичем и ордынским послом Кавдыгаем в сопротивлении ханскому послу и, следовательно, самому хану, сокрытии дани, убийстве сестры хана Узбека (и жены князя Юрия) Кончаки (к этим обвинениям Никоновская летопись добавляет намерение князя бежать «с казною» «в немцы» и «в Рим к папе»)[150]. Составитель называет эти обвинения клеветой, но понимает, что оправдание князя еще не означает признания его святым. Поэтому составитель вводит в свой рассказ о тверском князе две темы: тему «сарацинской веры» и тему служения своим людям и своей земле как высшего долга князя, равносильного религиозному долгу.

«Сарацинская» тема появляется в житии, когда оно переходит к описанию событий, предшествовавших гибели Михаила. Первым из таких событий оказывается воцарение хана Узбека, упомянув о котором, составитель помещает в житии немного странную фразу:

[150]ПСРЛ.10, 183.

«И видѣ Богъ мерьскую вѣру срацинскую, и оттолѣ начаша не щадити рода крестьяньска». Хан Узбек делает ислам государственной религией Орды, и он же отнимает владимирское княжение у Михаила в пользу московского князя – своего зятя, что является первым звеном в цепочке последующих трагических событий. Конечно, татары и раньше не слишком щадили христианский род, но своей фразой составитель жития как будто хочет сказать, что с принятием татарами «мерзкой сарацинской веры» религиозный фактор, так или иначе, окрашивает (и оправдывает) любое сопротивление татарам. Именно в этом месте жития составитель приводит три исторических аналогии Узбеку: пленение израильтян Навуходоносором, взятие Иерусалима римским императором Титом и взятие Константинополя узурпатором Фокой (не из хроники ли Амартола взяты два последних примера? во всяком случае, там этим событиям посвящены особые главы).

В житии Михаила Ярославовича есть мотивы, свидетельствующие о развитии «регионального сознания», что отражается, в частности, в топонимике жития: после Орды[151], стоящей на первом месте по числу упоминаний (17 упоминаний), на втором стоит Тверь (6 упоминаний), что неудивительно, учитывая содержание жития. Однако, помимо Твери, появляется еще и «волость Тверская» (1 упоминание), которая в сознании автора жития уже определенно выделяется из «Суздальской земли». Так о походе московского князя Юрия и ордынского посла Кавдыгая на Тверь житие говорит: «Прииде князь Юрий ратию ко

---

[151] С точки зрения одного из авторов, «в «Житии» присутствует пространственное разделение Руси и Орды, обусловленное религиозной принадлежностью населяющих данные страны народов. Причем, ордынское пространство выступает как подвластная дьяволу территория и, соответственно, явно враждебная православной земле» (Селезнев Ю.В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житии Михаила Тверского»http://elibrary.ru/item.asp?id=12579939 // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2, С.114).

Тфери, совокупя *всю землю Суздальскую*[152]... И пожгоша всю волость Тверскую и до Волги». Фраза о том, что князь Юрий «совокупил», т. е. собрал силы со всей земли Суздальской, говорит о том, что тверские земли автор воспринимает отдельно от суздальских. С другой стороны, «волость» – слово, применяемое им по отношению к тверским землям – имеет явно подчиненный смысл относительно «земли». Но все же тверские земли осознаются как отдельные, и это требует введения более общего понятия, которое включило бы в себя и Тверь, и Суздаль. Таким понятием становится «Русь» (встречается в тексте жития четыре раза).

Что же касается темы княжеского служения, развивающейся до темы князя-жертвы, то ее смело можно назвать темой, связующей все житийное повествование. Тверской князь безропотно уступает сопернику владимирское княжение; подвергнувшись его нападению, долгое время ничего не предпринимает; когда же, вынужденный защитить своих людей, выходит на бой и побеждает коалицию своих противников, включающую татар, то прекрасно понимает, что подписывает себе этим смертный приговор; однако он едет в Орду, чтобы не вызвать карательной экспедиции татар; уже осужденный, он отклоняет предложения бегства, поскольку поставит этим под удар находящихся с ним в Орде приближенных. Все это вместе составляет прекрасную канву для рассказа и дает ответ на вопрос, каким должен быть идеальный князь в конкретной исторической ситуации. Неудивительно, что культ этого князя в Твери, сохраняющийся вплоть до наших дней, сделал его настоящим патрональным святым Тверской земли, а также «стволом» древа тверских святых: были канонизированы его сестра Софья, жена Анна, мать Ксения, дети Дмитрий и Александр, внуки Федор Александрович и Михаил Александрович. Но нужно повторить, что житие Михаила Ярославовича – это не просто идеализированный портрет (в котором всегда есть место

[152] Выделено мной – М.

ретуши[153]), но это портрет в выверенном историческом контексте, и даже во многом – созданный этим контекстом.

Тверская культура позднейшего времени находилась под очевидным влиянием житийного образа князя Михаила. В первую очередь это касается письменности, в значительной мере – иконографии, и, весьма вероятно, политической практики, когда князья в своих действиях поступали подобно Михаилу Ярославовичу (что, несомненно, препятствовало Тверскому княжеству занять доминирующие позиции в Северо-Восточной Руси).

Таким образом, предельно обобщая, можно сказать, что *первым событием, заложившим основы самобытной тверской культуры, было получение тверским князем Михаилом Ярославовичем ярлыка на великое владимирское княжение, а вторым, не менее важным, – лишение его этого ярлыка. Исторический контекст, тяготеющий к всемирности, и патриотизм, тяготеющий к региональности* – это, в общем, разные вещи, но *в тверской версии мира присутствует и то и другое.*

3.3. Летописные повести о князьях Александре Михайловиче (1327 и 1339 гг.) и Михаиле Александровиче (1399 г.)

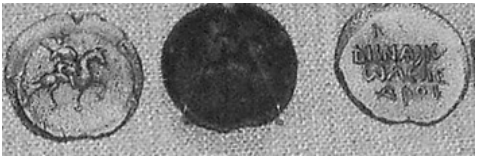
154

Последующие события политической истории Тверского княжества пошли по линии, предначертанной житием Михаила Ярославовича: сыновья Михаила – Дмитрий, прозванный «Грозные очи», и Александр – получали от хана Узбека ярлык на великое владимирское княжение,

[153]Житие, в частности, не упоминает походы Михаила на Москву (в 1305/6 и 1308 гг.) и Новгородские земли (1311 г.).

[154] Мощевик с изображением мучеников черниговского князя Михаила и его боярина Федора. Тверь XIV в. ГИМ.

и спустя некоторое время были казнены в Орде (Дмитрий в 1325 г., а Александр в 1339 г.). Оба князя были канонизированы, но отражение связанных с ними событий в тверской (и шире – в русской) письменности было существенно различным. Так, события, связанные с Дмитрием Михайловичем, казненным Узбеком за то, что годом раньше Дмитрий убил находившегося тогда в Орде московского князя Юрия Даниловича, отразились лишь в кратких летописных сообщениях, с нейтральными или осуждающими тверского князя интонациями[155]. Исследователями жития Михаила Ярославовича давно уже отмечалась сдержанная позиция составителя жития по отношению к московскому князю; источником раздора в нем назвались не москвичи, а татары. Вероятно, именно эта сдержанности помешала тверским книжникам создать «житийное обрамление» для убийства из мести одного русского князя другим, да еще и в самой Орде. Что же касается событий, связанных с князем Александром Михайловичем, то их литературным откликом стала летописная повесть о Щевкале (Щелкане) и повесть о смерти Александра в Орде.



Ил. 70. Печать тверского князя Александра Михайловича. ТГОМ.

По какой-то причине эти две повести не составили единого литературного произведения; возможно потому, что между восстанием в Твери и смертью Александра прошло 12 лет. Кроме того, несомненно, что первый эпизод этой истории привлек к себе гораздо большее внимание, чем второй (появилась, в частности, народная «Песня о Щелкане»,

[155]См. Конявская Е. Л. Дмитрий Михайлович Тверской в оценке современников и потомков //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19).

о времени появления которой и о степени ее исторической достоверности продолжают спорить историки)[156].

Тверское восстание 1327 года, в результате которого погиб татарский посол Щелкан (Шевкал) «Дюденевич» («братанич» Узбека)[157] и его отряд, инициировало целый ряд событий, касающихся, конечно, в первую очередь Тверского княжества (в том же году последовала карательная акция, в ходе которой московско-татарское войско разорило основные тверские города), но не только его: вероятно, под влиянием событий в Твери ордынская администрация создает еще одно великое княжество в Северо-Восточной Руси – Суздальско-Нижегородское – с очевидной целью: не допустить чрезмерной концентрации сил в руках великих владимирских князей, не взирая даже на то, что после 1327 года ими почти всегда были лояльные Орде московские князья. Тверская летопись представляет Шевкала как «разорителя христианства», желающего истребить русских князей, чтобы привести Русскую землю в полное подчинению татарам: «и въздвиже гонение велико на христианы, насилство(м), и бие(ние)м и поруганием»[158]. Обвинения Щелкана продолжают и даже усиливают антитатарскую линию жития Михаила Ярославовича, и в дальнейшем эти обвинения были включены и в московское официальное летописание[159].

Однако описание дальнейших событий в тверской и московской интерпретации расходятся. Московская летопись показывает князя Александра инициатором сопротивления («и

---

[156]См. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876, С. 123–124.; Воронин Н. Н. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. Зимин А.А. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни // История СССР. 1963. №3; Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л. 1988.
[157]ПСРЛ. 10, 194.
[158] ПСРЛ. 15, 415.
[159] ПСРЛ. 10, 194.

созва Тверич и вооружився и поиде на него»)[160], в то время как тверская подчеркивает сдержанность князя, который, видя «насильства» татар над своими людьми «не могый оборонити терпеть им веляше». В тверской версии восстание вспыхивает спонтанно (даже приводится непосредственная причина: попытка татар отнять у тверитянина Дудко кобылу «молоду и зело тучну»)[161]. В последующих событиях тверская летопись подчеркивает роль горожан (которые даже успевают собрать вече)[162] и вовсе не упоминает князя. Комментируя летописное освещение событий 1327 года, исследователи занимают «среднюю позицию» по отношению к московской и тверской их интерпретации, т. е. тверской князь все же принял участие в восстании, возможно даже возглавил его, понимая при этом

---

[160] Как пишет Ч. Гальперин «Из аристократического высокомерия или из соображений политических составители */Никоновской – М./* летописи опускают историю вечевого восстания и ответственность за вооружение тверичей возлагают на князя Александра Михайловича» (Гальперин. Ч. Дж. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси с Ордой //http://elibrary.ru/item.asp?id=17391409 Rossica Antiqua. 2010. Т. 2. с. 161). В своей работе, посвященной тверскому восстанию 1327 года, Дж. Феннел указывает на то, что содержащаяся в московском (а также близком к нему новгородском) летописании речь князя Александра к восставшим тверичам заимствована летописцем из Повести Временных Лет – а именно речи князя Ярослава перед битвой при Альте (1015 г.) (FennelJ.L.I. The Tver Uprising of 1327. A study of the sources // JGON. F. 1967. 15, P. 170).

[161] Дж. Феннел полагает, что рассказ о восстании, содержащийся в тверской летописи наиболее достоверен ввиду обилия в нем ярких и непосредственных деталей, включенных в повествование под непосредственным впечатлением о событии: «It is not difficult to strip this account of this superfluous decoration and to arrivethekernel of the original story. Clearly the second half of the narrative, beginning «And it was on the 15th day of the august», with its succinct swift-moving action and vivid details, is, as it stands, an original work: it would be impossible to image a later compiler adding such sharply observed details as the reedy-voiced deacon with his young for mare…» (Fennel J. L. I. The Tver Uprising... P.168)

[162]«…и смятошася людіе, и ударяша въ колоколы, и сташа вечіемъ, и поворотися весь градъ, и весь народъ томъ час събрашася…»ПСРЛ. Т. 15. 416.

неизбежность его роковых последствий[163]. Повторились события десятилетней давности, когда князь не мог уклониться от участия в событиях, понимая при этом, что участие грозит ему гибелью. Тверская традиция, в отличии от московской, самым очевидным образом ограничивает власть князя вечевым городским самоуправлением; можно вспомнить, что и перед Бортеневской битвой 1318 года князь Михаил Ярославович созывает совет, «призвавъ епископа своего, и князи, и бояре». *Со страниц тверской летописи тверской князь предстает не инициатором событий в своем княжестве, а по преимуществу ответчиком за них,* но именно эта роль (часто роль жертвы) придает фигуре князя исключительный престиж в Твери и даже обеспечивает своеобразную легитимацию институту княжеской власти. Во всяком случае, в тверской летописи обычно самые яркие страницы, связанные с деятельностью князя – это страницы его мученичества. Описание последних дней князя Александра Михайловича в Орде, согласно тверскому сборнику, примерно следует соответствующему описанию в Орде Михаила Ярославовича, отклоняясь от него только в описании самого момента казни: «Они же немилостивые похватиша его, възложиша назад, и оборваша порты его и поставиша и пред Товлубием нага и связана. Оному же беззаконному стояща на коне, и с ним множество Татар, испусти окаянный глас свой «убийте»[164].

Самой вероятной причиной смерти тверского князя был, как и в случае с Михаилом Ярославовичем, московский князь – младший брат князя Юрия Иван Данилович «Калита»: ведь всего за два года до смерти тверской князь был в Орде и тот же Узбек дал ему ярлык

---

[163]Впрочем, мнение В. С. Борзаковского согласуется с версией Тверского сборника: князь понимал последствия восстания против татар и из летописи не видно, чтобы он или его дружина принимали в нем участие (История…. с. 123). Но мнение Э. Клюга представляется более предпочтительным: князь, конечно, не был инициатором восстания, но когда «борьба уже началась, князь ни в коем случае не мог позволить себе остаться в стороне от нее» (Э. Клюг. Княжество Тверское… С. 117)

[164]ПСРЛ 15, 420.

на тверское княжение. Однако вслед за этим в Орду приехал московский князь, после чего Узбек изменил свое решение, вновь вызвав к себе тверского князя и казнив его. На этот раз летописи ничего не говорят об обвинениях против тверского князя, ограничившись замечанием, что князь был «оклеветан накрепко»[165]. После чего, как говорит Никоновская летопись, «Тверское княжение до конца опусте». Тем не менее, татары вовсе не были заинтересованы в гибели Тверского княжества и поглощении его усиливающейся Москвой; напротив, несмотря на враждебность к тверским князьям, Орда в какой-то мере была гарантом независимости Тверского княжества, не давая чрезмерно усилиться ни одному из русских уделов.

«Повесть о преставлении князя Михаила Александровича», скончавшегося в 1399 г., списанная, по словам летописи, с жития князя (не сохранилось), в сюжетном отношении имеет мало общего с предшествующими княжескими житиями, ведь Михаил Александрович умирает в своей столице, в монашеском чине. Однако в жанровом отношении и отчасти содержательно она во многом пересекается с ними. Прежде всего, для нее характерен трагический настрой: умирает князь, правивший в Твери 36 лет (больше всех тверских князей за все время независимости), «великий страж Тверского града», «орел, стерегущий гнездо свое», по выражению летописи. Кроме того, основные темы предшествующих княжеских житий продолжаются и здесь, правда их удельный вес при этом изменяется. Так, ордынская тема здесь присутствует только в начале, когда повесть пересказывает летописный рассказ о смерти в Орде князя Александра, отца Михаила. При этом ничего нового в эту тему повесть не добавляет.

Зато тема Константинополя, которую раньше можно было обнаружить в самом начале формирования тверской культуры, а в дальнейшем – только пунктиром, здесь вновь обретает значимость: в первой половине повести рассказывается о возвращении

[165] ПСРЛ 10, .209.

посольства, отправленного два года назад князем Михаилом в Царьград «якоже преже обычай бе ему многажды посылати милостыню в соборную церковь, святую Софию, и патриарху»[166]. Вместе с тверскими послами в Тверь пришел и посол от патриарха архимандрит Герман с иконой «Страшный суд» и с мощами святых. Узнав о приближении иконы, князь, по словам повести, «пременил ум от тленных на нетленна», решив, если Бог сподобит его ее увидеть, не возвращаться более в дом свой, «но да будет мне сие вож в вечный путь». 66-летний князь был уже тяжело болен: «от ложа своего великой силою воздвижеся», чтобы встретить икону. В структуре повести два события: встреча посольства из Константинополя и смерть князя, наступившая спустя восемь дней, составляют смысловое единство.

Князь сдержал обещание: после церковной службы и пира он уже не вернулся в свой дворец, но, попрощавшись с народом, велел вести себя в монастырь св. Афанасия для пострижения. «Видение же бе зрака его тогда изменилося на дряхлость, и светлость лица преложися на бледность» – тверская книжность по-прежнему верна стилю непосредственного наблюдения.

Тема «князь и его народ», не менее важна здесь, как и в предшествующих текстах: само умирание князя представлено как публичное событие: князь прощается со всеми «от малых и до великых, и отпусти их; они же отхожаху плачущееся». Характерно восклицание, раздающееся «из народа»: «где ты ныне отходиши и камо грядещи, о Тверская великаа свобода»[167]. С точки зрения некоторых исследователей, сама повесть тоже написана «человеком из народа»: «...подробность описаний и искренность интонаций

---

[166] ПСРЛ. 11, 177. Вероятно, это иная интерпретация события, рассказанного в Никоновской летописи под 1398 годом, где сообщается, что, будучи в осаде от турок, «послаша патріархъ и царь Мануилъ на Русь милостыни просити» у Василия Московского, Михаила Тверского, Витовта Литовского и Олега Рязанского. В ответ на посланный князьями «поминок» из Константинополя были получены иконы, летопись упоминает, что Москвой был получен «Спасъ въ белоризцехъ» (С. 168).

[167] ПСРЛ. 11, 182.

свидетельствуют о том, что автор был очевидцем и участником событий... По всей вероятности, он принадлежал к духовному званию, однако занимал довольно скромное место в церковной иерархии. Он видит лишь то, что видят все. С точки зрения стоящих в толпе он и передает происходящее»[168]. К этому справедливому замечанию можно прибавить, что публичность – важнейшая характеристика всей сцены.

3.4. Летописные повести из «Тверского сборника»: критическое переосмысление истории

169

К моменту смерти князя Михаила Александровича, т. е. к рубежу XIV – XV веков, политическая ситуация по сравнению даже с серединой предшествующего столетия, заметно изменилась. Во-первых, существенно уменьшился фактор Орды, но настолько же увеличился фактор Литвы. К началу XV века Тверское княжество оказалось между двух государственных образований, значительно превосходящих его по территории, и конечно, военной мощи. Во-вторых, значительное усиление Московского княжества сделало его автоматически центром антиордынского сопротивления и соответственно мишенью для военных операций Орды: после 1380 года Тверь определенно стала более безопасным местом в отношении ордынских набегов (именно в Твери спасаются от нашествия Тохтамыша (1382 г.) митрополит Киприан и Сергий Радонежский). Похожая ситуация повторилась и во время набега Едигея (1408 г.), хотя еще недавно все было наоборот; всем

[168] Конявская Е.Л. Ранняя повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского // Древняя Русь. №17. 2004. С.79.

[169] Крест из деревни Троица. Калининского района Тверской области. XV в., МИАР.

известная враждебность с Москвой теперь становится охранной грамотой для Твери. Но в этой новой ситуации наряду с очевидными плюсами был для Твери и один минус: тверское самосознание выстраивалось во многом, как мы видели, на противостоянии Орде, на сопротивлении ей, пусть и безнадежном. Что же может заменить ее, если эту идею перехватили другие?

Ответ на это вопрос может дать т. н. «Тверской сборник»– летописный памятник, составленный в 1537 году (т.е. спустя примерно 50 лет после присоединения Твери к Московскому государству) и известный по рукописи XVII века. Открывает сборник «Хронограф, глаголемый Летописец русский», далее следует «Временник софийский, иже глаголется летописец русских князей», заканчивается сборник «Летописцем Тверского княжения». Сборник охватывает русскую историю от крещения Руси до конца XV века (всемирная история представлена кратким изложением римской и византийской истории с наложением на первую евангельских событий, на вторую – истории вселенских соборов).

Собственно Тверской летописец занимает лишь последние 20 страниц издания 1865 года по Погодинскому списку (ст. 463 – 502) и открывается с панегирика тверским князьям и небольших заметок о княжениях Михаила Александровича и Ивана Михайловича. При этом сборник стремится придерживаться не принципа летописи, а принципа хронографа: расширенные исторические рассказы явно преобладают в нем над краткими погодными записями. Но такой принцип характерен не только для «тверской» части сборника, но и для сборника в целом. Несомненно, что исходный текст «Тверского сборника» подвергался значительным искажениям и сокращениям, однако был ли он механическим сведением различных летописных источников в единый текст?

В пользу того, что текст был единством, причем единством хронографического характера, свидетельствует и предисловие к «тверской» части сборника: «Мы же елико многа без лености речемь зряще русского Гранографа по великому изложению

предержаща иже во всем лете и родовом и градовом бытия праве подавающе. От Киева же начну даже и до сего богохранимого Тверского града, в нем же вспитание бысть благородному Михаилу великому князю» (*перевод:* «мы же настолько много и без лености пересказываем, глядя в русский Хронограф по великому изложению, насколько это содержится в его записях, о народной и городской жизни, в соответствии с годовым исчислением. Начну же от Киева и доведу вплоть до богохранимого тверского града, где вырос благородный Михаил, великий князь»)[170].

Но сборник представляет собой не только стилистическое единство – он предлагает осмысление исторических событий под определенным углом зрения и содержит в себе такие интерпретации некоторых из них, которые не встречаются в других летописных сводах. В Лаврентьевской летописи, которая, как предполагалось выше, являлась также частью обширного историографического замысла Михаила Ярославовича, тверским известиям также была уделена небольшая часть в заключении летописного текста. Не является ли «Тверской сборник» остатками исторического замысла внука Михаила Ярославовича – Михаила Александровича, его сына Ивана или Бориса? Утверждать это с определенностью нельзя, но интерпретации некоторых событий «Тверским сборником» заслуживают внимания, поскольку хорошо вписываются в общее направление тверской историографии. Например, в описании битвы на Калке (1223 г.) – события, значение которого стало очевидным лишь с определенной исторической дистанции: именно поражение русских князей открыло татарам дорогу на Русь – сборник следует в начале «общелетописной» их версии, незначительно отличаясь от Лаврентьевской, Первой Софийской и других летописей, но затем добавляет к ним то, что можно назвать «историческим обоснованием» произошедшего (выделено курсивом): «По грехом нашим пришедши языци

[170]ПСРЛ.15,1, 464. Говорит ли это о том, что тверской хронограф был составлен уже при князе Михаиле Александровиче, а в дальнейшем лишь дополнялся отдельными статьями?

незнаемы безбожные моавитяне… мы же их не вемы кто суть, но и зде написахом о них памяти ради Русскых князь и беды, еже бысть от них; *но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания Русскых князь попусти Бог сему бытии. Бѣша бо князи мнози и высокоумни, и мнящеся своею храбростию съделовающе; имяхуть же и дружину многу и храбру, и и тою величающееся, от них же едином воспомянем зде, описания налезшее..*» (перевод: « но не из-за них /т.е. татар/ все это случилось, но от гордости и величания русских князей попустил Бог этому случиться. Князья были многочисленны и высокоумны, надеялись на свою храбрость; дружины же они имели большие и храбрые, и гордились ими. Об одном же здесь из них вспомним, прервав погодное описание»)[171].

Тверской сборник обвиняет в произошедшем на Калке поражении самих русских князей. Но почему эту позицию нужно соотносить именно с позицией Твери, тем более что Лаврентьевская летопись, как упомянуто выше, как раз склонна снять с князей ответственность за гораздо более страшное поражение 1237–1238 года? Очевидно, дело в том, что позиция Лаврентьевской летописи (независимо от того, была ли она на самом деле инициирована Тверью или нет) после событий первой половины XIV века выглядела уже неактуальной. Более адекватной выглядела позиция жития Михаила Ярославовича: татары пришли как божья кара за княжеское нестроение, за попытки младших князей «восхищать имение» под старшими. Именно такое понимание соответствует позиции «Тверского сборника».

После приведенных выше слов о «высокоумных князьях» в «Тверском сборнике» следует исторический пример: повесть о распре 1212 – 1216 гг. между сыновьями князя Всеволода Большое Гнездо, старшим Константином и младшим Юрием (которому предстояло погибнуть в 1238 году в битве на реке Сить), о великом княжении. Рассказ этот по всей вероятности, был включен в «Тверской сборник» как историческая аналогия спору князей

[171]ПСРЛ.15,1, 336.

Михаила Ярославовича тверского и Юрия Даниловича московского (аналогия тем более уместная, что в обоих случаях князь Юрий – младший из двух претендентов). Правда, спор закончился для Константина гораздо более благоприятно, чем для Михаила; Константин отстоял великое княжение: «Многажды бо князь великий Юрий на братнее достояние прихождаше, но со срамом возвращашеся» – но ведь тогда не было «татарского фактора»!

В этом месте повести о сыновьях Всеволода можно подумать, что вина князей, вызвавшая поражение на Калке в том, что они истощали свои силы в братоубийственной борьбе: «их же костей накладены могыли великы и доныне на реце Ишне, а инии по ону сторону реки Усии»[172]. Но летописец продолжает: через два года Константин Всеволодович умирает, оставив великокняжеский стол Юрию, после чего воины, служившие ранее Константину, «съвет сътвориша»: нужно ли идти к Юрию, не будет ли он мстить им. Решение же их было в том, что следует служить только одному, верховному, т. е. киевскому князю: *«аще служити начнут князем по разным княжениям, то и не хотя имут перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроение и части боеве; тогда же ряд положише, яко служити имъ единому великому князю въ матери градом Киеве»* (перевод: «если начнут служить по разным княжениям, то и не желая этого, перебьют друг друга, поскольку на Руси среди князей великое несогласие и часты военные столкновения; тогда же они договорились служить единому великому князю в матери всех городов Киеве»)[173]. Но это решение, казалось бы, очевидное и разумное, привело в конечном счете к катастрофе на Калке, так как киевский князь Мстислав *«о них же князь великий велми гордящееся и хваляшеся, донележе сиа злоба съключися, о ней же повесть предлежит»* (перевод: «киевский князь Мстислав, получив большую дружину, стал гордиться и хвалиться ею, до тех пор, пока не приключилось то несчастье, о

[172] ПСРЛ.15,1, 337.
[173]ПСРЛ.15,1, 338.

котором – последующая повесть»). Далее рассказ о сражении вновь возвращается в «общелетописную» канву).

Весь этот «исторический контекст», в который «Тверской сборник» включает сражение на Калке, никак нельзя назвать непосредственной реакцией на событие: скорее это результат его осмысления с довольно большой исторической дистанции, но какой именно? Автор повести выступает как противник «княжеского нестроения», но вместе с тем он противник чрезмерной концентрации сил под властью одного, пусть даже и киевского (а для первой половины XV века – московского) князя. Начиная с 1371 года, Москва никому не уступала великого княжения, быстрый рост ее могущества был очевиден. С другой стороны, в XV веке, не ранее которого, скорее всего, был написан протограф «Тверского сборника», у Москвы было уже не так много явных оппонентов в пределах северо-восточной Руси. Так что тверское авторство, по крайней мере, данного места Хронографа следует признать весьма вероятным. Но если это так, то становится очевидным, что *политическая доктрина Твери никак не могла быть аналогичной московской: скорее это доктрина баланса политических сил, чем их объединения под одним началом.*[174].

---

[174]В своей статье «Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв.» (Труды отдела древней русской литературы (далее – ТОРДЛ), т. 34, С. 96-115) А. Я. Лурье высказывает мысль, что свидетельство Тверского сборника об этой битве не имеет отношения к тверской летописной традиции, а является поздней (XVI в.) компиляцией, в которой нашли отражение свидетельства Первой Новгородской и предполагаемой Ростовской летописей (С. 108–109). Но при отдельных совпадениях (касающихся речей участников сражения) Первая Новгородская и Тверской сборник передают различные подробности сражения (Новгородская летопись сообщает, что новгородцы сражались босыми, чего нет в Тверском сборнике, а Тверской сборник говорит о «плетне с колием», на который надеялись воины Юрия – этого нет в Новгородской). Что же касается «ростовской составляющей» свидетельства Тверского сборника, то она, по мнению А. Я. Лурье, дошла до сводчика XVI века не в чистом виде, а будучи соединенной со смоленской летописной традицией (также гипотетической). Со своей стороны я полагаю, что отнесение Тверского сборника к единой летописной традиции (во всяком случае, его части, которая описывает

В описании Батыева нашествия «Тверской сборник» также отступает как от более ранних (Лаврентьевской, Софийской летописей), так и в более поздних рассказов о нем (например, суммирующей различные летописные традиции Никоновской летописи).

Прежде всего, Батыево нашествие непосредственно связано здесь с поражением на Калке: *«побеждение Рускых князей прослу, и храбрых оных 72 избиение ведомо там бысть, и межиусобныа брани Рускиа земля, и глады и мор(ы) велиц(ы), и оскудение Рускаго воинства, и разнствие в братии, и просто всем земское неустроение; наипаче же обнажися греховна злоба, и вопль греховный в уши Господа Саваофа вънииде, тем и попусти на землю нашу таковую всепагубную рану»* (перевод: «узнав о победе над русскими князьями и об убийстве 72 храбрых князей, и о голоде и великом море, и об оскудении русского воинства, и розни между братьями и повсеместном неустроении; особенно же открылась греховная злоба, и вопль греховный вошел в уши Господа Саваофа, впустив тем самым в нашу землю такое ужасное несчастье»)[175]. Эта интерпретация татарского нашествия, как бы тематически подхватывающая введение в житие Михаила Ярославовича, также скорее хронографическая, нежели летописная, т. е. это одновременно и философское осмысление, и литературное обрамление происшедшего. Антитатарский пафос, характерный для тверской письменности, здесь представлен очень ярко, впрочем, «антитатарским» его можно назвать лишь условно: татары конечно зло, они жестоки и лживы, но причины зла лежат в самих русских князьях.

события 1216 – 1237 гг.) не противоречит мысли о сборном характере материала, получившего обработку в этой традиции. Но публицистическое единство данных летописных сообщений предполагает определенную политическую программу, что в гораздо большей степени соответствует Твери XIV и XV века, нежели Ростову XVI в. И это не говоря уже о том, что никакого особенного внимания к Ростову (как и к Смоленску) Тверской сборник не обнаруживает.

[175] ПСРЛ.15, 365.

В описании более современных событий, т. е. событий, относящихся уже к XV веку, тверские источники носят, очевидно, все тот же характер, однако в изменившейся ситуации смысл этой позиции меняется. Так, «Повесть о Плаве», описывающая историческую ситуацию договора между Василием I и Витовтом, и «Повесть о Едигеевом нашествии» упрекают московского князя Василия в необдуманном союзе с татарами против Витовта, что и вызвало, в конечном счете, разорение Московского княжества Едигеем. Обе повести можно рассматривать как единое целое, поскольку они находятся во временном соседстве (1408 и 1409 гг.) и причинно-следственной связи друг с другом. Подобной точки зрения придерживаются источники, считающиеся основанными на тверских летописных сводах; помимо «Тверского сборника» это Симеоновская и Рогожская летописи. И эта позиция действительно соответствует той, которую традиционно занимала тверская книжность в отношении татар.

Впрочем, упреки в адрес московского князя традиционно довольно мягкие: летописцы ссылаются на неких «старцев», задающих риторический вопрос «добра ли се будет дума юныхъ наших бояръ, иже приведоша татар на помошь?» Татары не могут быть нашими союзниками против Литвы, убеждена летопись, они придут лишь, чтобы высмотреть «наряд» (т.е. воинское устроение), а потом нападут сами. Я. С. Лурье объясняя «компромиссный» характер тверских источников, выдвигает гипотезу, что их писали в Твери, но москвичи, бежавшие из Москвы в Тверь во время нашествия[176]. Что же касается московской реакции на эти события, она, в конечном счете, опиралась на Троицкую летопись митрополита Киприана и была, по мнению Лурье, гораздо более «осторожной» в отношении татар.

Однако официальное московское летописание первой половины XVI столетия – Никоновская летопись – в своей интерпретации нашествия Едигея гораздо более радикальна, чем

[176]Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV века // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 294–298, С.198.

сохранившиеся тверские источники. Татары, по словам летописи, «Русскыхъ князей другъ з другомъ враждуютъ, и от любве их отлучаютъ, и особную рать межи их составляютъ, и от той разности сами втайне подкрадаютъ ихъ, злии волцы христианом обретаются научением отца ихъ сатаны… подкрадаютъ насъ, да неколи князи, надеющееся, с ними истинно мирующе, и любовно пребывающее, бестражны от них будутъ, да обретшее они время удобно себе, вместо злага желаниа получатъ»[177]. Такой текст должен был быть написан в Твери, а не в Москве!

Но независимо от происхождения этой летописной повести, ее антитатарский пафос был усвоен московской книжностью, пусть и только по отношению к относительно недавним событиям, а не более отдаленным, что неудивительно: ведь само возвышение Москвы было основано на том, что московские князья были «любовно пребывающее» по отношению к Орде. Но это уже не имело большого значения; фактически антитатарский пафос тверской книжности был устаревшим уже в начале XV века, когда татары лишь незначительно беспокоили тверские пределы[178], переключив свое внимание на Москву.

Правда и в начале XV века в летописи можно встретить слова «прииде в Тверь посол лют»[179](1412 г.), а тверскому князю, как и в прежние времена, приходится спешно идти в Орду по вызову хана. Причем обстоятельства проводов тверского князя Ивана Михайловича[180] заставляют предположить, что тверичи имели все основания опасаться событий столетней давности, т.е. казни князя в

---

[177] ПСРЛ. 11. С.205-206.

[178]Нашествие Едигея затронуло Клинскую область, принадлежащую к Тверскому княжеству.

[179] ПСРЛ. 11, 218.

[180] Князь отплыл на судах по Волге, его провожало «многое множество народа со слезами», причем многие плыли с князем до Нижнего Новгорода (XI.219). Несомненно, что тверской князь боялся гнева хана по причине жалобы кашинского князя Василия Михайловича. Однако «Зеленя хан» умер раньше, чем Иван Михайлович добрался до Сарая, а новый хан отпустил тверского князя «с честью». По всей видимости, это была последняя поездка тверских князей в Орду.

Орде. Но все же значение ордынского фактора постепенно уменьшалось, а литовского – увеличивалось. И, хотя в истории противостояния Москвы и Твери Литва для Твери значила примерно то же, что и Орда для Москвы, (то есть, некое зло, с которым можно однако договориться) усиление значения Литвы в тверской политике вовсе не было безусловным благом для Твери.

Дипломатическое и, возможно, общекультурное сближение с Литвой, которое перед лицом усиливающейся Москвы стало условием политического выживания для Твери, никак не могло иметь идеологического оправдания и в конечном счете стало поводом для вторжения войск Ивана Третьего и прекращения тверской независимости. Литва, князь которой принял католичество (1385 г., «Кревская уния»), воспринималась на Руси как «латинское» государство. Поэтому неудивительно, что тверская книжность скорее стремилась преуменьшить «компрометирующую» Тверь связь с Литвой. С начала XV столетия тверское самосознание в различных его проявлениях вступает в период кризиса, но, с другой стороны, долгий период без войн не мог не быть благоприятным для культуры в целом.

3.5. «Инока Фомы слово похвальное». Итоги тверской политической философии

[181]

Указанные выше две противонаправленных тенденции сформировали литературный памятник, который можно рассматривать по-разному: и как вершину политического мышления Твери, и как симптом его глубокого упадка. Во всяком случае, в отличие от многих летописных повестей, принадлежность «Слова» тверской письменности ни у кого не вызывала сомнений; памятник, очевидно, не

[181] Крест из села Дегунино (Зубцовский р-н). XVII (?) век. Краеведческий музей г. Зубцова.

подвергался позднейшей редакторской обработке, упомянутые в нем события и люди позволяют дать Слову точную датировку (это 1453 г. – год падения Константинополя!). Правда, текст сохранился не полностью и местами испорчен, но все же сохранилось достаточно для того, чтобы говорить о тексте как о целом.

«Слово похвальное» представляет собой панегирик великому тверскому князю Борису Александровичу (1441 – 1461 гг.) и написано в благоприятный момент тверской политической истории: более сильные соседи Тверского княжества – Москва и Литва вступили в длительный период внутренних междоусобиц; угроза татарского вторжения практически потеряла для Твери (но не для Москвы!) всякую актуальность. Международный престиж Тверского княжества, вероятно, довольно высок: тверской посол участвует во Флорентийском соборе (о представителях из других областей Руси, например Рязани или Новгорода, ничего неизвестно), Слово упоминает даже посольство в Тверь из «Шаврукова царства», т.е. государства Тимура.

Наконец сам московский князь Василий II, лишенный власти, получает в Твери поддержку и помощь, о чем Слово говорит с явным оттенком покровительственного отношения Бориса к Василию; сам Василий, во время борьбы с Дмитрием Шемякой, просит помощи у тверского князя: «Бес тебе, брате, и малый град не отвориться мнѣ». Но Слово не просто воздает хвалу Борису как устроителю своего княжества, отважному воину, защитнику веры, но также и пытается нащупать контуры нового политического курса для Твери. Здесь можно выделить «московскую» и «литовскую» тему Слова.

В отношении с Москвой «Слово» явно стремится преодолеть накопившуюся за полтора века враждебность (только в начале «Слова» есть некоторые антимосковские интонации)[182]. Когда по поводу бракосочетания сына московского князя Василия Ивана и

[182] Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства CLXVIII. 1908. С.16–17.

дочери тверского князя Бориса Марии автор говорит о всеобщей радости в Москве и Твери, он формулирует суть своей «московской позиции»: «И москвичи же радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а тфѣричи радовашеся, якоже Тьфѣрь Москва бысть, но два государя *воедино* совокупишася».

В отношении Литвы «Слово», напротив, подчеркнуто дистанцируется: договор с польским королем Казимиром 1449 года описан не как договор союзников, но скорее как временный компромисс противников («И слышавъ же сие король литовский Казимиръ, но якоже грядетъ к нему великий князь Борисъ въ сретение, но нѣ боящеся кознѣй его ни лаяниа, но хотяй гордыню его попрати милостию и его пречистыя матере молитвами. И король же повели воеводамъ своимъ порубежнымъ с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати»). Подобным же образом описаны и споры Литвы и Твери о владении Ржевом[183]. Однако, как сообщает далее Слово, возводимые Борисом новые города получают литовское и польское названия: Троки и Люблин. Нужно вспомнить и о том, что попытка сына Бориса князя Михаила возобновить в 1484 году договор 1449 года вызвало вторжение Москвы и уничтожение тверской независимости: очевидно, Москва смотрела на союз Твери и Литвы совсем не так, как хотелось бы автору «Слова». В середине XV века Тверь определенно ощущала себя между Москвой и Литвой как между двух огней: чрезмерное сближение с одним из соседей грозило поглощением им, а чрезмерное отдаление – завоеванием.

Заметно, что «Слово похвальное» почти ничего не говорит о предыстории княжения Бориса Александровича, вспоминая только о его непосредственных предшественниках Иване и Александре, и то лишь, чтобы сопоставить в благоприятном для Бориса свете его

---

[183] Похоже, в «Слове» переставлены два договора с Казимиром: вначале описывается хронологически более поздний договор 1449 года (в этом же году был пожар в Твери, упоминаемый и в Слове и в Тверском сборнике (ПСРЛ. 15, 494), а затем договоренность 1448 года, когда литовцы совершили нападение на Ржев.

деяния и деяния прошлых тверских князей. Как бы оправдываясь, автор говорит: «Но не похуляю тихъ, но другаго строение похваляю». О героических страницах истории Тверского княжества автор Слова умалчивает (что неудивительно, учитывая изменившуюся историческую ситуацию: Тверь больше не противопоставляла себя Москве).

Однако некоторые литературные мотивы, принадлежащие традиции тверского княжеского жизнеописания в «Слове» все же присутствуют. В частности, в нем есть скрытые цитаты из жития Михаила Ярославовича. Например, когда Борис отказывается бежать из только что сгоревшей Твери при известии о приближении короля Казимира с войском, он говорит своим приближенным /перевод/: «…разве не слыхали вы о великом мученике Христове Дмитрии, как говорил он о своих людях: «Господи, если ты погубишь их, то и я с ними погибну?» Слова эти – почти точная цитата из жития Михаила Ярославовича: «Помянул он имя блаженного боголюбца, великого Христова мученика Димитрия, сказавшего про отчину свою и про Селунь град: "Господи, если погубишь их, то и я погибну с ними, если же спасешь их, то и я с ними спасен буду»[184].

Еще одна цитата – из эпизода, описывающего нападение Юрия Шемяки на тверской город Кашин, по поводу чего один из кашинских воевод цитирует житие Михаила Ярославовича, которое в свою очередь цитирует житие Бориса и Глеба, в котором цитируется 54 псалом[185]: «Если бы враг на нас пришел, например, татарин, тогда бы еще стерпели это от него. Но этот – одного с нами крещения, христианин, а дела татарские творит, не щадит

---

[184] «Слово»: «И нѣсте ль слышали великого мученика Христова Дмитриа, и какъ о своихъ си людехъ глаголаше: «**Но, Господи, аще ли погубиши ихъ, то и азъ с ними погибну»**. Житие: «Помянулъ бо бяше блаженнаго отчество боголюбца, великаго Христова мученика Дмитрея, рекше про отчину свою и про Селунь град: «**Господи, аще погубиши ихъ, то и азъ погибну с ними**, аще ли спасеши ихъ, то и азъ с ними спасенъ буду» /выделено мной – М./

[185] Об этом фрагменте см. выше, с. 10.

икон Божиих»[186]. Цитаты, которыми оперирует «Слово», оказываются погружены в совершенно инуюпо сравнению с Житием Михаила, ситуацию, но, похоже, они все еще оказывают влияние на мышление автора «Слова», подсказывая ему своего рода риторические клише и продолжая таким образом тверскую литературную традицию.

Но можно ли сказать, что «Слово похвальное» продолжает и политическую традицию Твери, во многом и вызвавшую тверскую литературную традицию? Можно ли на основании «Слова» сказать, что тверские князья продолжают борьбу за политическое лидерство в северо-восточной Руси? Или, отказавшись от борьбы за лидерство, тверские князья довольствовались установлением «самодержавства» внутри собственных пределов? В пользу первого можно сказать, что в «Слове» часто говорится о «самодержавстве» князя Бориса, сам он называется самодержцем и даже царем. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям[187] говорить о том, что сама идея «русского царя» возникает вначале в Твери и лишь впоследствии заимствуется Москвой. Другие

---

[186] «Слово»: «… **аще** ли бы ны **враг** пришел, рекъше тотаринъ, но **претерпѣли** бы быхом от него. **Но сей** же единово крещениа христианства с нами, а дѣла тотарьская творит, но еже образовъ Божиих не пощадил». Житие: «**Аще** бы ми **врагъ** Ковгадый поносилъ, **претрьпѣлъ** убо бых ему. **Но сей** ненавидяй мене велерѣчюетъ о мнѣ и се ему нѣсть изменения от Бога; аз же, Господи, уповаю на тя»./выделено мной – М./

[187]Уже публикатор «Слова» Н. П. Лихачев обратил внимание на политическую программу документа: «Не князь московский, а боговенчанный царь Борис Александрович Тверской настоящий наследник Византийской империи и «второй Константин», благоверный православный самодержец, несмотря на отношения к Золотой орде. Тверское «Слово» инока Фомы не столь определенно и категорично, сколь московское, но зато оно первая, робкая попытка». Лихачев Н.П. Инока Фомы слово похвальное… С. 60. Точку зрения Н. П. Лихачева развивает Я. С. Лурье, указывая, что в «Слове похвальном» Борис семь раз называется царем, и десять раз – самодержцем. Это – полагает Лурье – указание на действительно имевший место демарш Бориса – коронацию тверского князя (Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства... С. 89). О позиции Лурье– см. примечание к Главе 4.3.

возражают на это[188], указывая, что «Слово» говорит не о «государе», а о «государях»: ведь московского князя Василия оно тоже так называет, т.е. понятие государя в тверском истолковании отличается от московского, означая всего лишь абсолютную власть на собственной территории, а не единственного «православного царя», как это впоследствии было в московской идеологии и политической практике.

Несмотря на то, что на основании отдельных мест текста «Слова» можно делать вывод как в пользу одной, так и другой версии, представляется все же, что структура и содержание «Слова похвального» дают достаточно определенный ответ на вопрос о политической философии Твери середины XV века. Сначала обратимся к используемой «Словом» терминологии, а затем к его структуре.

Поскольку «Слово похвальное» не юридический, а риторический текст, используемая там титулатура князя Бориса достаточно свободна, хотя предпочтения вполне очевидны. Так, «Слово» называет князя Бориса «государем» 17 раз, «князем» – 6 раз, «самодержавным государем» – 1 раз, «великим князем» – 201 раз, «(самодержавным) государем и великим князем» –13 раз. Из этих титулов только «великий князь» соответствует Борису как князю Великого Тверского княжества – одного из «великих» (наряду с Рязанским и Суздальско-Нижегородским – последнее к тому времени уже было ликвидировано) региональных княжеств

---

[188] Э. Клюг. Тверское княжество... С. 318. Подобную позицию в отношении политических амбиций Бориса Александровича занимает и Ч. Гальперин, который, возражая Лурье, утверждает, что титул «царь» имеет в «Слове похвальном»примерно тот же смысл, что и в «Написании» Акиндина, т. е. «самодержец в пределах собственной территории». Что же касается отношения Бориса к другим русским великим князьям, то самое большее на что он, с точки зрения Гальперина, претендует, это быть «primus intra pares» по отношению к ним (Halperin Ch. J. Tverian political Thought in the Fifteenth Century // Cahiers de monde russe et sovietique. 1977. 18. P. 269, 270). Ч. Гальперин обращает также внимание на то, что фразы, связующие Бориса и «русскую землю» локализованы в одном месте «Слова похвального» и вкладываются его автором в уста грекам (P. 270).

Руси. Но именно этот титул и выбирает чаще всего автор «Слова». Но означает ли использование титула «государь» или указание на «царский венец» (2 упоминания) Бориса претензию на нечто большее?

В качестве сравнения возьмем один из текстов, принадлежащих традиции соперника Твери – Москве, а именно «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». В этом тексте (он значительно меньше тверского, но нас интересует не количество упоминаний, а их процентное соотношение) Дмитрий назван «князем» 8 раз, «царем» – 7 раз, кроме того дважды упомянуто «царство» Дмитрия, по одному разу его «царский сан», «венец», «багряница». При этом только один раз в тексте (и еще раз в названии) Дмитрий был назван «великим князем», что наиболее точно соответствовало его положению: ведь он был великим князем владимирским.

Очевидно, что титулатура Дмитрия как бы двоится: «князь» и «царь» упоминаются практически с одинаковой частотой, в то время как официального титула текст явно избегает. К титулатуре Бориса титулатура Дмитрия находится в обратном отношении: высший и низший титулы находятся у Бориса на периферии, в то время как средний – «великий князь» - намного их опережает; напротив, у Дмитрия наверху оказываются именно «края», в то время как «середина» намного им уступает. О чем же говорит это сравнение? Прежде всего, о том, что Тверь едва ли можно назвать инициатором идеи политического самодержавия: в Москве до этого додумались, по-видимому, раньше. Кроме того, то, что в Твери выглядит как риторическое преувеличение (тем более что «государь» – понятие довольно неопределенное), в Москве предстает настоящей «двуипостасностью» высшего лица: царь/князь.

Но продолжим наше сравнение тверского и московского текстов на материале используемой в них топонимики. В тверском «Слове» на первом месте среди упомянутых местностей стоит «тверская земля» – 10 раз. Понятие «тверской земли», как было

показано выше, не без труда достигало признания в тверской письменной традиции, во многом потому, что утверждение этого понятия означало отказ тверских князей от надежд на приобретение великого владимирского княжения; и вот здесь это понятие, наконец, получает свои права. Вслед за ним по числу упоминаний идет «Русская земля» – 5 раз («Суздальская земля» при этом не упоминается вовсе; один раз упоминается «Московская земля»).

Однако «Тверская земля» лидирует в «Слове» лишь среди упомянутых местностей, а не вообще географических названий, среди которых на первом месте стоит сама Тверь – 24 раза (всего же в «Слове» содержится 60 упоминаний различных мест Тверского княжества). И Тверь не просто упоминается, но сопровождается эпитетами «богоспасаемая», «дом Святого Спаса», даже «новый Израиль»[189]. Таким образом, титулатура тверского «Слова» соответствует его топонимике: *тверской великий князь правит* «*тверской землей*» (иногда называемой в «Слове» «Тверской державой»), *в центре которой ее сердце – Тверь*.

Что же касается «московского» «Слова», то его топонимика, как и в случае с титулатурой, оказывается существенно иной: на первом месте здесь стоит «Русская земля» – 14 раз, а сам Дмитрий назван «русским царем»; «Суздальская земля» упомянута один раз и в более узком смысле, чем в летописях начала XIV века: жена Дмитрия Евдокия была родом из Суздальско-Нижегородского княжества. Один раз упомянута «Рязанская земля», не упомянута «Тверская земля», тем более – «Московская земля». Сама Москва упомянута всего раз, и то случайно (в связи со строительством каменных стен). В противоположность тверскому, московское «Слово» ставит на первое место и наделяет наибольшим значением наиболее общую категорию – «Русскую землю», фактическая власть над которой является для московского князя не данностью, а стратегической задачей. Но то же самое относится и к царскому

---

[189] «И азъ же реку: въистинну, пастырь бѣ великий князь Борисъ Александровичь, еже пасы и строа новый Израиль, Богомъ спасеный градъ Тферь».

титулу! И напротив, отдельно взятый город внутри этой земли – даже политическая столица и де факто центр митрополии – лишен какого-то чрезвычайно важного, сакрального значения, наподобие Твери для тверской культурной традиции. Не потому ли московские князья (и впоследствии цари) так часто оставляли свою столицу при одном только приближении неприятеля (не говоря уже о традиции московский князей и царей надолго покидать столицу, проживая в своих селах и специально построенных резиденциях, таких как Александров)? Тверское же «Слово», напротив, подчеркивает стремление князя во что бы то ни стало оставаться в Твери. Тверская топонимика с ее семантическим выделением центрального города, гораздо больше похожа не на московскую, а на византийскую, с ее культом столицы – Константинополя. «Византийская составляющая» имеется и в «Слове похвальном», однако она проявляет себя не столько в терминологии, сколько в построении «Слова».

Прежде всего, «Слово похвальное» начинается (после небольшого вступления) с похвалы князю Борису, якобы прозвучавшей из уст императора Иоанна и константинопольского патриарха Иосифа на Ферраро-Флорентийском соборе (в которой оба именуют Бориса «князем»). С учетом результатов собора, принявшего церковную унию с Римом, похвалы от императора и константинопольского патриарха выглядят двусмысленно, тем более, что само «Слово» говорит о позиции Бориса, высказанной им перед отбытием русской делегации в Константинополь своему послу Фоме: о каком-либо изменении решений Седьмого собора «слышати и не хотим»[190].

В Твери не могли не знать о решениях Восьмого собора (хотя бы потому, что сторонник унии митрополит Исидор после своего бегства из Москвы около полугода прожил в Твери с сентября 1441 г. по март 1442 г.)[191], однако никакого отношения к этим решениям автор «Слова» не высказывает. Конечно, молчание

[190]Лихачев, С.29–30.
[191]Подсчитано Э. Клюгом (см. Тверское княжество... С. 329).

«Слова» о заключенной во Флоренции унии не означает, что Тверь вовсе никак на это не отреагировала, но означает, что она не могла использовать унию так, как ее поспешила использовать Москва, построив на ее отвержении как идею независимости русской церкви от Константинополя, так и идею царского достоинства московского князя – защитника православия.

В ряде московских сочинений, появившихся в качестве ответа на унию, можно найти фрагменты, почти буквально повторяющие тверское «Слово»: византийский император хвалит московского князя, «своего брата», за благочестие и смирение, не позволяющее ему носить заслуженный им царский титул[192], однако дальше московское «Слово» добавляет к этому, что «Царь же и патриарх православия в прельсти латынских ереси впадоша, в сети злата увязнувшее, погыбоша Сидоровым оболганием, злато приимше и от Бога отлучишась»[193]. В данном случае Василия Второго, который не принял унию, прогнал ее сторонника митрополита Исидора и тем самым спас православную веру, вполне можно назвать «Новый Константин» и «Новый Владимир». Поэтому московское «Слово на латыню» заканчивает текст славословием в адрес «богоизбранного, богогвозлюбленного богопочтенного и богопросвещенного и богославимого богошественника правому пути богоуставного закона и богомудрого изыскателя святых правил…благоверного и благочестивого князя Василия Васильевича боговенчанного православию царя всея Руси…»[194].

---

[192]«Царь же тогда Кир Иоанн извествовавше слово тогда Еугению папе римьскому и всем бывшим ту: яко восточнии земли суть Рустии и болшее православие и вышьшее христиаство Былые Руси. В них же есть государь великий брат мои Василий Васильевич еъмуже въсточные царие прислухаю и велиции князи с землями служат ему, но смирения ради благочестия и величеством разума благоверия не зовется царем великим Русским своих земель православных». «Слово избранно от святых писаний иже на латыню…» (А. Попов. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян. М. 1875. С.364 – 365).

[193]А. Попов. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян М., 1875. С. 372

[194]А. Попов. Историко-литературный обзор... С. 395.

Следовать московской позиции означает для Твери разрыв с Константинополем, что было бы для нее гораздо более болезненно, чем для Москвы (уже имевшей долгую историю конфликтов с поставленными Константинопольским патриархатом митрополитами). Но открытое следование унии означало бы неизбежный военный конфликт с Москвой, на что Тверь, учитывая соотношение сил, ни в коем случае пойти не могла. С другой стороны, политическая идеология позднего Тверского княжества (а именно в этом качестве следует рассматривать «Слово похвальное»), не могла обойтись без «византийской темы» вообще. Напротив, с учетом изменения баланса политических сил значение «византийского фактора» для Твери только возрастает: небольшое суверенное княжество стремится ориентироваться на некий политический и идеологический абсолют и нуждается в признании себя со стороны этого абсолюта. Поэтому тверское «Слово» начинается с событий во Флоренции, где присутствующие на соборе император и иерархи высказываются по поводу тверского князя Бориса /перевод/: «И когда было прочтено послание, извещающее царя о крепости в православной вере великого князя Бориса Александровича, тогда все, бывшие там, удивились величию дара Божия, дарованного (князю) от Господа. Царь же, вздохнув из глубины сердца, изрек: «Восхвалим и прославим Бога, беспрестанно славимого ангелами, и поклонимся тому, кому непрестанно кланяются херувимы и серафимы, за то, что такового князя даровал Бог Русской земле, а нам пособника в вере христианской». А вселенский патриарх Иосиф сказал: «Старое миновало, новое же вам возвещаю: вера благодатная распространилась от нашей Греческой земли вплоть до Русской земли, евангельский источник исполнился вод, и хорошо нам вместе с великим князем Борисом славить святую Троицу. А подобного князя на Руси мы никогда не знавали». И затем все митрополиты стали восхвалять великого князя Бориса, один за другим каждый из них».

Далее действительно идут речи присутствующих на соборе митрополитов (сохранились не все). Из построения «Слова похвального» становится понятно, что «самодержавные амбиции» тверского князя следует рассматривать в смысле той легитимации, которую он получает от византийского императора. «Самодержавность» Бориса – это лишь отражение «святого царствия» Иоанна.

Но если отпадение Константинополя от православия стало очень серьезной проблемой для Твери, проблемой, которую она так и не смогла решить, то прекращение политического существования Византии должно было стать для нее «идеологической катастрофой» – и действительно в три последние десятилетия своей независимости Тверь словно впадает в оцепенение: духовная жизнь в ней как будто замирает. Напротив, для Москвы то же самое событие имело противоположный смысл: территориальная экспансия ее изменяет свой масштаб – теперь Москва движется не «мелкими шажками», а поглощает крупные политические образования, со своими традициями и культурой: Новгород, Тверь, Псков, Рязань.

Параллельно в Москве происходит выработка самодержавной политической идеологии, которая оформляется как идеология двойного преемства – от Византии и от Орды. Возможно, что Москва берет при этом что-то и из тверского наследия (например, упомянутые тверские историографические наработки). Но все же степень преемства Твери и Москвы переоценивать не следует: *культура и идеология Твери формировались как культура и идеология политического спутника, который не стремится (или не может) сам стать центром и который теряет устойчивость и разрушается при разрушении центров, вокруг которых он вращается*. Идея «регионального самодержавия», выдвинутая в «Слове похвальном», конечно, опиралась на давние традиции местного патриотизма, но все же для политического выживания Твери этого было, очевидно, недостаточно.

3.6. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный аналог независимого этапа существования тверской культуры

[195]

Тема регионального и общерусского патриотизма подводит к еще одному памятнику тверской культуры, который в хронологическом отношении ее завершает. Речь идет о «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. Бесспорно, отнесение его к тверской традиции не может не вызвать возражений, связанных с тем, что, во-первых, мировоззрение купца, которым был Никитин, в известном смысле экстерриториально; и, во-вторых, трудно спорить с тем, что в принадлежности Никитина к Твери есть элемент исторической случайности – разве не мог он быть нижегородцем или москвичом?

С учетом высказанных соображений «тверская составляющая» «Хожения за три моря» начинает выглядеть совершено эфемерной. И действительно, большинство авторов, так или иначе затрагивавших в своих исследованиях «Хожение» Афанасия Никитина, или писавшие об этом тексте специально (ввиду своей уникальности среди памятников древнерусской литературы «Хожение за три моря» является объектом постоянного интереса исследователей)[196] практически ничего не говорят о связи

---

[195] «Тверской Амартол». Индийские йоги.

[196]Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472. СПб., 1857; Трубецкой Н. С. Хожение за три моря Офанасия Никитина как литературный памятник. Семиотика. Ред. Ю. С. Степанов. М., 1983; Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994; Г.Д. Ленхофф, Дж. Б. Мартин Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. 47. С. 95 – 121.

произведения Никитина с тверской культурой. Даже Я. С. Лурье, подчеркивающий большое идеологическое значение тверской культуры XV века, рассматривал мировоззрение тверского купца как одно из проявлений распространения в русском обществе гуманистических идей, т.е. в общерусском контексте[197].

Тем не менее, основание для того, чтобы вписать «Хожение» Никитина в тверскую литературную традицию все же есть. Прежде всего – это непосредственность изложения (в которой некоторые исследователи[198] видели изысканный литературный прием), придающая повествованию некоторую хаотичность и в то же время исповедально-дневниковый характер – черта, свойственная многим памятникам тверской письменности, начиная от «Жития Михаила Ярославовича». И это при том, что «Хожение за три моря», очевидно, не является настоящим дневником (из текста нельзя получить указаний, что записи делались непосредственно вслед за событием), но записью событий по свежим воспоминаниям. Но тем интереснее присутствие в тексте элементов внутренней речи, как бы обращенных к себе восклицаний, которые таким образом действительно приобретают характер сознательно культивируемой стилистики. Никитин как бы перебивает собственный рассказ эмоциональными обращениями к самому себе: «*О Боже, Боже великий, Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!*» (в оригинале по-татарски).

Такие обращения-восклицания появляются примерно в середине текста – как раз к тому моменту, когда Никитина начинают принуждать к принятию ислама – и к концу его количество их постоянно растет. Поскольку связаны они с религиозной тематикой (чаще всего это молитвы на арабском языке), то обычно их связывают с широтой религиозных взглядов Никитина – добровольной или обусловленной необходимостью

---

[197] Лурье Я. С. Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1958.

[198] Н.С.Трубецкой.

жить среди иноверцев. Исследователи, правда, по-разному трактуют эту широту: некоторые считают, что Афанасий Никитин колебался между исламом и христианством, потеряв вдали от родины собственную православную идентичность[199]; другие считают, что он остался православным христианином[200]; третьи полагают, что, сравнивая различные веры, Никитин поднялся над конфессиональной ограниченностью[201]. Но едва ли на основании текста Афанасия Никитина можно разрешить вопрос, который, по всей видимости, оставался неясным для него самого.

На мой взгляд, интереснее отношение Афанасия Никитина к индуизму – религии, по отношению к которой он сохранял отстраненность наблюдателя. Если об исламе, как религии, хорошо ему знакомой еще до путешествия в Индию, Афанасий Никитин ничего не пишет, то по отношению к индуизму он высказывает интерес: «о вѣрѣ же о их распытах все», пишет Никитин о своих разговорах с индусами. Индусы, по словам Никитина, сообщили ему, что веруют «в Адама», «а буты /идолы/, кажуть, то есть Адамъ и род его весь»; несколько ниже Никитин, как и за два столетия до него Марко Поло[202], упоминает о могиле Адама на Цейлоне – легенда, встречающаяся в некоторых достаточно распространенных на Руси апокрифах[203].

---

[199]«…определившись в «социальном» плане как мусульманин и выполнив очень ограниченные обрядовые условия социального обращения (принятие мусульманского имени, молитва по мусульманскому образцу, соблюдение мусульманских праздников и постов), он постепенно усвоил исламское мировосприятие. К концу своего путешествия Афанасий Никитин перешел в лагерь ислама. Совершил ли бы он обратный переход, если бы он прожил дольше и успел бы вписаться в русское общество, неизбежно остается открытым вопросом.» (Ленхофф Г. Д., Мартин Дж. Б.Торгово-хозяйственный и культурный контекст… С. 120).

[200]Н. С. Трубецкой. С. Хожение за три моря Офанасия Никитина…

[201] Я. С. Лурье. О мировоззрении Афанасия Никитина // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб. 2011.

[202]Марко Поло. Книга о разнообразии мира., гл. 178.

[203] См. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник Отделения русского языка и словесности

Также Никитин описывает свою поездку вместе с индусами в Парват («то их Ерусалимъ, а по бесерменьскый Мягъкат /Мекка/»), где происходил религиозный праздник – «чюдо бутово», – как пишет Никитин. Всякий раз, описывая индуистские обычаи или изображения богов («бутов»), Афанасий Никитин придерживается безоценочного повествовательного тона, хотя ясно, что пишет он об индуизме без всякого сочувствия. Однако неприязнь свою Никитин проявляет скорее по отношению к обычаям индусов («все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣд*и*, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ»), нежели их религии. Тезису Б. А. Успенского о том, что в русском средневековом мировоззрении «сама религиозная принадлежность, в конечном счете, оказывается в зависимости от святости места»[204] и что, следовательно, православный человек должен вести себя в «проклятом» месте соответственно месту, а не собственной религиозности, такая позиция не соответствует.

Описывая неизвестный ему религиозный мир, Никитин остается бесстрастным повествователем, оставляя вынесение оценок читателю.

В русской литературе XV века есть еще один текст, в некоторой степени сходный с «Хожением» Никитина – это принадлежащее неизвестному автору «Хождение на Флорентийский собор», где описывается не столько сам собор, сколько встретившиеся русской делегации на пути к нему европейские города и страны. В отличие от «Хожения» Никитина, «Хождение на Флорентийский собор» в гораздо большей степени официальный документ, чем записки частного лица (хотя наблюдения частного характера там тоже встречаются), но сближает его с повествованием Никитина характер безоценочной

(далее – СОРЯС), т.52, № 4, С.45–46, 104 (отрывок из Соловецкого сборника № 1138); Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. СПб, 1863., т. 1, С. 17–18 (из Синодальной Палеи № 210 1477 г.) также в Синодальном сборнике № 330. Порфирьев полагает, что легенда о могиле Адама – позднейшее прибавление.

[204] Б. А. Успенский. К проблеме… С. 270.

заинтересованности – и при этом тон ее обычно гораздо более благожелателен, чем у Никитина. Хотя трудно сказать, имеет ли «Хождение на Флорентийский собор» отношение к тверской литературной традиции (во всяком случае, «Слово Похвальное» пересекается с ним тематически и стилистически), важнее, что оба «Хождения»– в Индию и в Западную Европу – принадлежат к одному типу мировоззрения: мировоззрения культурного регионализма, предполагающего многообразие мира и терпимого к нему. Эта черта, которая рассматривалась выше как важнейшая из характеристик тверской культуры, на определенном историческом этапе могла быть свойственна не только Твери, но и самой Москве (где, впрочем, она вскоре уступит место складывающемуся, в том числе и благодаря Флорентийскому собору, универсализму, с его действительно «бинарной» структурой, противопоставляющей себя остальному миру).

Принадлежность обоих Хождений XV веку едва ли случайность: в последующие два столетия, несмотря на бóльшую интенсивность торговых и дипломатических контактов России с Западом и Востоком, произведений такого жанра уже не появлялось, и, очевидно, не могло появиться. Таким образом, принадлежность «Хожения за три моря» к тверской культуре заключается не в том, что Афанасий Никитин описывает Индию с какой-то особой, «тверской» точки зрения, а в том, что оно отражает мировоззрение культурного регионализма, которое проявляет себя не столько в форме государственной идеологии, сколько в облике частного опыта, вернее допуская сам этот опыт. Текст Никитина несет на себе отпечаток его колебаний и неуверенности («от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю») как бы от отсутствия точных ориентиров, но именно эта неуверенность заставляет его искать путь и писать книгу[205].

---

[205]Автор одного из недавних исследований, посвященных «Хожению» Никитина, полагает, что книга, которую писал тверской купец во время столь опасного для его религиозной идентичности путешествия, стала для него спасением и настоящей сердцевиной его личности (Vasudevan H. The Solitude

«Хожение» Никитина можно рассматривать как своеобразный эпилог тверской культуры не только в хронологическом смысле: книга эта не является репрезентацией какой-либо идеологии и выражает лишь точку зрения ее автора, и само ее существование объясняется необходимостью прояснить эту точку зрения, в первую очередь, для самого пишущего. Поскольку это – во всех отношениях частная книга (трудно согласиться с мнением И. И. Срезневского, что Никитин выполнял в Индии некое дипломатическое поручение великого московского князя, т. е. был «русским Марко Поло»), она интересна как пример «преломления» тех или иных культурообразующих идей в описании стран и событий с подчеркнуто частной, неофициальной точки зрения.

Но именно последнее обстоятельство делает «Хожение» Никитина не столько «антихождением», как назвал его Б. Успенский, сколько хождением в самом точном смысле слова: Никитин постоянно обращен и вовне, и внутрь: потеряв счет времени, он не соблюдает христианских праздников, постится мусульманским постом, он постоянно обращается к Богу с просьбой о защите и спасении (но используя мусульманские молитвенные формулы и татарский язык). С учетом вынужденного радикального разрыва с обрядовой религиозностью Никитину пришлось довольствоваться лишь религиозностью «мысленной» (применяя терминологию участников «спора о рае» Новгородского епископа Василия Калики и тверского епископа Федора), что однако вовсе не означало «мнимой» или «воображаемой». Для средневекового человека, идентичность которого в гораздо большей степени, чем у человека современного, укоренена в «окружающем» и «привычном», Никитин в процессе своего «хождения» ушел настолько далеко, насколько это вообще возможно, затерявшись в пространстве и времени, но именно эта непреднамеренная и воспринимающаяся Никитиным как

---

of Afanasi iNikitin in his «Voyage over the Three Seas» // *India International Centre Quarterly*, Vol. 30, No. 3/4, P. 88); но разве не то же самое значение необходимо придать той книге, которую пишет культура?

величайшее несчастье затерянность в действительности не помешала, а напротив оказалась тем благоприятным фоном, который позволил сохраниться его «хожению», сделав его путешествием на все времена.

История путешествия Никитина в Индию является историей коммерческой неудачи, но ведь коммерчески удачные предприятия редко оставляют после себя след в виде книги. И здесь трудно не поддаться соблазну сравнения микро и макро истории: политическая история Тверского княжества – это тоже история политической неудачи, причем не однократной, а длительной (начальной точкой отсчета здесь может служить 1317 год), но оставившей после себя след в форме характерной именно для Твери традиции литературного и публицистического письма.

Глава 4. Политическая идеология Твери в ее символических (предметно-образных) отражениях

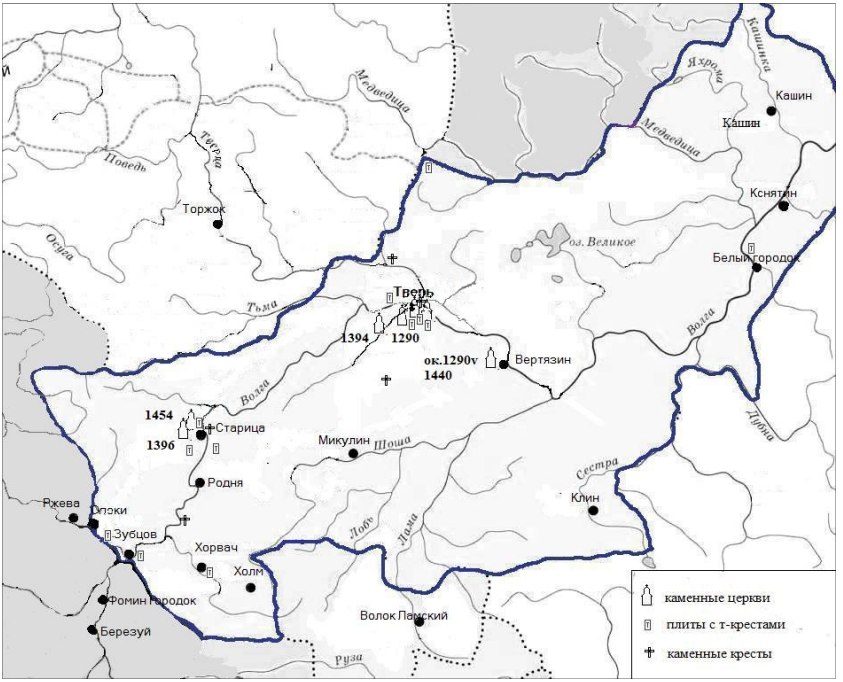


Табл. 4. Каменная архитектура и каменная пластика Твери.

4.1. Архитектура. Летописные источники и археологический материал. Поиски соответствий

Еще раз повторю гипотезу, лежащую в основе данной работы: если и можно говорить о собственной культурной традиции средневековой Твери, то только опираясь на выработанную Тверью политическую идеологию. Сам факт, что исторически тверская земля была зоной соперничества между новгородским и владимиро-суздальским центрами власти еще не дает основания для того, чтобы «на стыке» двух политических сил и стоящих за

ними двух культурных традиций появилась некая промежуточная формация, своего рода культура «смешанного типа», заимствующая что-то из одной, что-то из другой традиции. В XIV–XV веках противостояние Суздаля и Новгорода сменилось противостоянием Литвы и Москвы, и вновь Тверь оказывалась между превосходящих ее сил. Это определившая всю историю тверской независимости политическая ситуация все же не должна заслонять тот факт, что без собственной политической идеи Твери не удалось бы сохранить независимость в течение достаточно долгого исторического времени.

Но как отражалась эта идея в иных областях культуры, лежащих вне книжной сферы? Вероятно, ответ на этот вопрос может быть дан лишь в предположительной форме (перевод с одного языка на другой никогда не может быть точным), но пытаться дать его стоит: ведь речь идет о реконструкции культурной традиции в качестве определенной стилистической целостности.

Начнем с архитектуры – области, соединяющей в себе экономические, политические, идеологические аспекты. Репрезентативные свойства архитектуры (в случае Руси речь идет преимущественно о каменной архитектуре), подтверждают и летописи, включая постройку или обновление каменного храма в число заслуживающих исторического увековечения деяний того или иного князя. То, что в Твери раньше чем в других областях Руси (даже тех, которые не были затронуты монгольским завоеванием) были воссозданы традиции каменного строительства (1285 г.), само по себе многое говорит о политических амбициях и экономических возможностях нового княжества. Но можно ли из этого делать вывод, что существовала «тверская архитектурная школа»? Материальных оснований, которые одни только могут иметь значение для подобного рода выводов, слишком мало: единственный сохранившийся храм – Рождества Богородицы в Городне (Конаковский р-н) – в датировке которого исследователи расходятся на полтора столетия (от конца XIII до середины XV

столетия) и два частично сохранившихся фундамента в г. Старица, по крайней мере для одного из которых имеется летописное соответствие[206].

Остальной тверской архитектурный материал – это или летописные упоминания без соответствующей «археологической параллели», или наоборот: археологические находки без летописного соответствия или с упоминанием, в лучшем случае, в документах XVII века. К последним относятся фундамент храма на территории бывшего тверского Отрочь монастыря, белокаменные фрагменты на месте храма апостола Филиппа в Заволжском районе, фрагменты фундаментов на территории Тверского кремля.

Наконец, на территории бывшего Тверского княжества практически отсутствуют отдельные архитектурные археологические находки, которые могли бы помочь восстановить стилистику утраченных храмов (элементы декора, скульптуры и т.п.), подобные тем, что были сделаны в Москве, Ростове, Нижнем Новгороде, Рязани и других местах[207].

Столь значительные утраты делают любые реконструкции тверского архитектурного стиля слишком гипотетическими, и, вероятно поэтому большинство авторов, пишущих об архитектуре периода монгольского завоевания, включают тверскую архитектуру периода независимости в общий контекст восстановления и развития архитектурных традиций Северо-Восточной Руси. Правда, Н. Н. Воронин, которого с полным основанием называют первооткрывателем тверской архитектуры, рассматривал ее в качестве отражения определенного политического проекта. Сравнивая тверской Спасский собор и первые каменные храмы Московского кремля, Н. Н. Воронин писал, что тверской храм «следовал «образцу» центрального и крупнейшего храма

---

[206] Это – храм Архангела Михаила, фундамент которого Н. Н. Воронин идентифицирует как фундамент Никольского храма, также упомянутого в летописи, но однозначного соответствия, как будет показано ниже, нет.

[207]Упомянутые В. А. Плетневым (ныне утраченные) обломок головы «с сиянием» и «грубое изображение херувима» (Плетнев В. А. Об остатках старины… С. 187) едва ли можно отнести к архитектурному декору.

Владимира – Успенского собора, повторяя его шестистолпную планировку и дополняя ее приделами-усыпальницами, развивая идею Георгиевского собора в Юрьеве Польском... В Спасском соборе Твери по существу не было ничего нового»[208]. Слишком амбициозный собор, по мнению ученого, потребовал всех средств тверской казны; каменное строительство в княжестве надолго прекращается. Что же касается Москвы, то она, по мнению Воронина, продолжила своим Успенским собором наиболее народную и прогрессивную линию развития домонгольской архитектуры[209].

Относительно тверской архитектуры XV века Воронин пишет, что она должна была отражать идею Твери – Третьего Рима[210]. Однако столь амбициозная идея находилась, по его словам, в полном противоречии с реальностью: к середине XV столетия тверская архитектурная школа безнадежно отставала от московской как в количественном, так и в качественном отношении: единственное сохранившееся здание тверской архитектуры по сравнению с московскими аналогами выглядит как «провинциальное, наивное, и, пожалуй, отсталое произведение». Воронин приводит подсчеты, в соответствии с которыми, с конца XIV до середины XV века в Московском княжестве было выстроено не менее 20 каменных зданий, то в Тверском – только 8[211]. «Но в этом вряд ли можно винить самих тверских зодчих»[212], многозначительно добавляет ученый, намекая, что «винить» нужно сам политический тверской проект – нереалистичный и в

---

[208] Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. Т.2 М. 1962. С.169

[209]Воронин Н. Н. Зодчество… С.170.

[210] Воронин Н. Н. Зодчество… С. 417, ссылка на Н. П. Лихачева (Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства CLXVIII. 1908.

[211] Воронин Н. Н. Зодчество … С. 424.

[212] Там же.

существующих политических условиях в буквальном смысле слова реакционный.

С культурологической точки зрения подход Н. Н. Воронина к архитектурной тематике весьма продуктивен: архитектура есть продолжение политики в двух смыслах – реальном, как отражение существующих возможностей и идеальном – как демонстрация следования определенной политической традиции. Другой вопрос, насколько объективна данная Н. Н. Ворониным оценка. Принятая им предпосылка, что московская политическая и культурная линия была изначально единственно правильной и, следовательно, прогрессивной, означала признание всех остальных культур удельного периода, в той мере, в которой они отличались от московской, вторичными и реакционными. При этом Н. Н. Воронин соглашался с тем, что все удельные княжества Северо-Восточной Руси XIV – XV веков объединены рамками культурного наследия Владимирской Руси, в том числе и в области архитектуры (иногда, пожалуй, даже преувеличивая их сходство).

Но можно ли, особенно учитывая политические итоги тверской независимости, придти к иным, нежели у Воронина, выводам? Во многом это вопрос интерпретации существующего и, за некоторыми исключениями, давно известного материала. Это, прежде всего, летописные и другие упоминания каменных зданий; изображения на иконах и книжных миниатюрах; сохранившиеся строения и археологические находки.

Суммированный перечень летописных упоминаний тверской каменной архитектуры включает в себя следующие даты:

1285–1290 гг. – закладка и освящение Тверского Преображенского собора;

1323 г. – постройка храма мученика Феодора на острове в устье реки Тьмаки;

1398 г. – закладка церкви св. Михаила в Старице;

1401 г.– постройка в Старице Никольской церкви;

1404–1406 г. – постройка Успенской церкви в Желтиковом монастыре примерно в 20 км к юго-западу от Твери;

1431г. – перестройка церкви св. Феодора;

1435–1438 гг. – закладка и завершение Борисоглебской церкви в Тверском кремле;

1452 г. – закладка церкви Михаила Архангела в Тверском кремле.

Есть еще несколько летописных упоминаний тверской архитектуры, но все они говорят о ремонте или украшении перечисленных зданий. Таким образом, существует семь или восемь зафиксированных летописью тверских каменных храмов, но из них только два идентифицируются археологически: Михайловский и Никольский в Старице. Что касается остальных зданий, то за исключением приблизительных обмеров XVII века Успенского собора Желтикова монастыря, никакой визуальной информации о них нет. Но все же на основании летописных упоминаний можно сделать вывод о двух периодах в истории тверской архитектуры: конец XIII – первая треть XIV, и конец XIV– середина XV вв.

Однако составленный на основе летописных упоминаний список не включает:

1) сохранившуюся каменную церковь Рождества Богородицы в Городне;

2) обнаруженный в ходе раскопок фундамент Успенского собора тверского Отроч монастыря;

3) упомянутые в писцовой книге начала XVII века «заваливающиеся» каменные палаты на территории тверского кремля;

4) фундаменты каменных строений неустановленного назначения (башни? колокольня?) также на территории тверского кремля[213];

---

[213]Салимов. А. М. Тверские ротонды // Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. 2003. С. 288 – 314; Салимов А. М. Об одной загадочной постройке в центре Тверского кремля // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 2.

5) упомянутый в писцовых книгах начала XVII века «заваливающийся» каменный храм в Твери на Заволжской стороне.

Из всех этих памятников и находок только «номер первый» не вызывает у исследователей сомнений относительно его принадлежности периоду тверской независимости.

Несоответствие летописных и всех остальных источников в отношении архитектурных памятников не является чем-то специфичным именно для Твери: то же самое имеет место и для московского региона, где условия для сохранения летописных известий были более благоприятны[214].

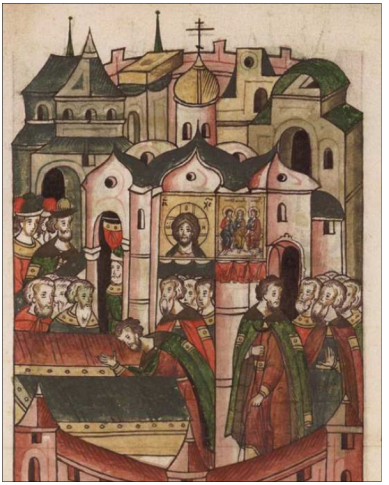
Но обратимся к перечню летописных дат, на основании которого можно сделать вывод о существовании двух периодов тверской архитектуры: с 1285 по 1323 и с 1398 по 1452 год. Эти периоды, промежуток между которыми составляет 75 лет, неравны как по количеству, так и, можно сказать, по исторической значимости своих памятников. Приведенная ниже таблица показывает прогрессирующее убывание количества летописных упоминаний тверских каменных храмов[215]: Преображенский собор в Твери (1285–1290 гг.) упоминается, помимо Лаврентьевской летописи и в так называемом Тверском сборнике, также и в IV Новгородской летописи, Воскресенской и Никоновской, Рогожской, Симеоновской, Ермолинской, Супрасльской, Типографской, Московском летописном своде XV века и так называемой Летописи по Академическому списку[216].

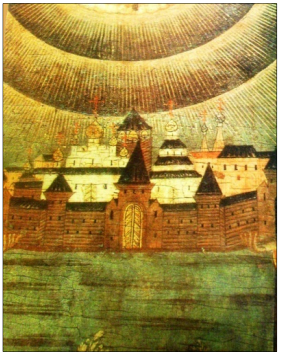
---

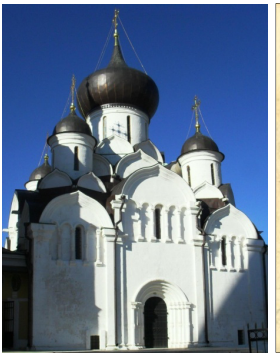
[214]Ни один полностью или частично сохранившийся каменный храм XIV – первой половины XV века на территориях, подвластных Москве (собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, Успенский собор в Звенигороде, Никольская церковь в Каменском, церковь Рождества Иоанна Предтечи «на городище» в Коломне, церкви Никольская и Иоакима и Анны в Можайске, Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря) не имеет летописной датировки; исключением является лишь церковь Рождества Богородицы в Кремле (1394 г.), фрагменты цокольного этажа которой были обнаружены в основании более поздних построек.

[215] См. Таблицу 1 в конце данной главы.

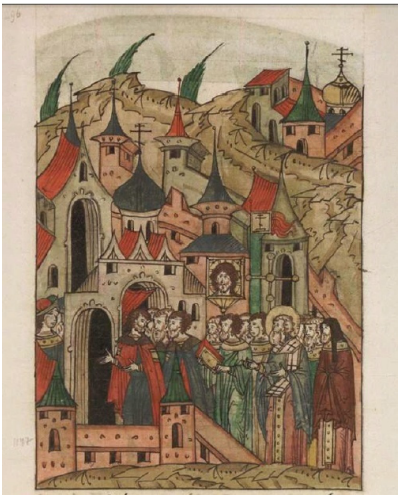
[216] ПСРЛ. 1

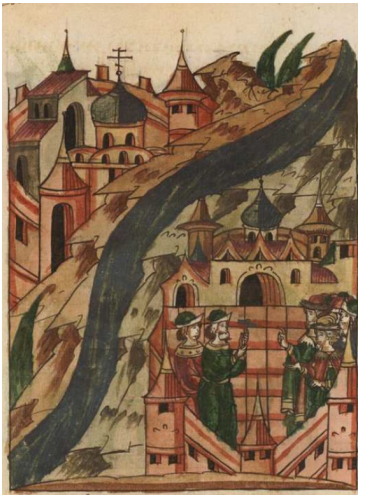


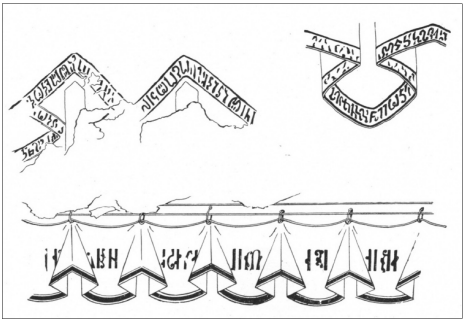




Ил. 71–76. Верх. Слева: изображение Тверского Преображенского собора из Лицевого свода (из «Повести о преставлении князя Михаила Александровича»); Справа: облицовочный кирпич и плитки пола Преображенского собора Твери. Коллекция ТГОМ. Внизу – фрагменты фресок собора XIV в.(?). Обращает на себя внимание колористическое сходство с фресками церкви Рождества Богородицы в Городне. Нижний ряд. Слева: фрагмент иконы «Михаил Ярославович и его мать Ксения» (XVII в.) с изображением Тверского кремля. По мнению Н.Н. Воронина, Преображенский собор – слева от колокольни. В центре: собор Успенского старицкого монастыря (1530 г.); Справа: изображение Второго Иерусалимского Храма из «Тверского Амартола».







Ил. 77–81. Верх. Из Лицевого свода. Слева: постройка и освящение Никольского храма «на Городке». Справа: закладка Архангельского собора в Старице. Низ. Слева: фрагмент апсиды храма, идентифицированного Н.Н. Ворониным как Архангельский собор (фото из кн. Воронина Зодчество... т.2, ил. 184). Справа: «тайнопись» из Архангельского собора Старицы (из кн. «Раскопки в Старице 1903 года...»). Низ, справа – аналогичные изображения на фресках церкви Рождества Богородицы в Городне (из кн. Галашевич А. А. Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М.2011,

При этом в большинстве случаев летописи упоминают и о закладке, и о завершении собора. Строительство Федоровского храма на острове в устье Тьмаки (1323 г.) упоминают те же источники, за исключением IV Новгородской, Ермолинской, Типографской летописии Летописи по Академическому списку. Следующий по хронологии храм Михаила Архангела в Старице (1398 г.) упоминают только четыре источника: Никоновская летопись, Тверской сборник, Рогожская и Симеоновская летописи (при этом в летописных упоминаниях присутствует небольшой разнобой: закладка храма датируется и 1397, и 1399 годом). Следующий, Никольский храм в Старице (1401 г.) упоминается только в Никоновской летописи и Тверском сборнике, далее, Успенский храм в Желтикове монастыре (1404 г.) упоминается только в Никоновской, и, наконец, храмы князя Бориса: Борисоглебский (1438 г.) и Архангела Михаила (1452 г.) – только в Тверском сборнике.

Убывание летописных свидетельств о тверских храмах обнаруживает устойчивую тенденцию, которая показывает изменение удельного веса тверских событий в контексте общерусской истории. Эта тенденция отражает лишь особенности политической истории Твери и не подтверждается аналогичным материалом о других политических образованиях, также вступавших в спор с Москвой за владимирское княжение[217].

Но летописные упоминания, касающиеся архитектуры, фиксируют не только факт постройки храма, включая в себя, как правило, указания на ктиторов, и иногда на обстоятельства постройки. Кроме того, летописи часто отмечают ремонт или обновление существующих каменных храмов. При отсутствии археологических данных всего этого, конечно, недостаточно для визуальной реконструкции утраченных зданий, но в некоторых случаях позволяет создать его «семантически-функциональную реконструкцию», т.е. реконструкцию его значимости. Прежде

[217] См. Таблицу 5, отражающую летописные упоминания каменной архитектуры Суздальско-Нижегородского княжества XIV века.

всего, это касается первого и главного храма Тверского княжества – кафедрального *Преображенского собора*.

Итак, под 1285 годом Лаврентьевская летопись сообщает о закладке каменной церкви в Твери «благоверным князем Михаилом, матерью его Оксиньей и преподобным епископом Семионом»[218]. Сооружение каменного кафедрального собора, бесспорно, имело огромное значение для последующей истории Тверского княжества (и не только его). Однако было бы неверно утверждать, что оно само является следствием политических успехов Твери[219]: после смерти Ярослава Ярославовича, первого тверского князя и шестого, после монгольского завоевания, великого князя владимирского, прошло 14 лет, в течение которых Тверское княжество не играло самостоятельной политической роли. Старший брат Михаила и его предшественник на тверском княжении Святослав Ярославович почти не упоминается в летописях: он не упомянут среди участников съезда князей Суздальской земли в 1277 году[220], также ничего не сообщают летописи о времени и месте его смерти. Михаил, которому к моменту закладки храма было 13 или 14 лет (он родился уже после смерти своего отца), также не играл пока заметной политической роли (великим князем владимирским ему предстояло стать лишь десять лет спустя). Активную роль, с другой стороны, можно предположить за его матерью Оксиньей, выполнявшей, по всей видимости, роль регента при малолетнем Михаиле. Это предположение подтверждает заглавная миниатюра из Хроники Георгия Амартола, где Михаил – к тому времени уже великий князь – изображен вместе с женской фигурой, в которой большинство исследователей видят именно Оксинью. Впоследствии Оксинья станет героиней известной «Повести о тверском Отрочь монастыре», где основание монастыря

[218]ПСРЛ.1, 469.

[219]Такова, в частности, точка зрения Э. Клюга: «Как никакое другое событие, строительство храма Спаса указывает на то, что Тверь начала превосходить другие княжества Суздальской земли» (Клюг. Э. Княжество Тверское… С. 74).

[220]Клюг Э. Княжество Тверское… С. 72 (прим. 96).

будет связано с несчастной любовью к ней одного из дружинников («отроков») князя Ярослава.

Но все же главным инициатором постройки каменного храма в Твери был, по всей видимости, полоцкий епископ Симеон, с именем которого связано основание Тверской епархии. Историки спорят о времени и причинах переселения Симеона в Тверь; неясности в этом вопросе способствуют как противоречия влетописных свидетельствах[221], так и практически полное отсутствие информации о Полоцке конца XIII века[222]. Но если

---

[221] Согласно Никоновской летописи (10, 150), в 1271 году епископ «Семен Тверской» отпевал великого князя Ярослава Ярославовича в Твери. В то же время в Определении Владимирского собора (1274 г.) Симеон упомянут как епископ Полоцкий (Российская историческая библиотека,. т.6. Памятники древнего канонического права. СПб. 1880, С. 83). Ориентируясь на эту последнюю дату и считая сообщение Никоновской летописи поздней вставкой, тем более что в ранних летописях этого сообщения нет, Е. Е. Голубинский помещает переезд Симеона в интервал между 1274 и 1285 годами (История Русской церкви. Т.2.ч.2. М. 1910. С.28–29). Э. Клюг, однако, полагает, что переезд состоялся еще при великом владимирском князе Ярославе Ярославовиче в промежутке между 1267 и 1271 годом и мог быть обусловлен как разногласиями с литовским князем-язычником, так и происками рижского католического архиепископа, стремящегося поставить Полоцк под свой контроль (Княжество Тверское… С. 86). Примерно той же датировки придерживается и В. А. Кучкин (Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. Отв. Ред. В. Ф. Дубровина. М. 1969). Кстати, обращает на себя внимание, что митрополит Максим перебрался в 1284 году из Киева во Владимир, незадолго перед чем он созвал епископов на собор, о содержании которого летописи ничего не говорят (Голубинский. История… т.2,ч.1, С.92). Может быть, оба переезда были связаны с требованиями татар к главам церкви – жить на входящих в Орду территориях (ведь ярлыки они получают именно от ханов)? В сообщении Симеоновской летописи о смерти князя Ярослава Ярославовича упомянут лишь «епископ Семен», без епархиальной принадлежности. Может быть, сводчик Никоновской летописи добавил «Тверской», полагая, что погребать князя мог только «свой» епископ (ПСРЛ 18, С. 74). Вопрос переезда Симеона и образования Тверской епархии затрудняет и то, что первоначальная епархиальная принадлежность Твери не ясна.

[222]Едва ли не единственной информацией, касающейся Полоцка конца XIII века является так называемое «Наказание», написанное для полоцкого князя

согласиться с авторами, датирующими переселение епископа и основание им Тверской епархии к концу 60-х годов XIII века, то непонятно, почему Симеон так долго медлил с построением кафедрального собора – почти 20 лет. Кроме того, обращает на себя внимание летописное сообщение о том, что в 1285 году литовцы совершили нападение на принадлежащие епископу волости в пределах Тверского княжества. Сообщение о закладке собора и сообщение о нападении на епископскую волость Олешня идут в Лаврентьевской летописи одно за другим[223], и это при том, что летописи чрезвычайно редко говорят о владельческой принадлежности подвергаемых нападению территорий. Не идет ли здесь речь о мести литовцев? Как бы то ни было, перечень инициаторов постройки Преображенского собора можно было бы переставить, с точки зрения их значимости, в обратном порядке по сравнению с тем, как они перечислены в летописи.

Собор строили пять лет, т. е. больше, чем Успенский собор во Владимире и столько же, сколько и Преображенский в Переславле[224], несмотря на то, что годный для строительства известняк находился здесь гораздо ближе[225]. Судя по времени, понадобившемуся на постройку, а также по тому пиетету, который испытывали к Преображенскому собору последующие тверские князья, можно предполагать, что размеры храма были значительны. Его архитектурная история, содержащаяся главным образом в Никоновской летописи (использующей, в свою очередь, материалы несохранившихся тверских летописных сводов), достаточно содержательна и более подробна, чем у большинства других известных храмов Северо-Восточной Руси[226], и указывает на то, что

Константина епископом Симеоном (Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М. 1959, С. 391–392).

[223]ПСРЛ.I. 459.

[224] ПСРЛ. 9, 209.

[225]Воронин. Зодчество… С. 147.

[226]Архитектурная история Преображенского собора в Твери включает в себя следующие даты: 1285 – заложен; 1287 – освящен малым освящением; 1290 – завершен и освящен; 1292 расписан (ПСРЛ. 7,180;10,168); 1323 –

почти каждый новый тверской князь старался внести свой вклад в его украшение.

В настоящее время от собора сохранилось лишь несколько плиток пола (коллекция ТГОМ), и утверждать о его «поразительном сходстве» с владимиро-суздальским домонгольским зодчеством[227] (как и о сходстве с иными архитектурными традициями)[228] едва ли возможно. Однако некоторые предположения о внешнем облике Преображенского собора Твери могут быть все же сделаны. Основанием для подобных предположениймогут служить как изображения собора, так и возможные архитектурные реплики с него. Под изображениями имеется в виду, прежде всего упоминавшаяся в Главе 2 икона «Михаил Ярославович и его мать Ксения» конца XVII века, миниатюры с изображением собора из Лицевого свода и, возможно, изображение Второго Иерусалимского храма из «Тверского Амартола», написанного вскоре после постройки собора. Заглавная миниатюра из «Тверского Амартола» также изображает, по мнению некоторых исследователей, тверской

упоминается придел Введения (там положен преемник Симеона Андрей – ПСРЛ.10,188); 1344 – епископ Феодор создает «двери медяные» (ПСРЛ. 10, 216) (при князе Константине Михайловиче); в том же году Феодор «местные иконы оковал» в иконостасе Преображенского собора (ПСРЛ. 15.2.55); 1349, епископ Феодор подписал алтарь в св. Спасе (ПСРЛ.10, 221) (при князе Василии Михайловиче); 1353 – Феодор ставит «крест злачен» на церкви Спаса, и приделах – св. Дмитрия и Введения (ПСРЛ. 10, 227); 1358 – еще одни медяные двери Феодора (ПСРЛ.10, 230), 1359 – «дно мраморено» епископа Феодора (ПСРЛ.10, 231) (все при князе Василии Михайловиче); 1399 –«обновлена бысть соборная церковь св. Спаса» князем Михаилом (ПСРЛ. 10, 174-175 – приводится история храма), «и по повелению его сотвориша каменосечцы; от плиты зженыя и тако поновиша ее и убелиша»; 1403 – отлит колокол князем Иваном Михайловичем (ПСРЛ. 11,188; 15.2, 470).

[227]Воронин Н. Н. Зодчество… с. 147.

[228]Например, предположение А.М. Салимова о возможном участии в строительстве Преображенского собора новгородцев и мастеров Галицко-Волынского княжества (Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. С.24–28).

Преображенский собор[229]. Что же касается архитектурных реплик, то таковой может быть, прежде всего, белокаменный Успенский собор города Старица, построенный старицким князем Андреем около 1530 года. Весь этот материал, однако, не дает единого образа храма: собор изображен то одноглавым, то имеющим несколько глав. Из этих двух вариантов более вероятным представляется многоглавый, поскольку на его стороне «материальное воплощение» в Старице; в то время как изображения храмов в Лицевом своде в значительной степени подчинены иконографическому ритуалу: пятиглавыми изображаются только Софийские соборы в Константинополе и Новгороде, а также Успенский собор в Московском Кремле.

Следующий по времени храм «первого строительного периода» – *Феодоровский в устье Тьмаки* – также имеет свой летописный «рассказ сопровождения»: о замученном в городе Болгар христианине Феодоре «иерусалимленине»[230]; что же касается самой церкви, то ее «соверши и украси игумен некий, именем Иван Цареградец»[231]. Вполне возможно, что оба сообщения имеют смысловую связь[232] и указывают на существование некой «греческой диаспоры» в Твери[233], однако нужно заметить, что Феодоровский храм – единственный из летописно датированных, построенный в Тверском княжестве во время пребывания тверского

---

[229] См. Главу 4.2.

[230]ПСРЛ. 10. 189.

[231]Там же.

[232] Впрочем, в т. н. Типографской летописи (ПСРЛ, т. 24) имеется только упоминание о мученике.

[233]Этого мнения придерживается Н. Н. Воронин, сопоставляющий постройку церкви Феодора с написанием Фомой Сирияниным в 1317 году греческого устава, хранящегося ныне в Ватиканской библиотеке (тем более что Фома писал его, находясь именно в Феодоровском монастыре). «Перед нами вырисовывается, – пишет Н. Н. Воронин, – облик весьма любопытного культурного центра в Твери, объединяющего выходцев из Константинополя и православного Востока» (Воронин Н. Н. Зодчество… С. 145). В. С. Борзаковский считал, что русский игумен Федоровского монастыря бывал в Цареграде (Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб.1869, С.207).

князя (им был тогда Дмитрий Ярославович) на владимирском великокняжеском престоле. Дмитрий получил ярлык на великое княжение от хана Узбека в прошлом, 1322 году, и он вполне мог принять участие в строительстве и даже быть подлинным ктитором нового каменного храма. Однако в 1325 году Дмитрий убивает в Орде московского князя Юрия Даниловича, что в большинстве летописных сообщений передано в осуждающем тверского князя контексте, после чего участие Дмитрия в постройке храма едва ли могло попасть в летописи.

Феодоровский храм простоял до 1431 года, когда был реконструирован (или полностью перестроен) князем Борисом Александровичем, о чем сообщает Тверской сборник и, более подробно, «Инока Фомы слово похвальное». Таким образом, в перечне тверских храмов Феодоровский храм можно посчитать дважды: как относящийся к первому и ко второму периоду.

К раннему периоду тверской архитектуры может быть отнесен и *Успенский собор тверского Отроча монастыря* (как на основании письменных, но не летописных, так и на основании археологических данных[234]); аргументы, согласно которым собор построен на рубеже XV–XVI веков представляются не очень убедительными[235]. Все же ясности здесь нет, тем более что

---

[234] Хворостова Е. Л. Успенский собор Отроча монастыря в Твери (проблемы реконструкции). В кн.: Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. 2. Тверь, 2001; Салимов А.М. Каменное строительство в тверском Отроче монастыре во второй половине XV – XVI вв. // Вестник славянских культур. 2010. Т. 18. № 4. О каменном храме, построенном вскоре после основания монастыря говорит и поздняя (XVII в.) «Повесть об Отрочь монастыре».

[235]Аргументы С. В. Заграевского в пользу поздней датировки храма следующие: поздние письменные источники не могут быть основанием для датировок; кладка фундамента также не является датирующим признаком; посвящение храма Успению для «небольшого пригородного монастыря» для конца XIII века нехарактерно – такой храм должен иметь более «скромное» посвящение (Заграевский С. В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М. 2003, гл.3). Сам ученый датирует найденный храм XV – XVI веком. Хотя данный аргумент С. В. Заграевского относительно посвящения ошибочен (помимо упоминаемого самим С. В. Заграевским домонгольского храма Успенского Княгинина монастыря

ошибаться могут и те, и другие: храм мог быть построен в период независимости, но в более позднее время, скорее всего около 1361 г. (именно такой хронологический «компромисс» представляется самым вероятным).

Следующий архитектурный период начинается с постройки в 1398 году *Архангельского собора* в городе Старица. Из трех летописных сообщений об этом событии наиболее подробен рассказ Никоновской летописи, где говорится, что церковь построил «князь великий Михайло Александрович Тверской с сыном своим со князем Иваном»[236]. Вероятно, Михаил Александрович, подводя в конце жизни итоги своего бурного княжения, пожелал построить в Старице – городе, имевшем для него особое значение[237] – собор, посвященный своему небесному покровителю. Упоминание летописью князя Ивана Михайловича обусловлено тем, что в последний год жизни князя Михаила Александровича (ум. в 1399 г.) Иван был, очевидно, соправителем отца («Повесть о преставлении князя Михаила Александровича» описывает тверского князя уже тяжело больным). Закончен Архангельский собор был уже после смерти Михаила. К архитектурной теме участие князя Ивана имеет то отношение, что этому князю летопись приписывает построение в Старице еще одного храма, Никольского, почти сразу после завершения первого. Археологически Архангельский собор в Старице впервые идентифицировал Н. Н. Воронин (раскапывавший старицкое

во Владимире, можно вспомнить церковь Успения в Коломцах в Новгороде 1310 г. (ПСРЛ. 4, 69); церковь в Новгороде также монастырская (ПСРЛ. 25, 179)), с общей аргументацией ученого следует, очевидно, согласиться, поскольку документированная история Отрочь монастыря начинается лишь со второй половины XIV века.

[236] ПСРЛ. 11, 171.

[237] Князь Михаил поставил «градок на Волге», т.е. Старицу в 1366 году, будучи еще удельным князем (ПСРЛ. 11, 8).

городище в 1903 году А.П. Шебякин принял здание за дворец XVI века)[238].

Идентифицированный Ворониным фундамент принадлежит храму, примерно соответствующему по размеру своему вероятному современнику – Успенскому храму в Звенигороде «на Городке». Звенигородский храм сохранился, но о нем нет летописных известий; его современная датировка – 1399 год; этот храм имеет внутреннее пространство близкое к квадрату со стороной 10 метров (без учета апсид; сторона «запад-восток» примерно на полметра длиннее).

Что же касается старицкого Архангельского храма, то его внутреннее пространство – прямоугольник 10 на 14 метров, насколько можно определить по опубликованным планам[239]; кроме того, его стены почти на полметра толще, чем у храма в Звенигороде. Следует отметить, что раскопками 1903 и 1949 года не было обнаружено никаких элементов архитектурного декора, в то время как звенигородский собор, как известно, украшен резным поясом. Правда, в старицком храме были обнаружены фрагменты фресок, обративших на себя большое внимание ученых, поскольку на этих фрагментах были начертаны слова непонятного алфавита и непонятного языка[240].

---

[238]Раскопки в Старице 1903 года. А. П. Щебякин и И. П. Крылов // Труды Второго Тверского археологического съезда. Тверь. 1906. С. 448.

[239] Раскопки в Старице… С. 447; Воронин Н. Н. Зодчество… С. 381.

[240]Раскопки в Старице… С.453 и сноска, где со ссылкой на заседание Московского археологического общества 7 октября 1903 года надпись признается лишь имитацией буквенной; однако в Протоколах самого заседания приводятся разные мнения: некоторым (А. С. Хахановым) удается прочесть «построено», другие (А. Н. Григорьев, А. В. Орешников) видят в надписях сходство с тайнописью, третьи (Н. А. Янчук) считают надпись испорченной (Древности Московского Археологического Общества, т. XXI, 1906, Протоколы, С. 45); к версии о тайнописи склоняется и Н. Н. Воронин (Зодчество… С. 377, примечание. 24). О фресках этого храма упоминает и летопись, сообщая, что расписывали Архангельский собор в Старице, подобно Архангельскому собору в Москве, два года (ПСРЛ. 11, 202; о московском соборе: ПСРЛ. 7, 209, 210).

Говоря о втором *старицком храме – Никольском*, – обнаруженном еще А. П. Шебякиным и подтвержденном Н. Н. Ворониным, и также упомянутом в летописях (Никоновской и Тверском сборнике), то следует признать, что формулировка летописного сообщения вкупе с имеющимся археологическим материалом вызывает некоторые вопросы. Прежде всего, обнаруженный фундамент соответствует очень небольшому зданию, внутреннее пространство которого всего 5,2 на 4,8 метров (С. В. Заграевский даже полагает, что здание было выстроено из материалов, оставшихся после завершения Архангельского собора)[241]. Но здание не только мало, оно еще и имеет стены разной толщины. Зачем князь Иван построил его – сразу после завершения Архангельского храма, в создании которого он сам принимал активное участие? Возможно, у князя все же были какие-то причины для возведения собственного маленького храма рядом с большим отцовским, но, может быть, упоминаемый летописью Никольский храм был построен не в Старице?

В свое время В. Борзаковский, невнимательно прочитав сообщение Тверского сборника, «перенес» Никольский храм князя Ивана в город Опоки[242], который князь Иван получил по завещанию и в котором «поставил город», т. е. укрепления. Сообщение о городе и церкви в публикации Тверского сборника от 1864 года, которым пользовался Борзаковский, выглядит так: «В лето 6911. Князь Великий Иван Михайлович Тверскый постави город Опокы на Волзе близ Ржевы, а на Городку постави церковь камену святаго Николы»[243].

Поскольку «Городком» применительно к Тверскому княжеству летописи чаще всего называли Старицу, то публикатор Тверского сборника понял это сообщение как относящееся к разным местам, и написал «Городок» с большой буквы.

---

[241]Заграевский С.В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М. 2003, гл.3

[242] Борзаковский В.С. История Тверского княжества… С. 39.

[243] ПСРЛ. 15,1, 470.

Борзаковский понял это сообщение по-другому, но, возможно, что ошибся не он, а публикатор рукописи. Правда, в этом случае нужно допустить, что аналогичную ошибку допустил и сводчик Никоновской летописи, в которой две части сообщения разнесены по тексту. Выше упоминалось, что Опоки были значительным тверским городом: там регулярно бывал князь; построить каменную церковь именно там, а не в Старице было бы, вполне логично. Представляется, что вопрос о каменном храме в Опоках требует дальнейших разысканий.

Следующий по хронологии тверской каменный храм периода независимости – это *церковь Успения* Желтикова монастыря. Впервые и церковь, и монастырь упомянуты в Никоновской летописи под 1394 годом: «Арсеней Тверский постави манастырь на реке на Тьмаце Пречистыа Богородицы Успение, церковь камену, в ней же и положен бысть по его велению; в том же манастыре постави церковь теплую во имя святых отец Антония и Феодосия Печерских»[244]. По всей вероятности, сообщение это датирует лишь основание монастыря, поскольку, согласно той же Никоновской летописи, каменная церковь Успения была заложена и свершена в 1404 – 1406 годах[245]. Это вторая из датированных церквей Твери (после Преображенского собора), где ктитором выступал тверской епископ и первая датированная каменная монастырская церковь (если не считать тверскую церковь св. Феодора, которая первоначально, возможно, не была монастырской). К этому времени в Москве было построено уже три монастырских каменных храма, считая только летописно датированные[246]; имелся один монастырский каменный храм и в Нижегородском княжестве.

---

[244]ПСРЛ.11, 156.

[245]ПСРЛ. Т. 11, 191, 192–193.

[246]Преображенский у княжьего двора («Спас на бору») – 1330 (придел – 1350) (ПСРЛ. 18, 91; 10, 22; 15 (Рогожская.), 60); Архангельский собор Чудова монастыря – 1365 (ПСРЛ. 18, 103); Успенский собор Симонова монастыря – 1378 – 1404 (ПСРЛ. 8, 217).

В начале XVI века каменное храмовое строительство в Московском государстве будет по преимуществу монастырским. Однако, в Твери, похоже, считали, что камень более соответствует репрезентативному княжескому храму, нежели монастырскому, ведь в монастыре все должно соответствовать идее отречения от мира. С учетом смыслового различения камня и дерева приобретает особую значимость построение «Повести о преставлении Михаила Александровича», где Михаил прощается с народом, стоя на высоких ступенях Преображенского собора (еще как князь), а затем велит вести себя в деревянный храм соседнего Афанасьевского монастыря, где принимает постриг и откуда больше не выходит.

Однако Арсений нарушает эту традицию, создавая в своем монастыре каменный храм, практически точно повторяющий (если судить по обмерам XVII века, приведенным Н.Н. Ворониным)[247] Архангельский собор Старицы, тем более что строительство Успенского храма продолжалось столько же, т.е. три года. Позже Арсений добавил к своему храму приделы, что придало ему сходство с Тверским Преображенским собором.

Характерно, что Тверской сборник ничего не говорит ни об Успенской церкви Арсения, ни осозданным им Желтиковом монастыре. В этом нельзя не видеть тенденции, поскольку о самом Арсении Тверской сборник также практически ничего не сообщает: из четырех сообщений сборника одно – о поставлении Арсения митрополитом Киприаном (1390 г.), два – в связи с князьями (Арсений участвует в погребении Михаила Александровича (1399 г.), его упоминает, обращаясь к холмскому князю Юрию Всеволодовичу, тверской князь Иван (1408 г.), и, наконец, максимально краткое сообщение о смерти: «Преставился Арсений епископ Тверской месяца марта в 2 день»[248].

Напротив, Никоновская летопись представляет Арсения активным и деятельным иерархом: он освящает и расписывает храмы, участвует в созванном Киприаном соборе, крестит сына

[247]Н. Н. Воронин. Зодчество... С. 391.
[248]ПСРЛ. 15,1, 495.

тверского князя Ивана, выступает посредником в споре между тверским и кашинским князьями. Что же касается смерти епископа, то в Никоновскую летопись включена подробная «Повесть о преставлении блаженнаго Арсения епископа Тверского», завершающаяся упоминанием многих исцелений у его гроба[249]. Политическую и «культурно-просветительскую» активность тверского епископа подтверждает и предположение, что Арсению Тверскому принадлежит древнейшая сохранившаяся редакция Печерского патерика[250] .

Причина молчания тверских источников заключается, скорее всего, в том, что у тверского князя Ивана Михайловича и у тверского епископа Арсения были разногласия, подобные тем, что были ранее у предшественника Арсения епископа Евфимия и князя Михаила Александровича, и еще раньше – у епископа Феодора и князя Василия Ярославовича. Примирительная позиция, которой придерживался епископ в споре великого тверского князя и удельных князей Тверского княжества, должна была казаться первому проявлением недостаточной лояльности епископа. Одно из сообщений Никоновской летописи (под 1401 годом) передает резкий ответ князя Ивана Арсению, когда тот пытается ходатайствовать за Василия Михайловича Кашинского по поводу отнятых тверским князем у последнего земель: «князь же великий отвечал: «суда ти о том не дам»[251]. Интересно, что родившегося в том же году сына князя Василия крестит специально приехавший для этого игумен Троице-Сергиевой лавры преп. Никон Радонежский[252]. Это сообщение определено указывает на то, что у Арсения могли быть иные источники жизнеописания, отличные от официальной тверской летописи, выражающей позицию тверского князя.

---

[249] ПСРЛ. 11, 211.

[250]Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Императорское Общество русского языка и словесности, 1897, кн. 3, т. 2, С. 836–837

251 . ПСРЛ. 11, 184.

[252]Там же.

Кроме того, можно предположить, что деятельность других тверских иерархов, конфликтовавших со своими князьями, также могла быть не отражена тверскими источниками (а за пределами Тверского княжества о них могли просто не знать). Таким образом получает некоторую вероятность предположение о строительной деятельности предшественника Арсения – Евфимия[253] – и о строительстве в Отроч монастыре[254], связанном с деятельностью епископа Моисея. Правда, подтверждение этой версии опровергает, казалось бы, упомянутую выше дихотомию деревянного и каменного строительства, характерную для Твери. Однако если и опровергает, то лишь по факту, а не в идеале, который как раз и отражают письменные источники, «не замечающие» каменных монастырских храмов, выстроенных не князьями, а священнослужителями.

Зато тверские письменные источники (и на этот раз только они: Тверской сборник и «Инока Фомы слово похвальное») говорят о двух каменных храмах, построенных князем Борисом Александровичем, сумевшим, во многом за счет благоприятной политической ситуации, существенно поднять престиж Великого Тверского княжества. Первый из них, *Борисоглебский*, был закончен в 1438 году, и ставили его, по словам Тверского сборника, три года[255]; «Слово похвальное» добавляет, что храм был построен князем «среди своего двора» и дает ему восторженное, но неконкретное описание: «Ни умъ человечьи не дотечетъ, ни языкъ извѣстовати тоя красоты не можетъ; но понеже земънымъ человѣкомъ в томъ храмѣ стояти, якоже и на небеси

[253]См. Салимов А. М., Романов В. В., Романова Е. А. Тверской епископ Евфимий Вислень и церковь Николы «Над ручьем» // Вестник славянских культур. 2011. Т. XXII. № 4. С. 95–108.
[254]Булкин В. А., Иоаннисян О. М., Салимов А. М., Успенский собор тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
[255] ПСРЛ. 15,1. 491.

мнѣтнся»[256].*Архангельский собор*, который князь Борис также строит «на своем дворе… на сенех», строился четыре года, с 1452 по 1455[257], и «Слово похвальное» только упоминает о его закладке. Оба храма упоминаются в писцовой книге 1626 года, но уже как сильно обветшавшие[258].

Характерно, что в своем подробном описании строительной деятельности князя Бориса Александровича «Слово похвальное» не упоминает главную святыню Твери – Преображенский собор, принять участие в украшении которого старались почти все предшественники Бориса на тверском престоле. Своими достаточно масштабными, если судить по затраченному времени, постройками, Борис определенно стремится противопоставить старой архитектурной традиции новую. Вероятно, Преображенский собор ассоциировался у него с той частью политической истории Твери, которую он хотел бы оставить в прошлом (т.е. борьбой Твери с Москвой за владимирское княжение) и которой он хотел бы найти жизнеспособную альтернативу. Именно поэтому он, в отличиеот предшественников, строит новые каменные храмы вблизи старого Преображенского собора – единственной прежде доминанты городского ансамбля Твери.

К периоду конца XIV – начала XV века Н. Н. Воронин относит еще несколько неупомянутых летописью каменных зданий: *церковь Иоанна Милостивого* в Тверском кремле (она упомянута в писцовой книге 1616 года и, по мнению ученого, изображена на иконе Михаила и Ксении среди других строений кремля) и *каменный дворец*, описанный в писцовой книге 1626 года как разрушающийся – его Воронин относит к последним годам княжения Михаила Александровича, т.е. к концу XIV в[259]. Но

---

[256]Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства CLXVIII. 1908. С.22–23.
[257]ПСРЛ. 15,1, 495.
[258]Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь 1901. С.12.
[259]Воронин Н. Н. Зодчество… С. 390, 394.

думается, что информации для каких-либо положительных заключений здесь, все же, недостаточно; и молчание летописей об этих постройках трудно объяснить, тем более что строительную деятельность Михаила Александровича и Ивана Михайловича летописи вовсе не замалчивают[260].

Но есть другой памятник, датировка которого имеет более принципиальный характер, поскольку в зависимости от нее в значительной мере получает свою характеристику тверская архитектура в целом. Это единственное сохранившееся каменное сооружение Твери периода независимости: *церковь Рождества Богородицы в Городне* (Конаковский р-н). Кажется, впервые предположительную датировку и стилистическую атрибуцию церкви в Городне дал А.Н. Вершинский: «Время ее построения неизвестно, но судя по архитектурным данным, она может быть отнесена к XV веку. Храм имеет типичную форму псковских церквей – ступенчатую арку. Впоследствии внизу храма была сделана обкладка стен»[261]. Также давая зданию позднюю датировку (40-е гг. XV в. для верхнего храма и, более предположительно, «до 1413 года», для нижнего[262]) и определяя его стиль как «наивный» и «отсталый», Н. Н. Воронин, по существу, дает оценку всей тверской архитектуре, поскольку церковь Рождества с такой датировкой должна рассматриваться как наиболее зримый ее итог.

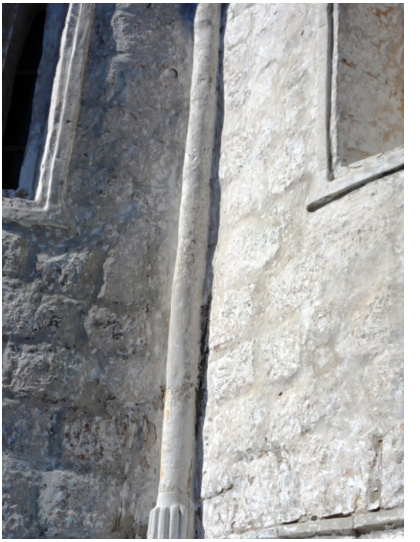
---

[260]В Летописном сборнике конца XVII века, опубликованном Тверской Губернской Архивной комиссией, посвящение Иоанна Милостивого носит придел тверского Преображенского собора: «В пределе Иоанна Милостивого великий князь Ярослав Ярославович во иноцех Афанасий отец великого князя Михаила Ярославовича чудотворца, да с ним же почивают внуци его: великий князь Дмитрий Михайлович, да великий князь Александр Михайлович, сын его великий князь Федор Александрович». Журнал заседаний ТУАК. 115 заседание, С. 20.

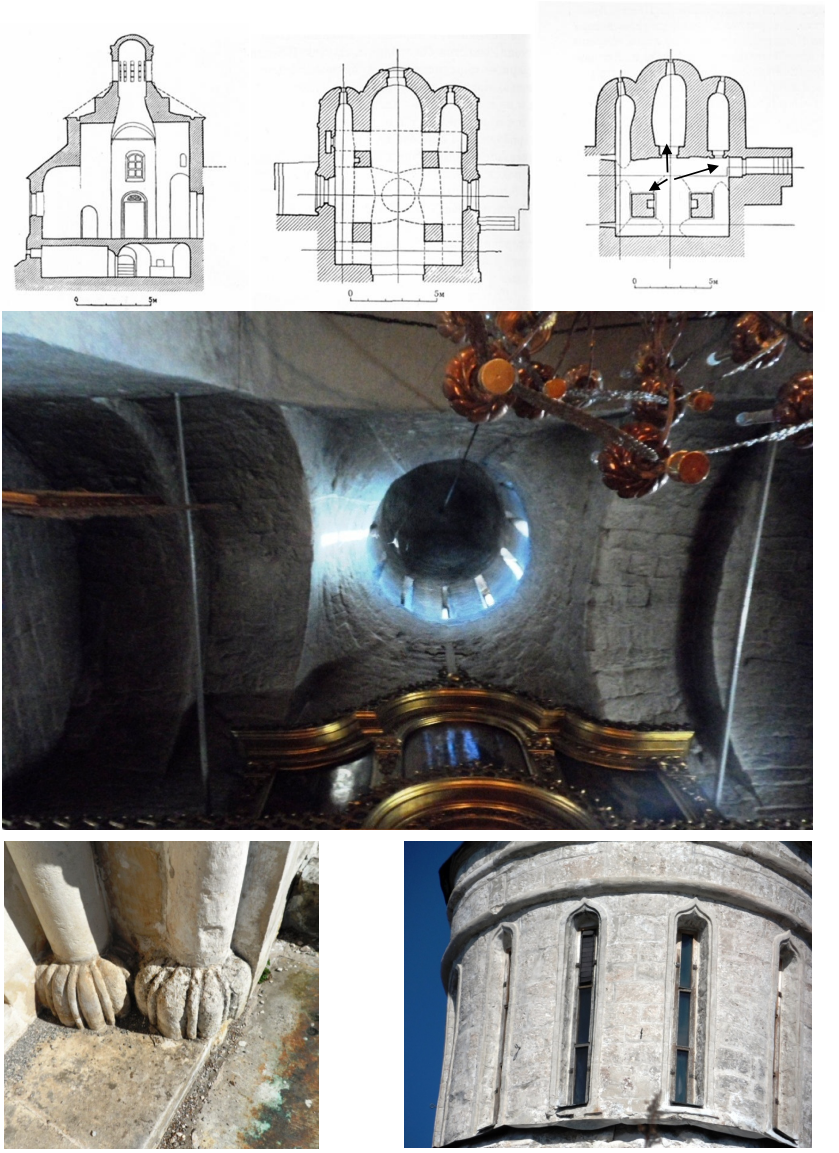
[261]Вершинский А. Н. Материалы по истории архитектуры в пределах Тверской епархии // Тверская старина 1911, №1, 1913, №3-4., С. 28. См. также Тверские епархиальные ведомости, 1899, № 19, С. 451 – о пожаре в церкви и поновлении ее в 1745 году владевшим в то время Городней П. Бемом.

[262]Тверские епархиальные ведомости, 1899. С. 536.

Ил. 82. Церковь Рождества Богородицы в Городне (кон. XIII, сер. XIV или первая треть XV в.).



Ил. 83–86. Верх. Слева: стрельчатое окно южной апсиды. Справа: колонки портала южного фасада. Низ. Слева: рельеф в виде колонны и архитектурный профиль, разделяющий цокольный и верхний этажи. Справа: полуколонна, разделяющая апсиды.



Ил. 87–90. Верх. Слева направо: продольный разрез, план верхнего этажа, план цокольного этажа (по Н. Н. Воронину). Стрелками показаны ракурсы съемки (стр. 103). Второй ряд. Церковь Рождества Богородицы в Городне. Подкупольное пространство. Низ. Слева: световой барабан. Справа: основания колонок южного портала.

Ил. 91–94. Верх. Слева: внутренний вход в южную «камеру» храма (существовавший в XV в. деревянный пол был впоследствии разобран). Справа и нижний ряд: цокольный этаж.

В качестве основания для этой датировки, Н. Н. Воронин ссылается на дозорную книгу 1614 года, где церковь названа «строением Бориса Александровича Тверского»[263]. 40-е годы XV века, куда ученый относит сооружение церкви, находятся в промежутке между двумя упомянутыми в летописи и Слове похвальном каменными постройками Бориса: Борисоглебской и Архангельской церковью.

Но именно последнее обстоятельство делает эту датировку весьма маловероятной: и летопись, и тем более «Слово похвальное» не стали бы обходить молчанием еще одно каменное сооружение князя Бориса. Исследователи, которые изучали церковь в Городне после Н. Н. Воронина, в целом согласились с ним как в датировке, так и в оценке этого памятника[264].

Иную и существенно более раннюю датировку церкви Рождества предложил С. В. Заграевский. Его собственная датировка храма – интервал между 1290 и 1318 годом; цокольный этаж храма, который, по всей вероятности также был церковью, ближе к начальной границе интервала, верхний храм – к

---

[263]Тверские епархиальные ведомости, 1899, С. 400.

[264]Седов Вл. В. Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне // Новгородские древности. Вып. IV. Сборник статей. М. 1993. С.62–69. Исследователь не дает собственной датировки, опираясь на результаты Н. Н. Воронина; Альтшуллер Б. Л. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV веков (новые исследования). Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. На правах рукописи. М., 1978., С.125 (цитата по: Заграевский С. В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М. 2003. прим. 257). Б. Л. Альшуллер датирует верхний храм в Городне 30-ми годами XV века, т.е. немного изменяет датировку Н. Н. Воронина в сторону удревнения храма. Несколько более раннюю дату возведения верхнего храма приводят в А. А. Галашевич и Г. С. Колпакова в своей монографии, посвященной церкви в Городне: вскоре после 1413 года как «акт благодарения за спасение в Орде» князя Ивана Михайловича, ездившего туда по приказу хана в 1412–13 гг. (Галашевич А.А. Колпакова Г.С. Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М.2011. С. 53); нижний храм исследователи датируют концом XIV века.

завершающей. Что же касается пожара 1413 года[265], в связи с которым в летописи упоминается Городня, то С. В. Заграевский полагает, что пожар не мог серьезно повредить такой массивный каменный храм в Городне, и, «вборзе» восстанавливая сгоревшие укрепления, князь ограничился лишь небольшим ремонтом церкви. Косвенным подтверждением этой точки зрения является тот факт, что церковь в Городне восстанавливали после пожара 1745 года, также не повредившего каменному зданию[266].

Характеризуя церковь в Городне, С. В. Заграевский присоединяется к предшественникам относительно оценки храма как провинциального, но превращает ее в аргумент против них: на примере Архангельского храма Старицы видно, считает исследователь, что уже в конце XIV века тверские мастера умели строить гораздо качественнее по сравнению с церковью в Городне, построенной, по его мнению, столетием раньше. Что же касается аргументов «за», то Заграевский использует «историко-мотивационное» обоснование своей датировке, сравнивая церковь в Городне с обнаруженным в результате раскопок Борисоглебским собором в Ростове (1287 г.), а также сохранившимися полностью или в значительной степени церквями в селе Каменском[267] и селе Городище[268], которые исследователь датирует началом XIV века[269].

Но для решения вопроса о датировке этих аргументов, очевидно, недостаточно: во-первых, относительно «несовершенства» кладки и плана можно сказать, что оно так же необъяснимо после возведения Преображенского собора в Твери,

---

[265] «...погоре Городен на Волзе и церковь Пречистыа Богородици и двор княж и много имения княжа и жита и запас всякой погоре» (ПСРЛ.11.220).

[266]К 1745 году относится постройка владельцем Городни П. Бемом нового придела; «прежний был построен князем Симеоном» (Тверские епархиальные ведомости. 1899, № 18, С. 632–634; № 19, С. 454).

[267] Никольская церковь в селе Каменском Можайского района Московской области.

[268] Церковь Иоанна Предтечи в селе Городище Коломенского района Московской области. В настоящее время это западная окраина Коломны.

[269] Заграевский С.В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М. 2003, гл.3.

как и после Архангельского в Старице; во-вторых, ростовский собор возведен еще в домонгольский период, и во второй половине XIII века переосвящен, а в 1287 году возведен, очевидно, на старом фундаменте, и, следовательно, частичное сходство этого фундамента и храма в Городне ничего не доказывает; в-третьих, ранняя датировка храмов в Каменском и Городище основана на предположении, что эти храмы стояли непосредственно на границе Московского княжества, что вовсе необязательно, даже если согласиться с тем, что они несли какую-то оборонительную функцию: ведь позднейшие каменные крепости и засечные линии Московского государства строились также не на границе.

Ил.. 95. Церковь Рождества Богородицы в Городне. Граффити (из кн. А. А. Галашевича и Г. С. Колпаковой, ил. 95).

Впрочем, несмотря на все эти возражения, храм в Городне все же может иметь раннюю датировку, но молчание летописей, обычно очень внимательных к крайне немногочисленному каменному строительству конца XIII – начала XIV века, выглядит странным (хотя то же самое можно сказать по поводу храмов в Каменском и Коломне). И это при том, что ктитором храма, несомненно, является князь (Городня упоминается в летописи под 1412 годом вместе с находящимся в ней княжеским двором). Причем это, скорее всего, не удельный князь (Городня слишком близко к Твери; по завещанию 1399 года она досталась вместе со столицей старшему сыну Михаила Ивану). Это означает, что храм в Городне с точки зрения ктиторства нельзя сравнивать с сохранившимися каменными храмами без соответствующих летописных упоминаний конца XIV– начала XV века на территории Московского княжества: ведь там их строили князья боковых линий. Вместе с тем, в отличие от Каменского и села Городище в окрестности Коломны, где сохранившиеся каменные церкви имеют, очевидно, более раннюю датировку, Городня-Вертязин в летописи все же упоминается, хотя летописные

сообщения (первое – под 1399 годом, затем еще два: под 1412 и 1413 годами, где летопись сообщает о пожаре и восстановлении городка) говорят скорее в пользу поздней датировки церкви Рождества, предложенной Н. Н. Ворониным: если бы Городня была значительным пунктом хотя бы к 1375 году, то летопись наверняка упомянула бы о ней, как она упомянула о Микулине, Старице, Белом городке, Зубцове в рассказе о тверском походе московского князя Дмитрия.

Вместе с тем, летопись под 1375 годом ничего не сказала о городе Опоки, так же, как и Городня впервые упомянутом в 1399 году. Городня едва ли когда-либо могла быть важной крепостью на подступах к Твери с юго-востока (хотя несомненно, что в Городне были проведены серьезные фортификационные работы: упомянутая в писцовых книгах XVII в. «осыпь», т.е. вал, не сохранилась, но глубокий и широкий ров говорит о существовании здесь в прошлом и других укреплений), для этого она слишком невыгодно расположена: как уже говорилось в главе 1, холм мал по площади, не выше окружающего коренного берега, иприжат к Волге.

Как Н. Н. Воронин, так и С. В. Заграевский полагают, что цокольный этаж с церковью Иоанна Предтечи и верхний храм Рождества Богородицы возведены с интервалом в несколько десятилетий, поскольку характер кладки обеих частей здания заметно отличается: в нижней части использованы блоки с худшим качеством обработки. Но обоим исследователям приходится предположить очень небольшой интервал между первым и вторым храмами – 20-30 лет. Н.Н. Воронин называет дату постройки первоначального здания «до 1412 года», но после 1399 года[270] когда в Городне произошел пожар, и верхняя церковь, по мнению ученого, была перестроена; однако произошло это почему-то (Н. Н. Воронин этого не объясняет) не сразу после пожара, когда крепость Городни была отстроена, по словам летописи «вборзе», а

[270]Воронин. Н. Н. Зодчество… С. 536, прим. 22. Воронин считает ктитором храма князя Ивана Михайловича.

лишь через тридцать лет при следующем князе Борисе Александровиче. Что же касается С. В. Заграевского, то его ранняя датировка верхнего храма – до 1318 года – заставляет еще больше уменьшить интервал между возведением нижнего и верхнего храма в Городне (после 1290 года), поскольку невозможно предположить, что церковь в Городне строилась раньше или одновременно с возведением Преображенского собора в Твери (1285–1290). Для объяснения такого небольшого интервала С. В. Заграевскому приходится ввести несколько дополнительных гипотез: от прервавшей строительство Дюденевой рати, до перестройки храма тверскими князьями по соображениям престижа. Вторая гипотеза выглядит маловероятной как по причине незначительности хронологического интервала, так и по причине отсутствия аналогичных примеров: когда храм перестраивали по соображениям престижа, как это было с московскими кремлевскими храмами, то всегда начинали с изменения его плана, а не строили такой же по площади храм на старом основании.

Кроме того, при допущении двух строительных периодов для храма в Городне получается, что летописи промолчали о нем не один раз, а дважды. На мой взгляд, труднее обосновать возведение нового храма на старом подклете, чем допустить, что весь храм построен в один строительный период, тем более что такое допущение позволило бы рассматривать церковь Рождества как воплощение определенного единого замысла, а не как вынужденный внешними обстоятельствами компромисс (некоторые конструктивные особенности храма, как представляется, говорят в пользу первого).

Что же касается датировки храма, то с учетом сказанного выше о самом вероятном типе его ктиторства, можно предположить, что указанием на нее может служить именно отсутствие летописных сведений. Выбирая для датировки церкви Рождества между периодом до 1327 года и периодом после 1351 года, С. В. Заграевский безоговорочно выбирает первый, в то время как период после 1351 г., но до 1368 г. гораздо более вероятен для

ее постройки. Во-первых, это период в целом мирного сосуществования Твери со своими соседями, в первую очередь с Москвой. Во-вторых, в этот период на тверском престоле находится князь Василий Михайлович, четвертый сын Михаила Ярославовича, князь, в отношении которого тверская (и вслед за ней московская) летопись обнаруживает пристрастность, которую не трудно доказать.

Великий тверской (1350–1368 гг.), а ранее кашинский (с 1318 г. (?) князь Василий Михайлович – своего рода антигерой тверской политической истории: почти все летописные упоминания о нем периода его великого княжения связаны с «нестроеньем» и «розмирьем», т. е. ссорами тверского князя с его племянниками, сыновьями его старшего брата Александра – Всеволодом и Михаилом[271]. При этом летопись (независимо от региональной

[271]Об этом свидетельствует характер упоминаний князя Василия Михайловича в Никоновской летописи (жирным шрифтом – упоминания Василия в московском Летописном своде конца XV в.): 1320 – Василий вместе с матерью Анной, Братьями Дмитрием и Александром (Константин не упомянут) встречает тело кн. Михаила. (10, 186); 1327 – вместе с Константином и матерью возвращается в Тверь (10, 195); **1329 – вместе с Константином идет на брата Александра** (10, 201); 1330 – Василий женился в Брянске (10, 203); 1339 – провожает брата Александра в Орду, Константин болеет (X,209); 1339 – вместе с Константином встречает тело Александра в Переславле (10, 210); 1346 – ссора с Всеволодом, которому хан Джанибек дает тверское княжение (10, 218); 1348 – ссора с Всеволодом Холмским «людем тверским тягость и многи люди ради того нестроения разыдошася» (10, 220); 1350 – Василий сел на тверское княжение, примирение князей Феодором (10,221); 1352 – ярлык Василию и «негодование» его на Всеволода (10, 223); 1357 – спор Василия и Всеволода у митр. Алексея (10, 229); 1357 – Василий ходил в Орду. 1358 – Василий вернулся из Орды (10, 230); 1358 – Василий жаловался на Всеволода в Орду, и того выдали ему «без суда» (10, 230); 1358 – желание Феодора уйти с тверского епископства (X. 230); 1360 – Василий отступился от трети отчины (10, 231); 1363 – Василий ходил ратью на Микулин (11.I.2); 1366 – розмирие Василия и Еремея с Михаилом (11, 6); 1367 – Василий едет в Москву судиться об уделе князя Семена; в том же году Василий с силой кашинской приехал в Тверь «и многим людем сотвориша досады и бесчестьем и муками, и разграблением имаша и продажею без помилования» – (11, 8.); 1367 –

традиции, к которой она принадлежит) принимает сторону удельных князей: описывая «негодование» тверского князя на Всеволода, она упоминает, что Всеволод был выдан Василию по его жалобе «без суда»; в описании ссоры Василия с Михаилом, летопись сообщает, что Василий с «силой кашинской» приехал в Тверь «и многим людем сотвориша досады и бесчестьем и муками, и разграблением имаша и продажею без помилования», желая, очевидно, показать, что Василий не был популярен в Твери, принявшей сторону Михаила, тогда еще удельного князя Микулинского. Тот же смысл имеет и летописный рассказ о попытке тверского епископа Феодора оставить епархию из-за ссор между князьями. Летописное сообщение о смерти Василия максимально кратко (не сказано, где погребен и отпевал ли его епископ).

При этом характерно, что все приведенные выше сообщения (кроме последнего) принадлежат только Никоновской летописи; в московском Летописном Своде конца XV века их нет. Сводчик Никоновской, очевидно, пользовался какой-то несохранившейся тверской летописью, составленной, конечно, уже после смерти Василия и попавшей в Москву после присоединения Твери. Тенденциозность тверской летописи понятна: хотя Василий Михайлович вступил на тверской престол по праву (к моменту смерти Константина он был старшим из всех тверских князей, и единственным оставшимся в живых сыном Михаила Ярославовича), сыновьями Александра Михайловича он воспринимался как представитель кашинского дома, следовательно, как чужак, всякую память о котором они постарались изгнать. Поэтому все летописные сообщения о Василии Михайловиче периода его тверского княжения ограничены лишь его отношениями с Александровичами; всякая иная деятельность князя, в том числе и строительная, оттуда исключена.

привел московскую рать с собой; 1368 – **Василий преставился в Кашине (в Лет. Св. XV в. под 1366 г.)** (11, 10).

Но она несомненно была – летопись упоминает об украшении тверского Преображенского собора при Василии: о золоченых крестах, «медяных дверях», «мрамореном дне», т. е. полах. Все это, конечно, летопись приписывает тверскому епископу Феодору, не упоминая тверского князя, при котором это происходило. Но это означает, что каменные постройки князя Василия, поставленные за пределами Твери, летописями могли быть вовсе не упомянуты. Восемнадцатилетнее мирное княжение (несмотря на «розмирья» с удельными князьями, никогда, впрочем, не доходящее до военных столкновений), и, в особенности, нормализация отношений с Москвой (Василий ездил жаловаться на Всеволода к митрополиту Алексею) – вполне подходящая ситуация для осуществления строительных проектов. Во всяком случае, подобные проекты характерны для тверских князей Ивана Михайловича (1399–1425 гг.) и Бориса Александровича (1425–1461 гг.), которые придерживались, в целом, той же «примирительной» политики, что и Василий Михайлович.

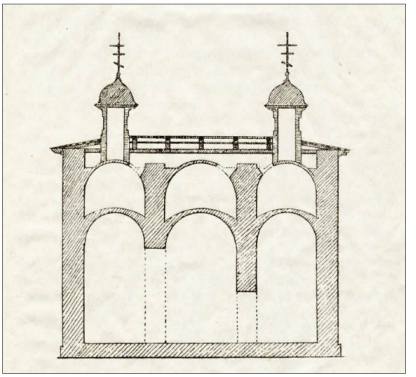
Конечно, такая политика имела свою опасность: она могла быстрее привести к «тихому» поглощению Твери Москвой, чем курс на борьбу за владимирское княжение, подразумевающий, разумеется, конфронтацию с соседним Московским княжеством, выбранный Михаилом Александровичем, следующим после Василия великим тверским князем (1368 – 1399 гг.). Однако эта политика давала возможность для формирования идеи тверской самобытности (о чем говорилось выше в связи с тверской историографией и публицистикой), чему общерусские политические амбиции едва ли бы способствовали. В конце концов, тверские князья прагматично выбрали политическую линию Василия Михайловича, а не Михаила Александровича.

Итак, есть основания для того, чтобы отнести церковь Рождества в Городне к одному строительному периоду и датировать его 50–60 годами XIV века. Но возможно ли прочтение облика этого храма как репрезентации тех или иных

политических идей? Конечно, говоря о репрезентативном содержании тех или иных архитектурных памятников, приходится вторгаться в область, еще более предположительную, чем когда речь идет о проблемах датировки. Задача усложняется тем, что материалов тверской архитектуры слишком мало, чтобы говорить о каких-либо стилистических генеалогиях. Что же касается архитектурных аналогий, принадлежащих к иным архитектурным традициям, то они слишком частичны. В первом приближении храм кажется чем-то средним между изящным Успенским собором «на Городке» в Звенигороде и приземистой Никольской церковью в Каменском. В церкви Городни парадоксально соединена грубая «крепостного типа» кладка (которая, впрочем, имеет тенденцию становиться все более чистой и гладкой по мере возвышения храма от основания до купола) с тщательной обработкой цоколя, дающего внешнее разграничение верхней и нижней церквей и столь же тщательной обработкой проемов, дверных и оконных (последние напоминают проемы в сохранившейся цокольной части московского храма Рождества Богородицы (1394 г.).

С этим храмом у церкви в Городне имеются и другие сходства, прежде всего, само наличие нижней и верхней церквей (для памятников Руси XIV–XV веков это едва ли не единственные примеры). Как и в Никольском храме в Каменском, в церкви Рождества в Городне главным источником света является барабан (вернее, являлся: в северной и южной стенах позднее были пробиты окна), но в городенской церкви у него двенадцать красиво профилированных окон. Это соответствие окон барабана числу апостолов исполнено смысла и встречается крайне редко (известный мне пример – Успенский собор во Владимире).

Порталы храма в Городне нельзя назвать «перспективными» (перспективный портал – типичный признак всех храмов Северо-Восточной Руси XII – XVII вв.), но их вертикальные тяги украшены не одной, а тремя бусинами-«дыньками». Внутренне строение храма



Ил. 96. План церкви Белая Троица в Твери (1567 г.). Видны тайники над конхами апсид (по А.И. Некрасову).

с большим центральным нефом и «конусом», в который переходят подпружные арки, соответствует роли светового барабана, позволяя ему освещать большую часть храма. Предполагаемые Н. Н. Ворониным тайники над сводами в восточной части храма – возможны, хотя бы потому, что в тверской церкви Белая Троица (1567 г.), которая могла воспроизводить какие-то элементы тверской архитектуры периода независимости, такие тайники имеются, и расположены они именно таким образом[272]. Также, я думаю, не лишено основания замечание Н. Н. Воронина о том, что тверской Преображенский собор имел подобную городенской церкви форму перекрытий (Воронин называет ее «ярусной») и также стоял на подклете.

В верхних западных углах храма имеются небольшие камеры, которые Н.Н. Ворониным были интерпретированы как помещения для хранения ценностей[273], а Вл. В. Седовым – как приделы на полатях, аналогичные новгородским[274]. Однако поскольку никаких лестниц к этим помещениям нет (по словам Вл. В Седова, в новгородских храмах такие лестницы обычно устраивались внутри стен), то оба исследователя предполагают наличие деревянных лестниц, временных или постоянных, ведущих в камеры изнутри храма. Но у этих помещений может быть и иное назначение, сближающее их с московскими храмами гораздо более позднего

[272] Некрасов А. И. Церковь Белая Троица в Твери. Тверь, 1900.
[273] Воронин. Н. Н. Зодчество… С. 404.
[274] Седов Вл. В. Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне. В кн.: Новгородские древности. Вып. IV. Сборник статей. М., Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. 1993. С. 64.

периода – второй половины и конца XVII века, строившихся на пути к монастырям, куда ездили на богомолье русские цари: в таких храмах также устраивались подобные палатки – молельные комнаты, отдельно для царя и царицы. В каждую из палаток можно было подняться через отдельную лестничную башню (в домонгольском зодчестве лестничные башни также были широко распространены). Может быть, такие башни были и у храма в Городне? В таком случае, они должны быть разобраны, когда к храму была пристроена трапезная и колокольня (1745 г.).

Но независимо от того, имелись ли у храма Рождества Богородицы в Городне лестничные башни или нет, сам храм, с его монументальными формами и лишенными украшений фасадами напоминает крепостную башню, увенчанную небольшим симметрично расположенным фонарем. Представляется, что этот монументализм не следует трактовать исключительно в отрицательном смысле, т. е. в смысле отсутствия умения строить иначе, а в смысле сознательного стилистического выбора, когда каменный храм представляет помимо своей непосредственной функции также силу и устойчивость княжеской власти.

Несомненно, что единственный сохранившийся храм Тверского княжества не обязательно является средоточием всех аспектов его архитектурной традиции, но вместе с тем (если руководствоваться аналогией Московского княжества или Новгородской республики) отдельно взятый храм не может ей также серьезно противоречить. Если же искать храму Рождества Богородицы в Городне не стилистические, а семантические аналогии, то думается, что их без труда можно отыскать в тверской литературе и иконописи.

Судя по немногочисленным летописным упоминаниям и отрывочному устному преданию, можно предположить, что Городня была своего рода загородной резиденцией тверских князей: летопись говорит о княжьем дворе и запасах в нем, предание – о договорах, заключенных здесь князем Михаилом Ярославовичем с московским князем Юрием и с новгородцами в

1312 и 1318 годах[275]. Политическое значение Городни косвенно подчеркивается тем, что здесь, по всей видимости, чеканилась собственная монета – «деньга городенская»[276], и это при том, что Городня никогда не была центром особого удела (и не входила в уделы младших сыновей, составляя единое политическое целое с самой Тверью). Это обстоятельство наделяет церковь Рождества Богородицы в Городне репрезентативными свойствами княжеского домового храма[277].

Можно, конечно, сказать, что храм Рождества Богородицы в Городне представительствует за всю тверскую архитектуру в силу случайных обстоятельств, при этом не обязательно будучи типичным для тверской архитектурной традиции. Но предположение о его стилистической типичности в значительной степени основано на более вероятном предположении о его ктиторской типичности, а именно ктиторстве тверского князя, что являлось характерной чертой тверской архитекуры, во всяком случае, с середины XIV века[278]. Каменное строительство тверских

---

[275]Тверские епархиальные ведомости. 1899, № 18, С. 632-633.

[276]А.В. Орешников, впрочем, считает, что «городенские монеты» чеканились в Старице, которая в летописях часто называлась «Городок» или «Новый городок» (Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М. 1896, С. 66); то же мнение высказывал ранее А. К. Жизневский. При этом оба исследователя полагают, речь идет о монетах удельного княжества, но известно, что за все время чеканки тверских монет (ок. 1400 г.) Старица, как и Городня, никогда не была ни центром удельного княжества, ни входила в него.

[277]В описании интерьера церкви в Городне конца XIX века есть любопытная деталь, возможно, указывающая на память о княжеском ктиторстве удельного времени: «Над царскими вратами в главном иконостасе – устроена корона; что этой короной обозначается трудно сказать /в сноске/: корона или царские венцы ставились в старину над царскими вратами в ознаменование что храм или по крайней мере иконостас был устроен на средства, пожертвованные царем; такие же короны ставились и на куполах церквей в основание креста» (Тверские епархиальные ведомости.1899 №19. С. 454). Относительно царских пожертвований церкви в Городне ничего не известно, и можно предположить, что в интерьере храма воспроизводились знаки ктиторства прежних тверских князей.

[278]Исследователи давно обратили внимание на эту особенность тверской архитектуры: напр. Miller D., Monumental Building as an Indicator of Economic

князей было архитектурной репрезентацией самой княжеской власти – отсюда их монументализм и лаконизм оборонительного сооружения.

Таблица 5. Летописные упоминания каменных храмов Тверского княжества.

Даты:

1285 г. – закладка Преображенского собора в Твери

1290 г. – окончание строительства Преображенского собора

1323 г.– постройка храма св. Феодора в Твери

1398 г. – постройка храма Михаила Архангела в Старице

1401г. – постройка Никольской церкви в Старице

1404–1406 гг. – постройка Успенского собора в Желтикове монастыре

1436–1438гг. – постройка Борисоглебской церкви в Твери

1452–1455 гг. – постройка церкви Михаила Архангела в Твери.

Пустая клетка означает, что летопись данный период не охватывает; дата в скобках – та, под которой событие отмечено в данной летописи.

В Новгородских I – III летописях, Псковских, Софийской I, Вологодско-Пермской, Никаноровской летописях – упоминаний тверских храмов нет.

Trends in Northern Rus in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138–1462. P. 385–386. По расчетам исследователя, после 1387 года великие тверские князья финансировали девять или десять каменных построек, епископы – три, совместно вел. князья и епископы – одну, удельные князья – ни одной. Хотя относительно соотношения великокняжеских и иных построек с Д. Миллером трудно не согласиться, все же нужно признать, что общее количество их он несколько завысил.

	1285	1290	1323	1398	1401	1404-1406	1436-1438	1452 - 1455
Лаврентьевская	+							
IV Новгородская и летопись Авраамки	+	-	-	-	-	-	-	-
Воскресенская	+ (1286)	+	+	-	-		-	-
Никоновская	+	+	+	+	+ (1403)	+ +	-	-
Тверской сборник	+	+	+	+ (1397)		–	+	+
Рогожская	+	+	+	+	-	-	-	-
Супрасльская	+	-	+	-	-	-	-	-
Симеоновская	+	+	+	+ (1399)	-	-	-	
Ермолинская	+	+	-	-	-	-	-	-
Типографская	+	+	-	-	-	-	-	-
Московский свод конца XV века	+	+	+	-	-	-		
Троицкая по Академическому списку	+	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 6. Летописные упоминания каменных храмов Суздальско-Нижегородского княжества.

Даты

1225 г. – закладка Преображенского собора в Нижнем Новгороде

1227 г. – закладка церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде

1350–1352 гг. – перестройка Преображенского собора в Нижнем Новгороде

1359 г. – перестройка церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде

1370 г. – постройка церкви Благовещения в «Печерном монастыре»
1371 г. – постройка церкви «Николы на бечеве»
1372 г. – закладка каменного кремля в Нижнем Новгороде

	1225	1227	1350-1352	1359	1370	1371	1372
Лаврентьевская	+						
IV Новгородская	+	-	-	-	-	-	-
Тверской сборник	+	-	- -	-	-	-	-
Воскресенская	+	-	-	-	-	+	-
Никоновская	+	-	+ +	+	-	+	+
Рогожская	+	-	+ -	-	-	+	+
Симеоновская	+	-	- -	-	-	+	+
Ермолинская	+	-	- -	-	-	+	-
Типографская	+	-	- -	-	-	-	-
Московский Свод конца XV века	+	-	- -	-	-	+	-
Нижегородский летописец		+	- -	+	+	+	+ (1374)

Таблица 7. Летописные упоминания каменных храмов Московского княжества.

Даты
1. Успенский собор в Кремле – 1326 г.; расписан в 1344 г.
2. Церковь Иоанна Лествичника и Петроверигская церкви – 1329 г.; расписаны в 1346 г.

3. Преображенская церковь («Спас на Бору») – 1330 г.; расписана в 1345-1346 гг.
4. Собор Михаила Архангела в Кремле – 1333 г.; расписан в 1344 г.
5. Придел (притвор) церкви «Спас на Бору» – 1350 г.
6. Церковь Михаила Архангела Чудова монастыря – 1365 г.
7. Каменные кремлевские стены – 1367 г.
8. Успенский собор Симонова монастыря. Начат – 1378 г., закончен – 1404 г.
9. Успенский собор в Коломне – 1380 год (дата обрушения первоначальной постройки); 1392 г. расписан.
10. Церковь Рождества Богородицы в Кремле – 1394 (или 1390) г.

	1326/ 1344	1329/ 1346	1330/ 1345-1346	1333/ 1344	1350	1365	1366-1367	1378/ 1404	1380/ 1392	1394 (1393)
Новгородская (VI)	+ -	+ + -	+ -	+ -	-	-	-	- -	- -	-
Софийская Первая	+ -	- - -	+ -	- -	-	-	-	- -	- -	-
Воскресенская	+ +	+ + +	+ +	+ +	-	+	+	+ +	+ +	+
Никоновская	+ +	+ +	+	+ +	+	+	+	-	+ +	+
Рогожская	+ +	+ +	+ +	+ +	+	+	+	пропуск года	+ + +	+
летопись Авраамки	+ -	- -	+ -	- -	-	-	-	- -	- -	-
Супрасльская	+ -	- -	- -	+ -	-	+	-	- -	- -	-
Симеоновская	+ +	+ + +	+ +	+ +	+	+	+	+ +	+ +	+
Ермолинская	+ +	+ + +	+ +	+ +	-	+	+	+ +	+ +	+
Типографская	+ -	+ -	+ -	+ -	-	+	+	+ +	+ -	+
Вологодско-Пермская	+	- - -	- -	- -	-	-	-	- -	- -	-
Никоновская	+ -	- - -	- -	- -	-	-	-	- -	- -	-
Московский свод конца XV века	+ +	+ + +	+ +	+ +	-	+	+ (?)	+ +	+ + +	+

4.2. Тверская иконописная традиция. Явление или присутствие

В монографиях и статьях по истории искусства исследователи редко привлекают нумизматический и сфрагистический материал, не отрицая, впрочем, его эстетического значения (в то время как такую своеобразную форму культуры, как могильные памятники, которую непонятно куда отнести в «жанровом отношении», они используют несколько чаще). Аналогичным образом, исследователи политической истории охотно используют нумизматику и сфрагистику, но менее охотно – художественные традиции изучаемой культуры в «более узком смысле»: монументальную и станковую живопись, книжную миниатюру, иные виды прикладного искусства, функционально и сюжетно близкие перечисленным. Применительно к культуре средневековой Твери этот вид творчества ограничивается главным образом иконописью и книжной миниатюрой. Но насколько весь этот материал пригоден в качестве репрезентанта культурного своеобразия? Во всяком случае, возможности у этой области культуры выглядят весьма многообещающими. Во-первых, в отличие от нумизматики, можно проследить развитие изобразительного искусства на протяжении всего активного существования культуры, а не только второй половины этого существования; во-вторых, по сравнению с архитектурой, произведения искусства сохраняются, как правило, лучше; в-третьих, эти произведения лучше вписываются в традицию, чем уникальные предметы, относящиеся к княжескому парадному вооружению.

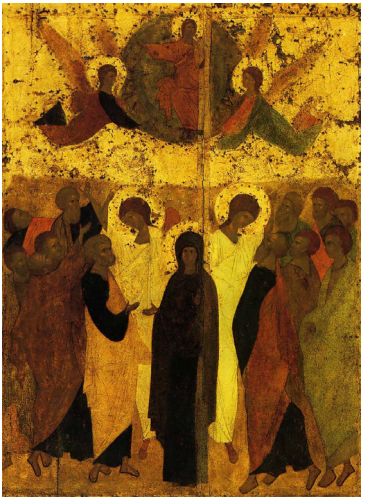
Вместе с тем, существуют и проблемы, связанные именно с этой областью культуры. Во-первых, это проблемы атрибуции. Если по поводу культурной принадлежности миниатюр «Хроники

Ил. 97-98. Верх и низ. Тверская школа иконописи. «Кашинский чин», «Рождество» (фрагмент). XV в. Третьяковская галерея.

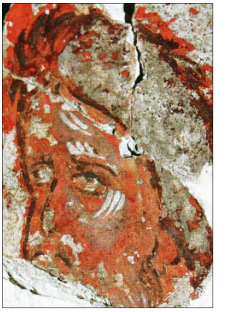
Ил. 99. Тверская школа иконописи. Пантократор. Конец XIII–начало XIV вв.

Ил. 100. Тверская школа иконописи. Апостол Павел. Конец XV в. Музей им. Андрея Рублева.

Ил. 101. Борис и Глеб. Нач. XIV в.(?) Киев. Музей русского искусства.



Ил. 102–105. Верх. Тверская школа иконописи. Слева: Евангелист Лука и София. Царские врата (фрагмент), XV век. Справа: Богоматерь Агиосоритисса (фрагмент), XV век, МИАР. Низ. Слева: Тверская школа иконописи, «Кашинский чин», «Вознесение», XV в. Третьяковская галерея. Справа: мастерская Андрея Рублева «Вознесение», Троице-Сергиева Лавра, ок. 1425 г.



Ил. 106–111. Фрески из церкви Рождества Богородицы в Городне. Верх. Слева: Иоанн Предтеча в пустыне; справа: голова неизвестного. Средний ряд: Николай Мирликийский. Низ. Слева и справа – головы неизвестных; в центре – Богоматерь. Тверская областная картинная галерея.

Ил. 112–114. Тверь. Верх. Заставка к Евангелию от Иоанна (Четвероевангелие 70-х гг. XV. в.), ГАТО, Ф.1409, Оп. 1.д. 1553. Слева: заглавный лист Евангелия от Марка (то же). Справа: инициал из Сборника слов и поучений на двунадесятые праздники и Пасху Тверь 80–90 гг. XV в. ГАТО. Ф. 1409, Оп. 1. д. 1028.

Амартола» нет сомнений (исследователи спорят лишь о том, в какой мере эти миниатюры оригинальны, а в какой следуют предполагаемому греческому прототипу), то этого нельзя сказать о тверской иконописи: ведь даже такое «эталонное» произведение тверской иконописи, как иконы Бориса и Глеба из новгородского Савво-Вишерского монастыря вызывает в последнее время возражения относительно его принадлежности тверской иконописи[279]. Такие же сомнения имелись (и, возможно, остаются) у исследователей по поводу икон так называемого «Кашинского чина», датируемых серединой – второй половиной XV века[280]. Вторая проблема – это техника и, можно сказать, философия интерпретации иконописи как исторического источника в широком смысле этого слова. Является общеизвестным фактом, что, имея один исторический исток и будучи связана единой религиозной традицией, русская иконопись скорее гомогенна, чем гетерогенна (по крайней мере, до середины XVI века), когда начались публичные споры относительно допустимости тех или иных сюжетов и символов на иконах. Однако внутри этой гомогенности исследователи уже довольно давно выделяли особые региональные разновидности, местные школы, среди которых раньше всего обратила на себя внимание новгородская и псковская школы иконописи.

Что же касается московской школы иконописи, то она рассматривалась исследователями как своего рода магистральная линия развития русского средневекового искусства. Эта точка зрения утвердилась уже в начале 20-го столетия в работах о.

---

[279] См.: Членова Л. Г. Древнерусская икона XIII в. «Борис и Глеб» из Киевского музея русского искусства // Восточноевропейский археологический журнал, 3(16) май–июнь 2002. Исследователь определяет икону как «новгородско-киевскую» и датирует концом XII – первой пол. XIII вв.

[280] О точках зрения относительно принадлежности Кашинского чина см. Попов Г. В. Кашинский чин и культура Твери середины XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М. 1977. С. 223–224.

П. Флоренского и Е. Н. Трубецкого[281] и впоследствии была развита и уточнена в работах И. Грабаря, В. Н. Лазарева, М. Алпатова и других авторов. Тем не менее, В. Н. Лазарева можно по справедливости назвать открывателем тверской иконописи, подобно тому, как Н. Н. Воронина справедливо называют открывателем тверской архитектуры.

Исходя из своих предпосылок, В. Н. Лазарев рассматривал тверскую живописную культуру как явление сугубо провинциальное и в определенном смысле «отсталое»: «Тверская живопись... являет пеструю картину, довольно далекую от того, чтобы и в данном случае можно было бы твердо говорить о «школе». В большинстве тверских икон очень настойчиво пробивается архаическая струя»[282]. Практически ту же самую точку зрения высказывают и исследователи, посвятившие тверской иконописи специальные статьи и монографии: «Художественная культура Твери не смогла достигнуть той цельности, которой обладало искусство Новгорода, Пскова и соседней Москвы. Тверское искусство развивалось неравномерно, попеременно испытывая воздействие того или иного из указанных русских центров, обращаясь и к балканскому искусству, но сохраняя при этом верность собственным архаическим традициям, сложившимся на протяжении конца XIII– первой половины XIV в.»[283].

Приведенные цитаты показывают, что интерпретация даже отдельного произведения, вписанного в определенную традицию (например, произведения иконописи) заставляет исследователя смотреть на это произведение как бы сквозь регионально-

---

[281] Речь идет, прежде всего, о работе П. Флоренского «Иконостас» и статьях Е. Н. Трубецкого под общим заглавием «Три очерка о русской иконе». Это не столько искусствоведческие, сколько религиозно-философские этюды о русской иконописи, в которых русская иконопись рассматривалась главным образом через призму творчества Андрея Рублева (у Е. Н.Трубецкого к этому добавляются произведения Новгородской школы).

[282] Лазарев. В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М. 2000. С. 130.

[283] Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI веков. М. 1979. С. 15.

исторический контекст этого произведения. Но что означает понятие «художественная традиция» применительно к иконописи? Понятия «архаизм» и соответственно его противоположность – «новаторство» – предполагают для иконописи некую модель развития, причем не только в смысле технического совершенствования, но и в смысле изменения самой образной системы.

Но следует признать, что гипотеза развития применительно к иконописи ограничена как хронологически, так и географически. В первом смысле развитие ограничивается первой третью XV века (кажется, никто из искусствоведов не утверждает, что писавший в это время Рублев «архаичнее» жившего почти веком позже Дионисия). Во втором смысле модель развития применяется главным образом к русским иконописным школам, но не к существовавшей значительно более долгое время византийской иконописи.

На протяжении своей долгой истории византийское искусство знало и весьма драматические периоды (связанные, впрочем, не с историей искусства, а с политической историей (иконоборчество)), но все же «процесс развития» его, по словам В. Н. Лазарева, «протекал в крайне замедленных формах»[284]. Скорее всего, не будет грубой ошибкой сказать, что никакого «развития» иконописи в Византии не было совсем вплоть до так называемого «Палеологовского ренессанса», связанного опять-таки с политическими причинами (прогрессирующее сокращение территорий, потеря политического суверенитета в первой половине XV века, угроза полного разрушения государства).

Объясняя причину консервативности византийского искусства, В. Н. Лазарев приводит обоснование, которое он называет «социологической предпосылкой»: «Оно */византийское искусство – М./* было продуктом большого города, придворного общества, централизованной государственной церкви. Железная

[284] В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М. 1986. С. 12.

поступь его экспансии нередко безжалостно давила ростки национальных культур… в основе византийского искусства лежит неповторимо индивидуальная социологическая предпосылка»[285]. Этот подход представляется совершенно обоснованным: искусству не нужно было меняться, поскольку его социально-идеологический фундамент оставался непоколебим. Далек подход В. Н. Лазарева и от так называемого «вульгарного социологизма», поскольку в нем постоянно подчеркивается содержательная связь византийского искусства с эллинистической и раннехристианской художественными традициями.

Но если применить тот же подход к истории русской иконописи (чего искусствоведы, в том числе и В. Н. Лазарев, почему-то не делают), то нельзя не придти к выводу, что ее эволюция и изменчивость связаны с непостоянством самой его «социологической предпосылки». Что же касается тех произведений иконописи, которые относятся искусствоведами к «архаичным», то можно предположить, что этот архаизм связан с большей устойчивостью их «социологической предпосылки». Именно такая устойчивость идеологической модели и характерна для Твери, чья культурная идентичность формировалась вокруг образа князя – защитника и мученика. И можно считать символическим и в то же время закономерным то обстоятельство, что самая ранняя икона, которая приписывается тверской школе, изображает святых Бориса и Глеба. Хотя эта икона была обнаружена за пределами территории Тверского княжества (и сейчас хранится за пределами России)[286], ее принадлежность тверской школе признается большинством искусствоведов. Правда, в последнее время высказывается мнение, что эта икона относится еще к домонгольскому времени и не принадлежит к какой-то региональной иконописной традиции (новгородской или тверской), которые в то время еще не сформировались, но все же

[285] Там же, С. 9.
[286] В Киевском национальном музее русского искусства.

традиционная датировка и атрибуция этой иконы выглядит намного предпочтительнее.

Все сохранившиеся иконы Бориса и Глеба принадлежат не ранее чем к началу XIV века, причем к первой половине столетия относится несколько икон, происходящих из Новгорода, Владимира, Коломны. Все они изображают Бориса и Глеба фронтально во весь рост (вариант с Борисом и Глебом на конях появляется несколько позже). В новом историческом контексте почитание Бориса и Глеба стало почитанием князей, пострадавших за свою землю. Иконы Бориса и Глеба стали как бы изобразительным аналогом появившейся в послемонгольское время житийной литературы, прославляющей князей-мучеников, и литература эта была, в свою очередь, генеалогически связана с житием Бориса и Глеба. Героем же самого распространенного и яркого произведения был тверской князь Михаил Ярославович. Все это не является, конечно, неопровержимым аргументом в пользу того, что икона, о которой шла речь, была создана именно в Твери, но говорит о том, что в Твери, как и в Новгороде, Владимире, Коломне, также должны были появиться иконы с таким сюжетом; было бы очень странно, если бы их там не было. Ну и конечно, не нужно пренебрегать указаниями искусствоведов на сходство изобразительного языка иконы «Борис и Глеб» с другими иконами того же времени, принадлежность которых Твери можно считать более вероятной. Но выбор сюжета – это в значительной мере выбор изобразительной техники и даже, можно сказать, изобразительной философии.

В. Н. Лазарев применительно ко всей русской иконописи говорил, что «в русской иконе есть пафос расстояния, отделяющего небо от земли, есть сознание умозрительности запечатленных событий и вещей»[287]. Эти замечательные слова, в которых явственно слышится отзвук первых строк «Иконостаса» о.

[287] В. Н. Лазарев. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М. 2000., С. 24.

П. Флоренского[288], В.Н. Лазарев относит, однако, не ко всей русской иконописи, а лишь по преимуществу к тому ее направлению, наиболее ярким представителем которого был Андрей Рублев, считая его как бы воплощением эйдоса иконописи. Но решение иконописного образа, предложенное Андреем Рублевым, и традиционно находящееся в центре внимания как со стороны философов, так и со стороны искусствоведов, было не единственным. Иконописец своим трудом способен как удалить, так и приблизить то, что находится по ту и по эту сторону создаваемого им образа. В одном случае акцент уместнее сделать на умозрительности явления и пафосе расстояния, когда само явление, как в случае рублевской Троицы, носит символический и умозрительный характер.

Но изображение князей – воинов и властителей – требует иного подхода. В данном случае иконописец изображает не явление, а присутствие. При этом он вовсе не игнорирует расстояние, отделяющее «небо от земли», святого от предстоящих, но наделяет князей, смотрящих чуть в сторону от зрителя и как бы прислушивающихся, чертами стоящих на посту часовых. И это впечатление только усиливается общим темным фоном одежды, на котором выделяются алые мечи.

С точки зрения искусствоведов, тверская икона «Борис и Глеб» «неизмеримо архаичнее», чем новгородские иконы аналогичного сюжета по причине «неподвижности, строгой фронтальности и повторенности поз, типологии образов и плоскостной трактовке форм»[289]. С определением этих свойств как

---

[288] «По первым словам летописи бытия, Бог «сотворил небо и землю» (*Быт* 1:1), и это деление всего сотворенного надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именуем Бога «Творцом видимых и невидимых», Творцом как видимого, так, равно, и невидимого».

[289] Попов Г. В, Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери… С. 36. Авторы, впрочем, добавляют несколько психологических черт к тверской иконе Бориса и Глеба: «Поиск частностей – конкретных, личностных, создающих индивидуальный облик и в свою очередь отражающих грани духовного мира героя – есть признак стиля XIV в. В

«архаичных» согласиться трудно, особенно с учетом негативного контекста понятия «архаичный», которое проявляется, по их мнению, в том, что «в памятнике прежде всего, отсутствует пластика целого»[290]. «Архаичный» здесь понимается как «несовершенный»; но «архаичный» может также иметь смысл «изначальный» – именно такой смысл придает архаичности в своей работе о византийском искусстве А. Грабар, говоря о том, что императорская традиция внутри этого искусства, с ее опорой на античность, была наиболее консервативным ее элементом и развивалась медленнее, чем традиция, которую А. Грабар называет «церковным искусством»[291]. Подобного рода консервативность можно увидеть и в тверском искусстве. Представляется, что мастер, создавший икону «Борис и Глеб» из Вишерского монастыря, выполнил свою задачу – изобразить святых князей, покровителей и защитников – наилучшим образом, создав одно из самых выдающихся произведений древнерусской иконописи.

Думается, что в рамках данной работы было бы нецелесообразно излагать и интерпретировать всю историю тверского искусства в силу как технических (потребовалось бы слишком большое пространство для иллюстраций), так и содержательных (тверское искусство своеобразно больше стилистически, чем сюжетно (хотя отсутствие в нем некоторых сюжетов, например, ветхозаветной Троицы, обращает на себя внимание), причин – тем более что такие работы уже существуют. Но ограничиваться одним примером было бы тоже неправильно[292],

---

иконе он предстает на стадии оформления, как бы предчувствия, что заметно отличает ее от домонгольских памятников….» (там же, С. 37).

[290] Попов Г. В, Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери... С. 39.

[291] «…императорское искусство отстает от эволюции эстетики в Византии, за которой оно следует с заметной медлительностью» (А. Грабар. Император в византийском искусстве М. 2000. С. 192).

[292] Общее количество произведений, которые искусствоведы относят к тверской живописной школе невелико: это три произведения XIV века (упомянутые иконы Бориса и Глеба и стилистически близкая к ним икона Спаса, а также, конечно, иллюстрации к «Тверскому Амартолу»); одно

и поэтому имеет смысл взять еще один пример, но уже из более позднего этапа существования тверского искусства – икону «Вознесение» из так называемого «Кашинского чина».

Принадлежность этих икон тверской традиции также небесспорна, речь идет, скорее, о большей или меньшей вероятности, и вероятность эта определяется не столько местом находки, сколько стилистикой и, с точки зрения Г. В. Попова, еще и особенностями использованного материала (особой обработкой досок). Предположительная датировка, данная Г. В. Поповым, – первая четверть – середина XV века[293]. Сама по себе композиция и цветовая гамма кашинского Вознесения не является уникальной: подобного рода икона имеется среди так называемых «Троицких таблеток», датируемых также началом XV века (место производства которых неизвестно). Но в отличие от миниатюрной «таблетки» (23×18), икона из «Кашинского чина» имела гораздо больший размер (102×81), и, будучи частью иконостаса, она имела в определенном смысле другую функцию: если на «таблетку» распространяются законы книжной миниатюры, т.е. она должна быть иллюстративной, то иконостас символически и фактически отделяет наиболее сакральную часть храма. И если сравнить икону «Кашинского чина» с аналогичными по времени и месту (т. е. иконами, принадлежащими праздничному чину иконостаса) иконами московской школы, то легко заметить различие, даже не столько в технике, сколько в «изобразительной философии» этих произведений: художник московской школы изображает «явление», а икона «Кашинского чина» – событие. На иконах московской

произведение рубежа XIV – XV веков (створки царских врат из погоста Нектарьево под Тверью); девятнадцать икон, относимых к первой половине XV века (к этому же периоду искусствоведы относят сохранившиеся фрагменты фресок из церкви села Городня); и двадцать восемь икон второй половины XV века (все они относятся к так называемому «Кашинскому чину»); кроме того, сохранилось Евангелие из тверского Преображенского собора того же периода с изображениями евангелистов (Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери…С.12–13.).

[293]Попов Г. В. Кашинский чин и культура Твери середины XV века С. 258–259.

школы, которые, как считается, принадлежат Андрею Рублеву или его мастерской: из Успенского собора Владимира, Благовещенского собора Кремля, Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры – несомненно, присутствует «пафос расстояния», о котором говорил В. П. Лазарев. Цветовая и композиционная симметрия делает изображение почти эмблемой – в нем в буквальном смысле нет ничего лишнего. Рассуждая в терминах архаики и новаторства и относя тверские иконы к более архаичным, в данном случае, видимо придется признать «архаичными» и движение фигур, и их объемное изображение, имеющиеся в тверской иконе.

Но все же размещать московские и тверские иконы на единой шкале было бы ошибкой: иконописцы этих школ ставят разные задачи и добиваются их соответствующими средствами: в одном случае доминирует рисунок, в другом – цвет; для одного иконописца важна жестикуляция апостолов, поскольку она подчеркивает драматизм происходящего, другой заметно приглушает ее, добиваясь эффекта общей гармонии. Следует также обратить внимание на жесты ангелов, находящихся справа и слева от возносящегося Христа: на московских иконах они как бы поддерживают нимб Иисуса, в то время как на тверской иконе они протянули руки в молитвенном жесте.

Говоря об отличительных чертах иконы «Вознесение» Кашинского чина, не следовало бы категорически утверждать, что все они относятся исключительно к тверской художественной традиции или выражают собой «тверское мировоззрение», но ничто не мешает предположить, что иконописец выбирал из нескольких вариантов (и нет оснований говорить, что он не был знаком с московским), и выбор, был ему подсказан в том числе и «региональным мировоззрением», и местной художественной традицией.

Бесспорно принадлежащий тверской художественной культуре памятник – сохранившиеся фрагменты фресок из церкви Рождества Богородицы в Городне – скорее подтверждает, чем

опровергает сказанное выше. Несмотря на то, что от большинства фресок остались лишь незначительные фрагменты, не позволяющие во многих случаях определить даже сюжет изображения, в колористическом и композиционном отношении фрески церкви в Городне вполне соответствуют той направленности на событийность, которая характерна для тверской изобразительной философии. Изображение лиц, как бы отделенных от фонового цвета энергичным контуром, и усиленное пробелами; контраст между темным, почти черным небом и красной землей (в изображении, идентифицируемом как «Моление Иоанна Предтечи в пустыне»)[294]; многоцветные, как бы мерцающие изображения одежды ангела (в изображении «Ангел ведет Иоанна Предтечу в пустыню»); контрастность и многоцветье в облике Николая Мирликийского (одна из наиболее хорошо сохранившихся композиций, нижней церкви) – все это указывает на стремление тверского мастера передать действие – тем или иным способом[295].

Сказанное, впрочем, не означает, что тверская иконографическая традиция была подчеркнуто «мужественной»: сохранившиеся иконы Богоматери Одигитрии из села Васильевское и Агиосоритиссы из села Ободово (обе иконы датируются началом XV века; хранятся в Музее имени Андрея Рублева) говорят о том, что тверские иконописцы умели, не изменяя принципам цветового контраста и роли контура, передать неуловимое выражение лица и еле заметный, оживляющий жест кисти руки молящейся Богородицы.

---

[294] Галашевич и Колпакова подчеркивают «аскетические и монашеские идеалы» фресок Городни, которые являлись, по их мнению, «одной из постоянных духовных доминант культуры Твери» (Галашевич А. А, Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М.2011. С. 120).

[295] Заслуживает внимания еще одна «тверская черта» в сохранившихся фрагментах фресок Городни: то, что Галашевич и Колпакова назвали «шрифтовым узором» (Галашевич А. А., Колпакова Г. С. табл. 36): ленту с похожими на буквы значками; аналогичное изображение упоминалось в описании старицкого храма Михаила Архангела.

В завершение темы иконописи нельзя не сказать о левой створке алтарных царских врат из Твери второй половины XV века с редким, если не уникальным изображением евангелиста Луки и Софии Премудрости Божией. Обе фигуры одеты в красный и синий гиматий – но в разном сочетании; у обоих в руках книги, причем перо для письма держит в правой руке София. София как бы протягивает перо Луке, но указательный и средний пальцы руки евангелиста пока лежат на открытой странице Евангелия.

О тверской книжной миниатюре можно сказать практически то же самое, что и о тверской иконописи; причем, сходство распространяется и на датировку сохранившихся памятников: в иконописи и книжной миниатюре самые заметные произведения принадлежат началу и концу периода тверской независимости. К первому можно отнести миниатюры «Тверского Амартола» (до 1317 г.), две из которых лицевые (самого Георгия Амартола и тверского князя Михаила Ярославовича и его матери Оксиньи)[296], а остальные вписаны в столбцы текста; ко второму – Четвероевангелие второй половины XV века, заставки к которому Г.В. Попов назвал «своего рода единичным экспериментом»[297]. Действительно, срубленные стволы деревьев, из ветвей которых «вырастают» огромные цветы, животные и даже человек в праздничных (по формулировке публикаторов рукописи «ренессансных»)[298] одеждах выглядят несомненным символом смерти и последующего воскресения. Однако, исследователей, очевидно, смущает подчеркнуто «светское» исполнение этой темы.

Наконец, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, для тверской книжной миниатюры всегда оставался характерен «тератологический (или «звериный») стиль», который в

---

[296] Об изображении князя см. следующую главу.

[297] Попов Г. В. Новый памятник круга Буслаевской Псалтири (из истории деятельности великокняжеской рукописной мастерской 1480-х годов) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М. 1983. С. 179.

[298] Беспалова Л. А. Славяно-русские книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. Тверь. 2012, С. 30.

XV веке в рукописях московской школы практически вышел из употребления. Эта устойчивость, впрочем, имеет свою параллель в тверской нумизматике позднего периода с ее пристрастием к изображениям драконов[299].

4.3. Изображение тверского князя и символика изображений на предметах, принадлежащих князю

На материале архитектуры мы постарались показать ту связь, которая существует между ней и политической историей Тверского княжества, связь, существование которой в принципе едва ли кто-то будет отрицать, но убедительно показать не только причинно-следственную связь, но и типологическое родство обеих культурных форм очень трудно всегда, а в случае Тверского княжества – в особенности, учитывая фрагментарность сохранившегося материала. Для реконструкции целостности определенного исторического культурного пространства приходится прибегать к методу поддерживающих друг друга гипотез, что мы и попытаемся сделать, обратившись к теме образа как иллюстрации культурной программы. Под «образом» при этом будет пониматься достаточно разнородный материал (иконы и книжные миниатюры, монеты и надгробные памятники и т.п.), объединенный по формальному принципу семантической двухмерности. В отличие от архитектуры, образ, какова бы ни была его природа, двухмерен (хотя это необязательно для предмета-носителя и даже самого образа, учитывая технику его изготовления, предполагающую иногда его рельефность).

Разнообразие образного материала предполагает наличие не одного, а нескольких методов его интерпретации, в данном случае трех. Первый из них можно назвать «содержательным» – он будет направлен на раскрытие семантики изображений, связь которых с политической историей Тверского княжества несомненна или очень

[299] Об этом образе см. главу 4.4

вероятна (это, прежде всего, выходная миниатюра тверского списка хроники Амартола, изображающая князя Михаила Ярославовича и его мать Оксинью, а также рогатина князя Бориса Александровича с изображением (возможно) некоторых событий тверской истории).

Второй метод можно назвать «формальным» – он адресован главным образом тверской иконописи, которая, с точки зрения искусствоведов, выделяется из других школ, прежде всего, техникой исполнения канонических сюжетов.

Наконец, «символический» метод должен быть применен к образам, непосредственный смысл которых неясен – это, прежде всего, предметы, относящиеся к богатой тверской нумизматике и характерные «тверские надгробия». Следует признать, что это разделение в значительной степени условно (изображения на тверских монетах иногда можно рассматривать как «содержательные», а изображение на рогатине князя Бориса – как символическое), но в качестве рабочего инструмента вполне пригодно.

Образ, имеющий наиболее определенную историческую атрибуцию и в то же время наиболее ясный содержательно – это миниатюра из тверской рукописи «Хроники Георгия Амартола» (парадное оформление которой заставляет исследователей предположить, что «Тверской Амартол» вызван «стремлением обосновать права тверских самодержцев»)[300] с изображением князя Михаила. Изображение предстоящего Христу князя подписано и, очевидно, имеет портретные черты[301]. Это одна из двух миниатюр рукописи, занимающих всю страницу (на другой, смежной, изображен сам Георгий Амартол). Остальные миниатюры помещены в одну из двух колонок текста и, как полагают исследователи, более или менее точно воспроизводят византийский

---

[300] Подобедова О. И. К истории создания тверского списка хроники Георгия Амартола. М. 1963., С. 18.

[301] Как пишет О. И. Подобедова, в изображении Михаила «поражает наличие индивидуальных особенностей, которые свидетельствуют о портретном сходстве» (Подобедова О. И. К истории создания тверского списка хроники Георгия Амартола. М. 1963. С.44–45).

прототип[302]. Относится это и к изображению предстоящих Христу Михаила и Оксиньи (относительно женской фигуры, подпись над которой почти утрачена, высказываются мнения, что она может принадлежать жене Михаила Анне[303], но все же сохранившиеся части надписи заставляют отдать предпочтение варианту «Оксинья»).

Выше уже говорилось о программном характере перевода хроники Амартола в период княжения Михаила Ярославовича, и выходная миниатюра с изображением тверского князя вполне это подтверждает. По своей композиции тверская миниатюра сходна с соответствующими византийскими изображениями; этим сходством «как бы подчеркивается «перекличка» образов императора и князя, их определенного родаподобие. Прообразом портрета Михаила Тверского могла служить выходная греческая миниатюра с Михаилом III»[304]. Греческая рукопись действительно могла открываться миниатюрой, изображающей византийского императора Михаила III (840–867 гг.), ко времени правления которого относят появление хроники Амартола (842 г.), но, учитывая все усилия последующих императоров Македонской династии, направленных на очернение образа Михаила III[305], едва ли рукопись с такой миниатюрой могла попасть в руки тверских книжников.

---

[302] Вздорнов Г. И. Иллюстрации к хронике Георгия Амартола // Византийский временник М. 1969. т. XXX. С. 205–225. Исследователь полагает, что часть иллюстраций – № 22, 61–63, 80–82, 108–116 – имеет непосредственно тверское происхождение («Это даже не «обрусение» византийского оригинала, а рисунки, сочиненные русским художником, опиравшимся на впечатления от окружающей его действительности». Иллюстрации… С. 220).

[303] Точнее, соименной Анне святой (Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI веков. М. 1979. С. 21).

[304]Попов, Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. С.20.

[305] Любарский Я. Н. Царь-мим (К проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М. 1989. С. 56–64.

Далее, надо отметить, что, при всем своем сходстве, миниатюра с тверским князем отличается от соответствующих изображений византийских императоров, прежде всего, отсутствием регалий власти на изображении Михаила (в сцене предстояния византийские императоры всегда изображались в парадном облачении и короне): на Михаиле нет даже княжеской шапки (хотя лоб его охвачен лентой или обручем). Лицо Михаила изображено похожим на лицо Христа, отличаясь от него лишь выражением. Тверская миниатюра изображает сцену молитвенного предстояния князя и его матери перед Христом, происходящую, по мнению некоторых исследователей, в тверском Преображенском соборе[306]. Действительно, каждая из фигур помещена как бы в особый неф храма, причем центральный неф, где изображена фигура Христа, значительно больше (что соответствует реальному распределению пространства в сохранившемся тверском храме Рождества Богородицы в Городне). Византийские миниатюры с подобным архитектурным фоном известны[307]; завесы, подобные той, что изображена над Михаилом, встречаются на ранневизантийских мозаиках Равенны. Однако изображение молитвенного предстояния тверской миниатюры не имеет точного соответствия в византийских композициях подобного типа, которые обычно определяются как «поклонение императора», «подношение императором даров» и «коронация императора». Примеры первого и второго типа изображений можно обнаружить

[306] О. И. Подобедова полагает даже, что собор был дорисован позднее, что объясняет, «странность» изображения Михаила («всей фигуре князя тесно в отведенном для нее пространстве…». К истории создания… С.44). Фигуры князя и княгини художник вписал затем в «поразившие его воображение формы первого в Твери каменного собора» (там же). Такая интерпретация предполагает очень раннюю датировку Тверского Амартола – до 1297 г. – то есть до того как Михаил получил владимирское княжение.

[307] Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 129.

Ил. 115. «Тверской Амартол». Заглавная миниатюра. Христос с предстоящими Михаилом Ярославовичем и его матерью Ксенией (?), начало XIV в. (ГБЛ, собр. МДА, № 100).

Ил. 116–118. Верх. Слева: византийский диптих: Христос коронует Романа и Евдоксию (IX в). Национальная библиотека Франции. Справа: заглавная миниатюра Хроники Манассии болгарского царя Ивана-Александра. Ватиканская библиотека (ок. 1340 г.). Внизу: Богоматерь Тихвинская с предстоящими. Фрагмент. Москва, Кремль, Благовещенский собор. Середина XVI в.

в сохранившихся мозаиках Софии Константинопольской (моление коленопреклоненного Льва IV и императоров Юстиниана и Константина, подносящих Богородице и Христу-Эммануилу, храм св. Софии). Сцены с коронацией встречаются, как правило, в книжной миниатюре и мелкой пластике; пример миниатюры, более других похожей по композиции на тверскую – миниатюра из Парижского кодекса XI века с изображением коронации императора Никифора Вотаниата и его жены Марии[308].

По отношению к византийским прототипам тверская миниатюра занимает как бы срединную позицию: фигура Христа Пантократора изображена так же, как и в византийской мозаике поклонения императора Льва; в обоих случаях в руках у Христа Библия, открытая на строках Евангелия от Иоанна 8.12: «Я свет миру; кто последует за Мною, не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (цитата из Константинопольской Софии несколько короче). Однако фигуры тверского князя и его матери изображены как в сцене «подношения даров»; отличаются они и от строго фронтальных изображений в сценах «коронации».

Возникает впечатление, что мастер, возможно при участии ктитора, т. е. самого князя Михаила (без сомнения, изображения на миниатюре прижизненные) комбинировал различные типы византийских изображений так, чтобы полученный результат наиболее точно отражал иерархическое отношение тверского князя к Богу и византийскому императору. Но какого результата добивался князь? Чтобы ответить на этот вопрос, можно привлечь в качестве сравнения аналогичную тверской болгарскую выходную миниатюру хроники Манассии, созданной в Тырнове для болгарского царя Ивана-Александра (1331–1371 гг.) в 1344–1345 годах[309]. Подобно Амартолу, хроника Константина Манассии излагает события всемирной истории, и ее перевод на болгарский язык при Иване-Александре был, конечно, продиктован намерением царя вписать себя и свою страну в перспективу

[308] А. Грабар Император в византийском искусстве … С. 133.
[309] Dujcev I. Les miniatures de la Chronique de Manasses. Sofia. 1963.

всемирной истории. Отсюда – парадный характер выходной миниатюры рукописи, изображающей болгарского царя в одеянии византийского императора и позе, соответствующей византийскому типу коронационных изображений. Изображению соответствует надпись «Иоанн Александр во Христе благоверный царь и самодержец всех болгар и греков». Справа от Ивана-Александра стоит Христос (с надписью «царь царей и царь вечный»), а слева Константин Манассия; короной болгарского царя увенчивает ангел.

Очевидно, что болгарское изображение гораздо ближе по сравнению с тверским к греческому оригиналу; практически это его точная копия. Но этого нельзя сказать о тверской миниатюре, хотя и она сохраняет черты сходства с греческими прототипами, наиболее подходящее слово для отношения, которое она к ним занимает – «проекция». Тверской князь изображен как отображение императора, но не как сам император и даже не как князь, а скорее как частное лицо.

Более поздняя икона (первая пол. XVI в.), изображающая моление великого московского князя, находящаяся в Благовещенском соборе Московского кремля, изображает князя с соответствующими регалиями, а именно в княжеской шапке, которая была непременным атрибутом изображения князей на миниатюрах. В каком-то смысле аналогом выходной миниатюре тверского Амартола могут служить монеты и некоторые другие предметы позднего периода существования Тверского княжества с изображением герба Палеологов – двуглавого орла, – где в отличие от византийского прототипа, все тверские изображения орлов лишены корон. Если тверские изображения двуглавых орлов действительно имеют происхождение от византийских, то это говорит об устойчивости той идеи «проекции», которая лежала в основе тверской самобытной культуры при самом ее зарождении, и это несмотря на то, что большую роль в ее развитии сыграла судьба ее первого созидателя – князя Михаила Ярославовича.

Предметом, в определенном смысл похожим на тверской список Хроники Амартола, можно считать рогатину тверского

князя Бориса Александровича, хранящуюся в Московской Оружейной палате. Этот предмет – несомненно тверской, датированный, относящийся к княжескому обиходу. Изображения, гравированные на гранях тульи – по три на широких гранях и по одному на узких, – имеют характер иллюстраций какого-то рассказа и придают рогатине (по крайней мере, в глазах многих исследователей) репрезентативность программного политического документа.

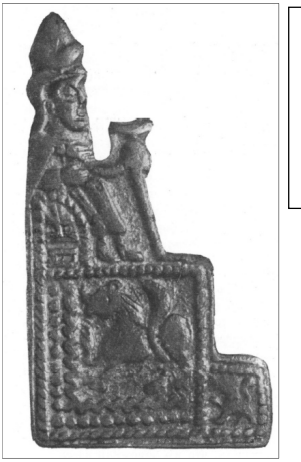
Именно такое значение придает рогатине князя Бориса Я. С. Лурье, упомянувший о ней в своей статье о политической философии Твери и предложивший свою интерпретацию имеющихся на рогатине изображений[310]. По мнению ученого, изображения на рогатине иллюстрируют так называемую «Песнь о Щелкане» (Шевкале), то есть былинное переложение рассказа о событиях 1327 года. Согласно этой трактовке изображения нужно интерпретировать так: верхнее на широкой грани (назовем ее «гранью 1») изображает Щелкана, пьющего чашу с кровью (что отражено в «Песне» и символизирует злодейские намерения Щелкана). Далее – сцена, изображающая насильственные действия Щелкана в Твери (она на боковой грани, слева от первой сцены). Затем следует нижнее изображение широкой «грани 2», которое представляет, по мнению Лурье, жалобу тверичей своему князю; потом – в соответствии с «Песней» – нижнее изображение противоположной грани (тверичи пытаются откупиться подарками от Щелкана). Наконец, на второй короткой грани изображено, по мнению исследователя, убийство тверичами Щелкана[311].

---

[310]Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. Сер. ист. наук. Сер. 36. Вып. 3.

[311] Присоединяясь к интерпретации восстания 1327 года Тверским сборником, Я.С. Лурье подчеркивает активную роль простого народа и его «вождей» в событии: «вожди народа Борисовичи убили Щелкана» (Роль Твери… С. 108).

Илл. 120.Изображения на тулье рогатины князя Бориса Александровича. Прорисовка из кн. Ф.Г. Солнцева "Древности Российского государства". М. 1849 - 1865 гг.



Ил. 120,121. Верх. Фотография рукоятки ножа из фондов Тверского музея (ныне утрачена); вторая половина XV в. Тверь (из статьи А. В. Чернецова, СА, 1980, № 2). Слева: книжный наугольник из Старицы (иллюстрация из кн. Н. Н. Воронина «Зодчество...» т. 2, С. 416).

Иную трактовку изображениям на рогатине предлагает Т. Ю. Николаева[312]. Как и Лурье, она рассматривает изображения как иллюстрации одной истории, но не «Песни о Щелкане», а основного эпизода из жития Михаила Ярославовича: мученической смерти князя в Орде. В отличие от Я. С. Лурье, Т. Ю. Николаева начинает с верхнего изображения «грани 2», но «читает» она все изображения подряд и без пропусков (у Лурье порядок следования эпизодов был произвольным, и три из них он оставил без объяснения) – «грань 2» сверху вниз, затем «грань 1» снизу вверх, затем сцены на боковых гранях - изображение бичевания и противоположное, интерпретируемое Т. В. Николаевой как изображение казни тверского князя[313].

Хотя в интерпретации Т. В. Николаевой находят свое объяснение изображенные на рогатине сцены охоты (одна из которых трактуется буквально – это изображение царской охоты Узбека; другая – охота на медведя – символически (с медведем сравнивается сам Михаил Ярославович)[314], а также сцена, где изображен человек в короне (по мнению Т. В. Николаевой, рисунок иллюстрирует неудачное посольство тверичей к жене хана Узбека), ее интерпретация, хотя и выглядит более обоснованной, нежели у Я. С. Лурье, никак не может быть признана убедительной. Согласно обеим интерпретациям, получается, что художник выделяет незначимые, случайные эпизоды рассказа, будь то «Песнь о Шелкане» или история убиения в Орде князя Михаила. Например, в сцене убийства князя показано почему-то как князя схватили за уши; но само убийство при этом не изображено. Кроме того,

---

[312]Николаева Т. Ю. О сюжете изображений на рогатине великого князя Бориса Александровича // Памятники культуры. Новые открытия. 1975 г. М. 1976.

[313] Изображенную на рогатине сцену Т. Ю. Николаева интерпретирует не как саму сцену казни, а как сцену, непосредственно ей предшествующую: «И некто Иванец взял */князя – М./* за уши» (ПСРЛ. 10, 185.).

[314] Основание для такой интерпретации Т. Ю. Николаева находит не в тексте самого жития, а в так называемом Плаче Анны по Михаилу, где Анна сравнивает Михаила с травимым на охоте медведем: «бысть яко медведь ловяй те» (см. Серебрянский. Княжеские жития… С. 159).

последовательность чтения изображений в обоих случаях зависит от выбора интерпретатора – но, с другой стороны, как можно задать в данном случае правильную последовательность? Сам предмет, на который нанесены изображения, – восьмигранная втулка – говорит, скорее, о том, что речь в данном случае не идет о рассказе с жесткой структурой, где нельзя менять местами отдельные элементы повествования, а, возможно, о тексте типа «Слово похвальное» в честь князя Бориса, где подобное изменение порядка возможно. Кроме того, изображения на парадном, именном оружии князя Бориса должны иметь какое-то особое значение именно для этого князя.

Изображение на рогатине Бориса эпизодов восстания 1327 года или трагической смерти в Орде Михаила Ярославовича (1318 г.) показывало бы политическую значимость соответствующих событий для князя Бориса – в плане преемственности традиций, задач, в плане некоего политического капитала. Однако ни один из сохранившихся документов («Слово похвальное» или так называемое «Предисловие» к Тверской летописи) не говорит в пользу предположения, что Борис относился к этим событиям именно так. Наоборот, памятники времен Бориса очень мало говорят о тверских князьях-мучениках Михаиле и Александре, возможно, потому что Борис хотел оставить в прошлом противоборство с Москвой, сыгравшей в свое время активную антитверскую роль как в первом, так и во втором эпизоде.

Сказанное, впрочем, не означает, что рисунки на рогатине князя Бориса иллюстрируют именно «Слово похвальное» – скорее всего, они отсылают к какому-то тексту, тематически ему близкому и более уместному в качестве источника для изображения на парадном княжеском оружии, чем сцены мученичества или народного восстания, как полагал Я. С. Лурье.

Говоря о семантике изображений на рогатине князя Бориса Александровича, не следует забывать о том, что речь идет о парадном охотничьем оружии, и, следовательно, изображенные на

нем охотничьи сцены не должны ассоциироваться с каким-либо негативно или трагически окрашенным смыслом, который следует из интерпретации Т. Ю. Николаевой.

Возникает, однако, вопрос: почему рогатина – охотничье оружие – вообще было наделено парадным или церемониальным значением? Определенный ответ на этот вопрос едва ли возможен, но есть основания для предположения, что подобного рода оружие было для тверского князя своего рода символом суверенитета Твери. Марко Поло, описывая обычаи татар, упоминает о том, что царская охота была прерогативой хана[315], и это была не столько охота, сколько торжественный выезд хана вместе с многочисленной прислугой и вассалами. Именно такая охота хана Узбека описана в Житии Михаила Ярославовича. Нельзя исключить того, что князь Борис, который, по мнению некоторых историков[316], правил без ордынского ярлыка, мог, в том числе и таким путем, утверждать свою политическую независимость (косвенно это подтверждается замеченным еще Я. С. Лурье соответствием изображений охоты на рогатине тверским монетам времени князя Бориса).

Надо признать, что гипотеза, согласно которой на рогатине изображены сцены правления князя, т.е. самого Бориса, также не лишена слабых мест, поскольку на ней отсутствуют уверенно идентифицируемые изображения самого князя. Хотя на трех из них изображен человек в парадном одеянии (на одном он протягивает что-то человеку в короне (византийский император?), общаясь с ним почти как равный, при этом одеяние «царя» имеет аналогичное оплечье, но простирается до пят; на двух других ему подносят чашу и какой-то предмет (дары?). Если это сам Борис, то

---

[315] «Во всех местах, где великий хан властвует, знайте еще, по истинной правде, никакой царь, никакой князь и ни один человек не смеет охотиться на зайцев, оленей, ланей и антилоп, на всех зверей, что плодятся с марта по октябрь; а кто противное учинит, жестоко раскается» (Марко Поло. Книга о разнообразии мира, глава 94. Перевод И. П. Минаева).

[316] См. Э. Клюг. Тверское княжество… С. 322 (сноска).

он изображен так же, как и Михаил Ярославович в рукописи Амартола.

В фондах Тверского музея имелся (ныне утрачен) еще один предмет, функционально и семантически близкий рогатине князя Бориса: костяная рукоятка ножа или сабли предположительно XV века (по датировке Жизневского, с которой согласились, уточнив ее, позднейшие исследователи). Как и рогатина, рукоятка ножа была покрыта вырезанными на кости изображениями, расположенными примерно так же, как и изображения на рогатине. Изображение было впервые опубликовано А. К. Жизневским[317] и впоследствии подробно описано А. В. Чернецовым[318], предложившим наиболее вероятную, с его точки зрения, датировку (конец XV века) и даже имя владельца (сын Ивана III Иван Молодой, правивший Тверью первые семь лет после присоединения Тверского княжества к Москве, 1885–1492 гг.).

Если исследователь прав относительно датировки рукоятки, тогда, конечно, этот предмет едва ли можно отнести к тверской культуре удельного времени, даже если предположить, что работали над рукояткой местные, тверские мастера. Однако соответствующая датировка основана исключительно на аналогии между костяной рукояткой из Твери и украшенным резьбой по кости посохом из Оружейной палаты Московского кремля: «Присутствие звериных фигур (в частности грифонов с звериными, а не птичьими головами), коронованных человеческих голов и двуглавого орла дает возможность сблизить эту рукоять с посохами оружейной палаты»[319]. А. В. Чернецов, впрочем, не утверждает, что рукоятку и посох делали одни и те же мастера (резьба нарукоятке выполнена в технике рельефа, а в украшении посохов использовалась главным образом прорезная техника); «близость» артефактов следует, очевидно, понимать в семантическом смысле.

---

[317] Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А. С. Уварова. М., 1888. С. 191, 192.
[318] Чернецов А. В. Резная рукоять сабли из Твери // КСИА. 183, М. 1986.
[319] Чернецов А. В. Резная рукоять… С. 115.

Кроме того, речь здесь должна идти о вторичности тверского памятника по отношению к московским, так как трудно представить, чтобы искусство и символика двора Ивана Молодого могли существенно повлиять на искусство и символику московского двора его отца Ивана III.

Хотя в гипотезе А. В. Чернецова нет ничего невозможного, державные амбиции Ивана Молодого, не имевшего даже той относительной независимости от Москвы, которой располагал последний тверской князь, выглядят довольно странными: на рукоятке коронованная фигура изображена дважды: в фас на одной боковой грани и в профиль – на другой; в то время как на московских посохах фигуры, ассоциирующиеся с московскими великими князьями, изображены без корон и княжеских шапок (коронованы лишь женские фигуры). Значимость коронованных фигур на тверской рукоятке подчеркивается тем, что в обоих случаях эти фигуры нарушают симметрию зооморфных изображений. Отсутствие корон на изображениях великих князей на посохах А. В. Чернецов как раз и объясняет тем, что до 1498 года (который является верхней границей его датировки посохов)[320] – года венчания на царство Дмитрия Внука – московские правители, не будучи царями, в короне изображаться не могли.

Еще меньше оснований для этого было у не имевшего реальной власти Ивана Молодого, посаженного отцом на престол тверских князей. Но изображали ли себя подобным образом тверские князья? Документальных подтверждений этому нет. Правда, в свое время Я. С. Лурье предположил, основываясь на некоторых намеках «Слова Похвального», что князь Борис был коронован в Твери[321], хотя большинство ученых не поддержало этой гипотезы.

---

[320] А. В. Чернецов. Три резных посоха XV века // Советская археология (далее – СА), 1980, № 2.

[321] В качестве основания для этого вывода Я. С. Лурье ссылается на «Слово похвальное», где, по его подсчетам, Борис называется «царем» семь раз, а

Впрочем, возможно Лурье был неправ лишь в том, что он уподоблял эту гипотетическую коронацию позднейшему венчанию на царство московских князей; тверской князь короновался не как российский царь, а как тверской самодержец. Поскольку Тверь, как ясно из того же «Слова Похвального», всегда признавала приоритет императорской власти, коронация тверского князя могла носить лишь символический характер и не имела последствий в виде изменения дипломатического этикета и т. п. Должен признаться, что мне самому эта гипотеза представлялась весьма маловероятной, но один документ – отрывок из письма Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновскому – заставил в этом усомниться. Письмо датировано 2 сентября 1822 года и написано Румянцевым в бывшем тверском городе Микулине, где он покупал у местных жителей материалы для своей археологической коллекции. Румянцев пишет: «Странно, что в числе крестов, имеющих форму хорошего вкуса, и часто одинаковых лиц изображение, на многих встречаются подле Христа, как молельщик его Михаил в царской короне по западному образцу; кто таков, по заключению Вашему?»[322]. Едва ли речь здесь идет о Михаиле Ярославовиче – скорее о Михаиле Александровиче или, что еще более вероятно, о последнем тверском князе – Михаиле Борисовиче. К сожалению, в каталоге Румянцевского музея, изданном в 1905 году, этих крестов нет.

Что же касается двуглавого орла, то его изображение на посохе и рукоятке имеет очень характерное сходство: и в том и другом случае мастер изображает как бы наложившиеся один на другой профили птиц, смотрящих в разные стороны. Это, впрочем, не говорит о зависимости одного изображения от другого – их контуры различны, и тверское изображение больше напоминает соответствующие тверские монеты, где у птиц разведены и слегка

«самодержцем» – десять. «Это, – пишет Я. С. Лурье, – указание на действительно имевший место демарш Бориса – коронацию царским венцом. Это вовсе не значит, что Борис стал на деле царем (как Иван Грозный)… Но даже простая демонстрация такого рода весьма показательна» (Я.С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства, с.89).

[322] ЧОИДР., 1882, кн.1, С.231

опущены вниз головы. Скорее всего, в обоих случаях мастера словно бы не знали, как был изображен двуглавый орел на византийском (или, возможно, западноевропейском) прототипе, и изобразили двух птиц с двумя головами и двумя хвостами. Хотя и на посохах, и на рукоятке изображение двуглавого орла выглядит не столько самостоятельным геральдическим символом, сколько частью орнамента, его значение в памятнике тверского происхождения все же больше: ведь здесь он находится в паре с коронованной фигурой, в то время как на московских посохах эта эмблема теряется среди множества зооморфных и антропоморфных изображений. Но если предположение об «экспериментальном» характере изображений двуглавых орлов на московских и тверском памятнике справедливо, то что из этого следует? Прежде всего то, что тверское изображение предшествовало тверским монетам с двуглавыми орлами, появившимися при последнем тверском князе Михаиле Борисовиче (кн. 1461–1485 гг.), а московские – печатям Ивана III, где, как полагают некоторые исследователи[323], двуглавый орел появился около 1490 года (самое раннее документальное подтверждение его использования относится к 1497 году).

Сказанное выше означает, что найденная в Твери костяная рукоятка могла быть сделана при Михаиле Борисовиче (в начальный период его княжения) и даже при Борисе Александровиче. В пользу этого говорят как определенные политические амбиции, присутствующие во внешнем облике рукоятки (соответствующие амбициям последних тверских князей), так и иная, менее совершенная, по сравнению с московскими

[323] Alef. G The Adoption of the Muskovite Two-Headed Eagle: a Discordant View // Speculum. 1966. 41. P.15. С точки зрения исследователя, прототипом для московской печати послужила печать императора Священной Римской империи Фридриха III, самое раннее появление которой в Москве датируется 1489 годом. Впрочем, он замечает при этом, что печать Ивана III вовсе не является копией печати Фридриха III, отличаясь от нее в частности отсутствием «гало» и надписи, отсылающей к орлу из Книги пророка Иезекиля (P. 13). Своими коронами московские изображения двуглавого орла, замечает Г. Алеф, больше напоминают балканские (P. 14).

изделиями техника работы с материалом (московские же посохи поддаются достаточно надежной датировке – второй половиной XV века)[324]. Вместе с тем нельзя не признать, что любые умозаключения, в основе которых лежит уникальный и недатированный артефакт, неизбежно будут носить гипотетический характер.

4.4. Монеты Великого Тверского княжества – изменчивость и постоянство[325]

Необходимо сказать несколько слов об аспекте тверской материальной культуры, имеющем точную географическую и хронологическую локализацию, массовый характер, и не лишенном символического значения. Это – тверская нумизматика, о которой М. Рубцов, посвятивший ей специальную монографию, писал: «Разнообразие тверских денег таково, что, если бы мы не знали ничего более, кроме этих самых денег, то по одному этому только признаку имели бы право заключить, что они принадлежали области, стоящей на высокой степени культуры»[326].

Действительно, по разнообразию типов монет Тверское княжество превосходит любое другое княжество Руси удельного времени (за исключением только Московского, с чем соглашается и М. Рубцов). Но с другой стороны, такое разнообразие едва ли является плюсом для денег как средства платежа, неизбежно порождая множество обменных курсов и в определенном смысле подчиняя экономическую функцию денег репрезентативной

---

[324] Чернецов А. В. Три резных посоха XV века. СА. 1980 №2. С. 109 «В целом для изображений древнерусских князей скипетр нехарактерен» – это царская и епископская регалия. Однако в исследовании Н. Н. Воронина приведено изображение книжного наугольника из Старицы, где изображен князь именно с таким скипетром (Воронин Н. Н. Зодчество… т. 2 С. 419).

[325] См. Таблицу 8.

[326] Рубцов М. В. Деньги Великого княжества Тверского. Археолого-нумизматический опыт из истории Тверской культуры XIII–XV в. Тверь 1904. С. 11.

(монеты имели не только разную печать, но и разный вес, и разное качество используемого металла).

Инициаторами разнообразия монетных печатей были, несомненно, князья, что косвенно подтверждается гораздо большей унификацией монетных систем Новгорода и Пскова, где сильна была роль торгового капитала и где в послемонгольское время сформировались системы республиканского правления. Кстати сказать, подобное разнообразие существует и в сфрагистике удельных княжеств, где существовали лишь личные печати князей, но отсутствовала собственно государственная печать; и вновь исключениями здесь будет Новгород и, вероятно, Псков: актовые печати последнего практически неизвестны.

Но что именно репрезентировали монеты? Прежде всего, сам суверенитет власти – его полноту или частичность (в последнем случае на одной стороне монеты ставилась «печать» более высокого по сравнению с князем владетеля). О споре относительно «печати» на монетах повествует, например, легенда из летописной повести о битве на реке Ворскле (1399 г.) между Витовтом и татарским ханом Темир-Кутлуем и Едигеем, поводом к которой послужило то, что Витовт «восхоте», чтобы «во всей Орде быти на деньгах Ординских знамение Витовтово»; Едигей же потребовал обратного: «во всем твоем княжении на твоих деньгах Литовских моему Ординскому знамении быти»[327].

Подобное «Ординское знамение» (арабская надпись с именем хана) было на монетах большинства русских княжеств, по крайней мере, до середины XV века (на московских монетах ее можно встретить и позже). Но на тверских монетах подобного «знамения» нет (как, впрочем, нет его на монетах Пскова и Новгорода). А. В. Орешников объясняет это тем, что Тверь относительно поздно стала чеканить собственную монету, а к тому времени власть Орды уже ослабла, и другие княжества чеканили арабские надписи скорее в силу обычая[328]. По мнению ученого, первым тверским князем,

[327] ПСРЛ. 11, 173.
[328] А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М. 1896. С. XV.

чеканившим монету, был Иван Михайлович (1399–1425 гг.). Это наиболее осторожная и в то же время наиболее обоснованная датировка начала чеканки тверских денег. Власть Орды, действительно ослабевшая, оставалась, тем не менее, политической реальностью и после падения тверской независимости, но, все же, это ослабление дало возможность князьям придерживаться курса «символической независимости», и это уже было во многом вопросом политических традиций, а в Твери они были именно таковы, чтобы всячески способствовать ее утверждению. Поэтому трудно согласиться с тезисом об исторически случайном отсутствии татарской печати на тверских монетах – это факт не только политический, но и факт культурной идентичности, подтверждающий столь важную для тверского самосознания идею противостояния Орде. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что ни одно из русских удельных княжеств XV века не пытается воспроизвести княжескую символику Рюриковичей доордынского периода – ни на монетах, ни на печатях.

Но отсутствие – это факт отрицательный; относительно изображений и надписей на тверских монетах, то здесь придти к каким-то определенным заключениям сложнее. Что касается надписей на монетах, то, за исключением нескольких случаев, когда надпись не поддается однозначному переводу (не говоря уже об интерпретации), эти надписи, как и их эволюция, близки тому, что можно наблюдать в других великих княжествах: Московском, Рязанском, Нижегородском. Подобно рязанским и нижегородским деньгам, тверские монеты несут на себе титул «великого князя...». Тот же титул несут и московские монеты времен Дмитрия Донского (1362–1389 гг.), с которого, как считается, началось производство собственной монеты в Московском княжестве. При сыне Дмитрия Василии (1389–1425 гг.) титул не меняется, но к нему добавляется «всея Руси». При Василии Темном (1425–1462 гг.) титул «великий князь» постепенно сменяется на

титул «господарь» с продолжением «всея Руси», и до 1547 года изменений с титулом не происходит[329].

Формула «всея Руси» на московских монетах полностью соответствуют той политической географии Московского княжества, которая упоминалась выше, в частности при рассмотрении «Повести о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Что же касается «регионального сознания», культивировавшегося в Великом Тверском княжестве, то нумизматический материал также отчасти подтверждает его наличие появлением на тверских монетах надписи «деньга тверская»[330] или «пуло тверское» начиная с княжения Бориса Александровича (1425–1461 гг.). Монет с такими надписями при князе Борисе еще относительно немного, но при последнем тверском князе Михаиле Борисовиче их становится больше. То же самое происходит и в Великом Рязанском княжестве, где монеты с надписью «деньга рязанская» появляются с 1456 г., и, вероятно, в Великом Нижегородско-Суздальском княжестве[331].

Таким образом, насколько можно судить по имеющемуся и, конечно, неполному нумизматическому материалу, все великие княжества начинают бить свою монету лишь с обозначением имени

---

[329] Г. Алеф об эволюции надписей на московских монетах: «господарь» – с конца 1440-х гг.; «государь» – после 1488; «царь» – после 1547; всюду стоит «всея Руси» (Alef G. The political significance of the inscriptions on Moscovite Coinagein the Reign of Vasilij II (1425 – 1462) // Speculum. 1959. С. 34). Данная классификация имеет некоторые исключения (см. ниже). К этому можно добавить, что ранее 1440 года на московских монетах преобладала надпись «великий князь всея Руси».

[330] На примере тверских монет с надписью «деньга городенская» Г. Алеф выдвигает гипотезу, согласно которой, слово «деньга» означает территорию, принадлежащую непосредственно великому князю («The legend «Denga of Gorodia» meant that the belong specifically to that principality and that the territory belonged personally to the reigning Tverian grand prince». Alef G. The political significance… P. 16.). Г. Алеф полагает, что именно в этом смысле слово «деньга» было, под влиянием Твери, усвоено московской монетной системой (там же).

[331] Сохранившиеся монеты с надписью «деньга суждальская» не имеют убедительной датировки.

и титула своего князя, и только к середине XV века на монетах княжеств появляются территориальные указатели: «деньга тверская», «деньга рязанская» или «деньга суздальская»; аналогичные надписи имелись также на монетах Великого Новгорода (до 1456 г.)[332]. Исключением здесь является лишь московская монетная система, где уже после 1389 года практически на всех монетах стоит титул «великого князя всея Руси».

Однако в период с 1450 по 1461 годы и в Москве начинает выпускаться (и, очевидно, доминировать) монета с надписью «пуло московское» (именно такая надпись стоит на всех монетах с двуглавым орлом времени Василия Темного). Позднее, в чеканах Ивана III утверждается надпись «господарь всея Руси». Все это заставляет предположить, что «региональное сознание» вовсе не было отличительной особенностью одной только Твери, но на определенном историческом этапе это сознание было характерно и для других политических образований Руси, в том числе и временно ослабленной междоусобной борьбой Москвы.

Что же касается «изобразительного» аспекта нумизматического материала, то он, несомненно, богаче эпиграфического. Однако не является ли это богатство в данном случае препятствием, поскольку заставляет предположить возможность произвольного выбора образов для чекана. Действительно, если идея государственной символики отсутствует или в лучшем случае только складывается, изображения как для монет, так и для печатей могут быть получены из любого источника, в том числе, таким источником могут послужить иностранные образцы.

Именно с этой позиции рассматривает тверскую нумизматику М. Рубцов, разделяя все тверские монеты на результат западного и восточного влияния, добавляя к этому небольшое количество сюжетов, возникших на местной почве. В самом деле, как уже говорилось выше, тверская монетная система очень похожа на

[332] См. Орешников. С. 7.

московскую в том смысле, что большинство изобразительных сюжетов встречается и в той, и в другой системах.

Однако существует заметная разница в частотности сюжетов, а некоторых сюжетов та или иная монетная система явно избегает. Характерный пример: самый распространенный на московских монетах – особенно времени Василия Темного – образ конного змееборца (обычно называемого Георгием Победоносцем) отсутствует на тверских монетах (во всяком случае, их нет в каталоге Орешникова). Это может быть объяснено тем политическим смыслом, который Москва вкладывала в этот образ, помещая его на видных местах (городских стенах или соборах) присоединяемых к Москве городов. При этом, впрочем, стоит заметить, что, когда образ змееборца вместе с двуглавым орлом стал частью государственного герба (ок. 1490 г.), тогда и то, и другое изображения ненадолго исчезли с московских монет, возможно, потому что теперь им стало придаваться высокое значение государственных символов, которые нельзя было «профанировать», используя в повседневных торговых операциях.

Отсутствие на тверских монетах изображения конного змееборца имеет, по всей видимости, иной смысл. Прежде всего, это, вероятно, нежелание тверских князей повторять на своих монетах образ, доминирующий на монетах соседнего княжества. Определенную роль могла сыграть и ассоциация всадника с Георгием Победоносцем, святым, соименным московскому князю Юрию Даниловичу, отнявшему некогда владимирское княжение и жизнь у тверского князя Михаила Ярославовича.

Но поддаются ли какой-либо интерпретации образы, *присутствующие* на тверских монетах? Взглянем на таблицу тверской нумизматики, составленную на основе типологии М. Рубцова, из книги «Деньги Великого Тверского княжества»[333]. При этом будем исходить из предположения, что семантическая значимость того или иного изображения находится в прямом

[333] См. Таблицу 8.

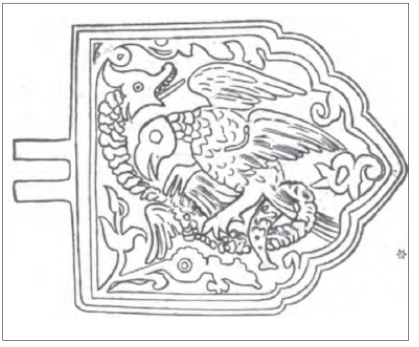
соответствии с его частотой и его устойчивостью. Приходится, разумеется, принимать во внимание, что любая типология удельных монет включает в себя элемент произвольности, а сама совокупность имеющихся в распоряжении исследователя монет – носит в себе элемент случайности. Как бы то ни было, определенные закономерности в тверской монетной системе прослеживаются. Прежде всего, заметно значительное присутствие монет «княжеской семантики», т. е. так или иначе представляющих фигуру князя. Это может быть конная или пешая фигура; сидящая, стоящая или идущая; чаще всего вооруженная, иногда держащая в руках предметы, которые можно идентифицировать как символы власти (например, «державу»). М. Рубцов, который руководствовался в своей типологии главным образом внешним сходством изображений, конечно, не относил все эти изображения к одному типу. Тем не менее, семантически они практически идентичны. Изображения такого типа присутствуют в значительном количестве в монетных системах всех удельных княжеств, и, конечно, отсутствуют на монетах Пскова и Новгорода (любопытно, что вместо князя на этих монетах изображается коронованная фигура или только голова). Данный тип монет (назовем его «княжеским») присутствует у всех чеканивших монету тверских князей, но заметно, что к концу существования княжества удельный вес этих монет падает.

Другой тип монет, семантически близкий «княжескому», представляют собой монеты с изображением охоты, главным образом, охоты с рогатиной на медведя. Этот сюжет специфичен для монет Тверского княжества и находит себе прямую параллель в виде описанной выше рогатины князя Бориса, украшенной сценами охоты, одна из которых – охота на медведя.

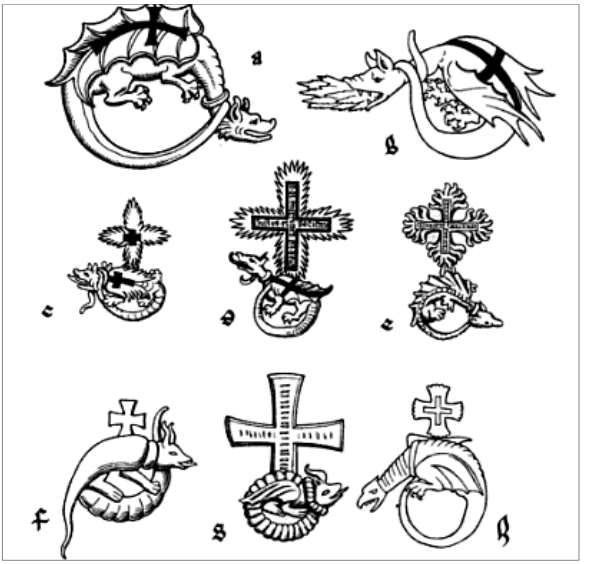
Ил. 122. Охота на медведя. Монеты Ивана Михайловича 1399–1425 гг. (слева) и Бориса Александровича 1425–1461 гг. (справа). 14.46; 14, 47 по каталогу А. В. Орешникова

Ил. 123. Монета Михаила Борисовича (1461–1485 гг.) с изображением двуглавого орла; пряжка с изображением двуглавого орла. Коллекция ТГОМ.

Ил. 124. Слева: новгородский двуглавый орел на монете чеканки после 1456 г. (Орешников, 13,14). Справа: двуглавый орел с резного посоха конца XV в. Москва, Оружейная палата.



Ил.125, 126. Слева: «Птица, терзающая змею». Прорисовка пряжки из «Описания Тверского музея» А. К. Жизневского. Справа: «Бой Китовраса со змеем». Сер. XVII в. музей-заповедник Коломенское.



Ил. 127–129. Верх. Монеты «с драконом» тверского князя Бориса Александровича (1425–1461 гг.), №№ 110 – 113 по каталогу А. В. Орешникова. Ниже: эмблемы Ордена Дракона XV в. (по Д. Боултону (Boulton D ’A. J. D. The Knights of the Crown)). Справа внизу: монета господаря Валахии Влада Второго (ок. 1440 г.) Музей искусств и истории при Кембриджском университете.

Однако, хотя этот сюжет обнаруживает относительную устойчивость, доля его также убывает (среди монет Ивана Александровича он занимал второе место; среди монет Бориса Александровича – 11-12 место; среди монет Михаила Борисовича не встречается вовсе). Выше уже упоминалось о том, что изображение сцен охоты могло иметь и политический подтекст, учитывая то обстоятельство, что церемониальная охота рассматривалась Ордой как политическое действие. Но охота на медведя могла иметь еще и особый смысл: в одном памятнике XIV века[334] изображение медведя символизировало Московское княжество, и вполне возможно, что эта метафора имела более или менее широкое распространение. Учитывая политический курс князя Бориса Александровича на союз с Москвой, неудивительно, что данные монеты стали выходить из употребления (возможно, что те из них, что были все же выбиты, появились в первую половину княжения Бориса).

Семантически близкий охоте на медведя сюжет Самсона, раздирающего пасть льва, весьма многочисленный на монетах Бориса Александровича и встречающийся на монетах Михаила Борисовича, можно найти и на московских монетах Василия Темного (напр. Орешников, № 590), хотя и не в таком количестве. О политическом подтексте образа, как и о влиянии одной монетной системы на другую говорить здесь сложно, хотя более вероятно вданном случае влияние Твери на Москву (хотя бы потому, что тверских монет с таким сюжетом сохранилось намного больше).

Однако того же самого нельзя сказать об образе двуглавого орла, который, по-видимому, на московских монетах появился раньше, чем на тверских. В своей работе о происхождении двуглавого орла в русской геральдике А. В. Орешников[335]

---

[334] Г. К. Богуславский. Замечательный памятник древней смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символико-политического содержания // Древности., т. 23. М. 1906. С. 86.

[335] А.В. Орешников. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Труды Московского нумизматического общества т.2 вып.1 М. 1899. С.11, 12.

связывает древнейшее изображение двуглавого орла на московских монетах и его древнейшее изображение на московских печатях, предполагая, что соответствующий символ был принят Москвой после женитьбы Ивана Третьего на Софье Палеолог и олицетворял вступление России в византийское наследство, а тверской князь Михаил Борисович перенял этот образ, используя какие-то несохранившиеся московские государственные печати.

Однако, как упоминалось выше, на московских монетах двуглавый орел появляется в интервале 1450–1461 гг., кроме того, после 1450, но до 1478 года соответствующие монеты появляются и в Новгороде. Возможно, что это одновременное появление двуглавых орлов на монетах различных государственных образований Руси имеет какое-то отношение к падению Константинополя (1453 г.), но все же, нужно отметить, что все эти двуглавые орлы не имеют облика геральдической эмблемы – скорее они дополняют собой зооморфный тип изображений, довольно частый на монетах удельного времени. Что же касается тверских монет Михаила Борисовича, то в их совокупности удельный вес двуглавых орлов совсем невелик. Из этого, конечно, нельзя делать вывод, что двуглавый орел совсем не имел никакого значения для Твери – против этого говорит уже сам момент появления этих изображений – но он, возможно, имел для Твери то же значение, что и распространившийся в России сюжет с птицей, терзающей змею (из «Повести о взятии Царьграда»). Между прочим, в Тверском музее был, возможно, самый ранний вариант такого изображения, впоследствии широко распространенный (особенно на изразцах)[336] .

Что же касается московских монет Ивана Темного, то для них образ двуглавого орла мог иметь особый смысл, поскольку с 1450 до 1461 года сын царя Иван Васильевич становится соправителем

---

[336] А. К. Жизневский Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А. С. Уварова. М. 1888. С. 159 (Жизневский датирует пряжку XII веком). О семантике изображения: Р. Л. Розенфельдт. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. 1962, №3.

своего слепого отца, и двуглавый орел доминирует в монетах именно этого периода. Г. Алеф, точка зрения которого относительно зависимости московского двуглавого орла от аналогичного образа на печатях Габсбургов упоминалась выше, сообщает также, что сын императора Фридриха III Максимиан не имел права помещать на своих печатях двуглавого орла: его орел был одноглавым. Одноглавый коронованный орел попадается и на московских монетах 1450–1461 года (№ 638 по Орешникову) – возможно, на тот период времени московский князь был согласен на иерархическое преимущество римского императора (Фридрих III был императором Священной Римской империи с 1452 года).

Несмотря на то, что вопрос о происхождении изображения двуглавого орла как на монетах, так и на печатях русских удельных княжеств и формирующегося московского государства нельзя назвать вполне решенным, можно сделать достаточно обоснованное предположение, что генеалогия двуглавого орла на монетах и печатях – это две разные исторические генеалогии, и появление орла на тверских монетах ничего не говорит о каких-либо политических амбициях тверского князя.

Есть, впрочем, еще один образ, удельный вес которого на тверских монетах постоянно увеличивался. Это изображение крылатого дракона. Даже исследователи, которые специально не занимались тверской нумизматикой (например, Э. Клюг)[337], обращали внимание на этот образ, отнесенный М. Рубцовым к восточным влияниям. Двуногий крылатый дракон появляется на монетах Бориса Александровича (в своей классификации М. Рубцов осторожно называет изображение «зверек»), но такие монеты довольно немногочисленны; однако среди монет Михаила Борисовича этот тип определенно лидирует. Возможно, таких монет даже больше, чем по классификации Рубцова, поскольку его тип «Зверек с обращенной назад головой, раскрытым ртом и поднятым кверху хвостом», включающий в себя в

[337] Клюг... С. 325.

действительности несколько вариантов изображений, должен быть, по крайней мере частично, также присоединен к типу «драконов».

Но что означает этот образ, учитывая его частоту на тверских монетах? Справедливости ради нужно признать, что подобные изображения имеются не только на тверских монетах; однако в других регионах такие монеты немногочисленны и, можно сказать, «растворяются» среди монет тератологической тематики, вообще нередкой на монетах удельного времени. Нет таких изображений и на монетах Великого Княжества Литовского, с которым Тверь контактировала в географическом, экономическом и политическом отношениях[338].

Тем не менее, возможно, что решение этой загадки относится именно к отношениям Твери и Литвы. Выше, по поводу «Слова похвального» говорилось, что московская ориентация политической философии Твери высказывалась автором подчеркнуто и открыто, а литовская – скрыто и завуалировано. В действительности Тверь балансировала между своими более сильными соседями и, опасаясь экспансии с одной стороны, должна была искать поддержку у другой. Нумизматика не обладает, конечно, обязательностью дипломатического договора, но она иногда сообщает нечто о политических приоритетах. Известно, что в 1429 году литовский князь Витовт вступил в Орден Дракона[339], объединявший в себе как глав государств, так и просто знатных людей с целью противодействия османской агрессии. Гербом ордена был свернувшийся в кольцо крылатый дракон (строгого канона герб не имел и значительно варьировался, но варианты изображений, приведенные в книге Д. Боултона, включают и изображение дракона с равноконечным крестом – как на тверских монетах). Члены Ордена Дракона далеко не всегда помещали его изображение на своих монетах (литовцы этого не делали), но

[338] См. Ильин А. А. Классификация русских монет удельного времени Л. 1940. С. 14–22.

[339] Boulton D'A. J. D. The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325–1520. Boydell Press, 2000. P. 352.

другой известный член этого ордена – валашский князь Влад Дракула (чье прозвище происходит от названия ордена) чеканил монеты, очень похожие на тверские[340] .

Правда, в имеющихся списках членов ордена нет тверских князей, но, во-первых, орден допускал различные уровни членства, а во-вторых, тверские князья могли выразить свою солидарность с орденом и его целями, формально и не вступая в него. Это, конечно, не более чем предположение, но все же допустимо, что некоторые шаги, направленные если не к политическому, то, во всяком случае, к культурному сближение с Литвой и в целом с Западом тверские князья могли предпринять.

---

[340] Подобные монеты имеются в фондах музея Фицуильяма (Fitzwilliam Museum) – музее искусств и истории при Кембриджском университете. В сопровождающем изображение монеты тексте на сайте музея говорится о непосредственной связи изображения на монете и символа Ордена Дракона, к которому принадлежал господарь Валахии Влад II: «The numismatice vidence from Vlad II Dracul's reignhelp sreveal the origins of the name Dracula. The reverse of this very rare coin – only about eight are known – shows a dragon, and commemorates Vlad II's acceptance into the prestigious Order of the Dragon in 1431. The Order of the Dragon was established by King Sigismund of Hungary (1387–1437) to defend Christianity against the Ottoman threat. Vlad II was admitted to the Order by Sigismund to encourage him to fight against the Turks, and after 1431, Vlad II also adopted the name *Dracul* (from the Latin *draco* meaning 'dragon') in commemoration of the event. The dragon on the coin is thus a symbol not only of Vlad II, but of his mission to defend his faith. «Dracula» became a family name, which was used by Vlad's son, Vlad Tepes, in his letters and documents. The obverse of the coin shows an eagle looking back at a cross, which is a traditional symbol of Christian Wallachian rulers» (http://www.fitzmuseum.cam.ac.uk/dept/coins/exhibitions/CoinOfTheMoment/index.html).

Таблица 8. Типология тверских монет по материалам М. Рубцова (М. Рубцов, Деньги Великого княжества Тверского, Тверь. 1904 г.)

Вел. князь Иван Александрович (1399–1425) (по убыванию количества находок монет)

Описание изображения	количество
Человек в короне. На обороте: человек без шапки с копьем и мечом	16
Охота на медведя: человек с собакой поражает медведя. На обороте надпись	13
Зверек вправо. На обороте: человек с копьем и овальным щитом	4
Бегущий с оружием (мечом и копьем). На обороте: поясное изображение человека в шляпе	3
Голова человека влево. На обороте: зверек с высунутым языком и поднятым хвостом	3
Крылатый кентавр. На обороте: надпись и 5–6 точек	1
Двуглавый орел (?)	2

Вел. Князь Борис Александрович (1425 – 1461)

Описание изображения	количество
Человек с мечом и щитом голова не покрыта. На обороте надпись	40
Человек с мечом левой рукой уперся в бок. На обороте надпись	38
Самсон со львом. На обороте: всадник с соколом	33
Человек с мечом и шаром (державой) перед надписью «деньга тверская» крест. На обороте: надпись и крест (равноконечный, по высоте букв, не везде)	25
Монетчик. На обороте надпись	23
Человек с мечом и щитом. На обороте надпись.	16
Стоящий человек со щитом и копьем. На обороте: стрелок в птицу на дереве	12

Зверек вправо с хвостом между ног вверх. На обороте надпись	11
Человек с мечом и ножнами. На обороте надпись	9
Человек с копьем и щитом. На обороте: человек с мечом и щитом	8
Двуногий крылатый зверек (дракон?). На обороте надпись	8
Птица. На обороте: стрелок	6
Охота на медведя с собакой. На обороте надпись	6
Два человека с копьями и щитами. На обороте надпись	6
Человек с мечом и копьем. На обороте: зверек в короне «похожей на мак» с дугой на хвосте	5
Одноногий крылатый зверек хвост вверх. На обороте надпись	4
Человек с луком и копьем. На обороте: зверек с пропущенным между ног и поднятым кверху хвостом	2
Крылатый зверек. На обороте надпись	2
Зверек. На обороте: стрелок в птицу	2
Зверек с поднятой лапой. На обороте: человек с копьем и щитом	1
Человек с мечом и щитом. На обороте монетчик	1
Кентавр с копьем. На обороте надпись	1
Зверек вправо с хвостом между ног и птичьей головой. На обороте надпись	1
Птица (петух?). На обороте надпись	1
Стрелок в птицу. На обороте надпись	1

Вел. князь Михаил Борисович (1461–1485)

Описание изображения	количество
Дракон с кольцеобразным хвостом. На обороте надпись	25
Человек с мечом и шаром надпись «деньга тверская». На обороте надпись	24
Зверек с обращенной назад головой, раскрытым ртом и поднятым кверху хвостом (дракон?) На обороте надпись	24
Всадник с мечом. На обороте надпись	8
Дракон. На обороте: восьмилучевая звезда	6
Птица вправо с распростертыми крыльями. На обороте надпись	6
Всадник с мечом. На обороте: длинноногая птица вправо	6
Всадник с поднятым мечом. На обороте: птица с распущенными крыльями	5
Двуглавый орел. На обороте надпись	5
Кентавр. На обороте надпись	4
Самсон со львом. На обороте надпись	4
Голова в короне «или шапочке». На обороте надпись	1
Человек на стуле. На обороте надпись	1

4.5. Тверские надгробия: образ пути или его окончание?

Существует еще одна, довольно специфическая форма тверской культуры, которая обладает несомненными репрезентативными свойствами. Это – надгробные памятники, а именно тверские надгробья с характерным рельефом в виде

Т-креста. Надгробья – предметы, можно сказать, двойного смысла. С одной стороны они указывают на определенные общие представления – то, что называют «ментальностью», а с другой – в определенной степени намекают на статус и значение частной личности в данном культурно-историческом контексте.

Но именно последний аспект – главная причина плохой сохранности древних надгробий. Относительно каменных надгробий удельного времени можно с уверенностью говорить, что они сохранились только в Московском регионе (преимущественно в самой Москве) и на территории Псковской и Новгородской республик. Что касается Тверского княжества, то относительно него можно только предполагать наличие каменных надгробий, поскольку датированные памятники, обнаруженные на территории княжества принадлежат не ранее чем концу XV века, то есть к периоду, когда Тверь была уже включена в состав Московского государства (хотя существуют и неподтвержденные упоминания о тверских надгробных памятниках более раннего времени)[341]. Хотя памятники можно датировать не только по надписям на них, о «датированные» во многих случаях означает «подписанные»; и здесь можно вспомнить, что и на московских территориях такие памятники появляются не раньше конца XV века. До наших дней сохранились недатированные тверские надгробья[342], по внешнему облику которых (прежде всего по эрозии известняка, из которого они сделаны) можно датировать их серединой – второй половиной

[341] Например, у В. А. Плетнева (Об остатках старины... С. 181).

[342] Одно из них можно видеть в левобережной части города Старица, у основания каменного креста, на ул. Половинкина; другое – в Историко-краеведческом музее города Кимры. Кроме того, фотографии и рисунки подобных памятников можно найти в отчетах о проводимых в последние годы раскопках в Твери (экспозиция ТГОМ); А. В. Новиков. Надгробие конца XV – XVII вв. Из раскопок у церкви Алексея-человека Божия на затьмацком посаде города Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Тверь 1999; Дворников А. С. Отчет о раскопках на Загородном посаде г. Твери в 1994 г. //Архив ИА РАН ф. Р – 1.

XV века (возможно, раньше), т.е. последними десятилетиями политической независимости Тверского княжества.

Но главная причина, по которой находимые на территории бывшего Тверского княжества надгробья следует отнести к эпохе Тверского княжества, заключается в самом своеобразии этих памятников. Едва ли появлению какого-либо культурного своеобразия способствовало присоединение Твери к Московскому государству – здесь, скорее, торжествовали унифицирующие тенденции. Именно это можно видеть и в памятниках тверской архитектуры XVI века и в тех же надгробиях московского типа, распространявшихся на тверских землях (они, вероятно, принадлежали служившим в тверских землях москвичам). Вместе с «московскими» продолжали существовать и надгробья «тверского типа» – но это уже, скорее, показатель устойчивости традиции, сложившейся в удельное время.

Если спроецировать места находок надгробий «тверского типа» на карту Тверского княжества, то трудно не заметить, что чаще всего они встречаются на местностях, прилегающих к Волге: Опоках, Зубцове, Старице, Твери, Белом Городке; в то время как в землях, тяготеющих к Кашину, «круге клинском» и территории современного Лотошинского района Московской области, они не встречаются вовсе. Если, конечно, такое распределение находок – не случайность, то не говорит ли оно о том, что зона находок обозначает собой как бы «ядерную» или, по-другому, генеративную область тверской культуры и идентичности?

Внешний облик надгробий «московского» и «тверского» типа довольно схож: это продолговатые плоские (шириной 10–30 см) известняковые плиты примерно человеческих пропорций, хотя обычно и несколько меньше человека. Плиты укладывались горизонтально и на лицевой стороне наносилось изображение символического характера, смысл которого и в московском, и в тверском надгробии остается неясен. Изображения на самых ранних из сохранившихся московских надгробий несистематичны и крайне лаконичны; относительное единство этого типа

складывается к концу XV века, когда основу изображения создают две полуциркульные арки и «столбик» между ними, иногда к этому добавляется полукруг в верхней части надгробия.

Ранний тип тверского надгробия, как уже было сказано, неизвестен; археологические и краеведческие находки дают уже сложившийся тип надгробия, представляющий вытянутую по длине полосу, заканчивающуюся т-образной перекладиной – «посох». К «посоху» добавляется иногда «яблоко» в середине полосы и характерный «трезубец» в торцевой части. Отличаются тверской и московский типы надгробий и по технике исполнения: изображения на тверских сделаны в технике плоского рельефа, а на московских – методом насечки. Но, несмотря на все различия, при взгляде на московский и тверской тип надгробия заметно их некое типологическое сходство, как если бы они были вариантами какого-то одного изображения.

Если семантика изображений надгробий московского типа лишь в недавнее время привлекла внимание исследователей, то в Тверском губернском музее едва ли не с самого начала его существования была целая коллекция надгробий с описанным рельефом. В свое «Описание Тверского музея» его основатель А. К. Жизневский включил подробную статью о надгробиях из музея и упомянул несколько других, не попавших в музейную коллекцию. Согласно А. К. Жизневскому, на тверских надгробиях изображен трехконечный, египетский, антониев, или «тау крест», находившийся в употреблении в ранние века христианства[343]. Эта интерпретация, с которой согласились многие краеведы и историки, занимавшиеся культурой Твери в конце XIX– начале XX столетия (В. А. Плетнев, И. П. Крылов, Н. Е. Макаренка)[344],

---

[343] А. К. Жизневский, Описание Тверского музея. Тверь 1888 г., Археологический отдел, №№ экспонатов 46–48.

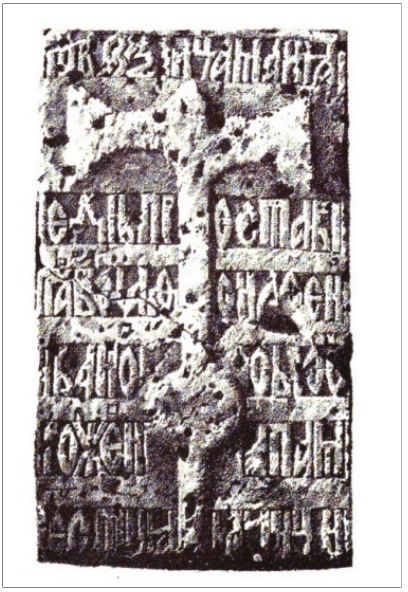
[344] В. А. Плетнев, Об остатках древности и старины в Тверской губернии, Тверь, 1903 г.; И. П. Крылов «Археологические раскопки в бывшем Старицком кремле, произведенные в 1903 году» (1905 г. Старица); Н. Е. Макаренка «Поездка по верхнему течению Волги» // Известия ИАК, вып. 6, М. 1904 г.

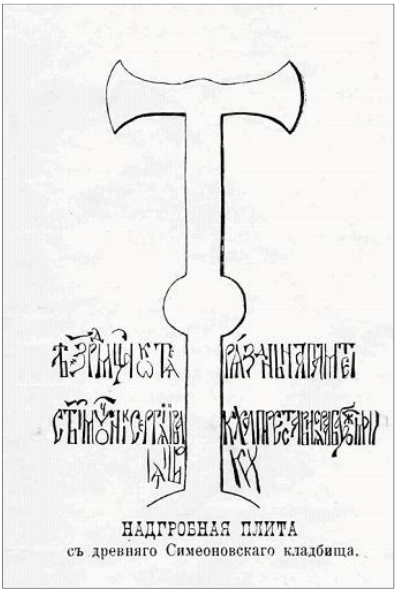
оставляла необъясненным, почему этот крест появился только в Твери и только на могильных плитах, и почему его формы сильно отличаются от «классического» трехконечного креста, с равной длиной и шириной вертикали и горизонтали.

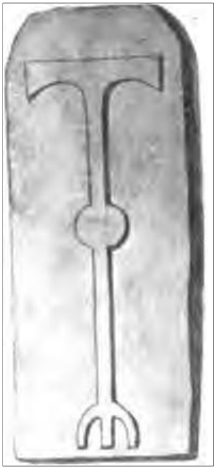
В 60–70 годы XX века была предложена гипотеза балканского, точнее боснийского, влияния, обусловившего форму тверских «тау крестов». Сторонники этой версии (Г. В. Попов и *А. В.* Рындина)[345] рассматривали, конечно, влияние балканских надгробий на тверские не изолированно, а в контексте широкого культурного влияния, которое, с их точки зрения, отразилось в самых разных аспектах тверской культуры. Но, применительно к надгробиям, «балканская теория» выглядит не очень убедительно – не только потому, что оставляет без объяснения сам исторический механизм влияния, но и потому, что боснийские надгробия чрезвычайно разнообразны, и даже среди этого разнообразия не удается найти точного соответствия тверским памятникам.

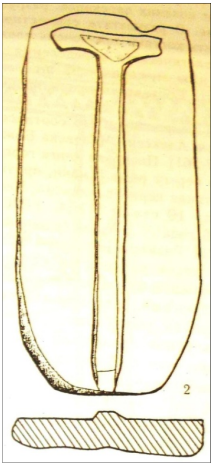
---

[345] *Г. В.* Попов и *А. В.* Рындина, Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века, М. 1979 г. Гипотеза балканского влияния на Тверь основывается лишь на отдельных аналогиях в изобразительных мотивах и выглядит малоубедительной. Тем более что балканские (боснийские) надгробия исключительно разнообразны, и все же близких аналогов тверским среди них, насколько известно нет. Впрочем, в пользу балканского влияния говорит тот факт, что последней тверской княжной была Елена Волошанка – дочь молдавского господаря Стефана Великого и жена сына Ивана Третьего – Ивана Молодого; на пелене, которая, как считается, была вышита Еленой Волошанкой, как раз изображены т-кресты по обеим сторонам композиции.

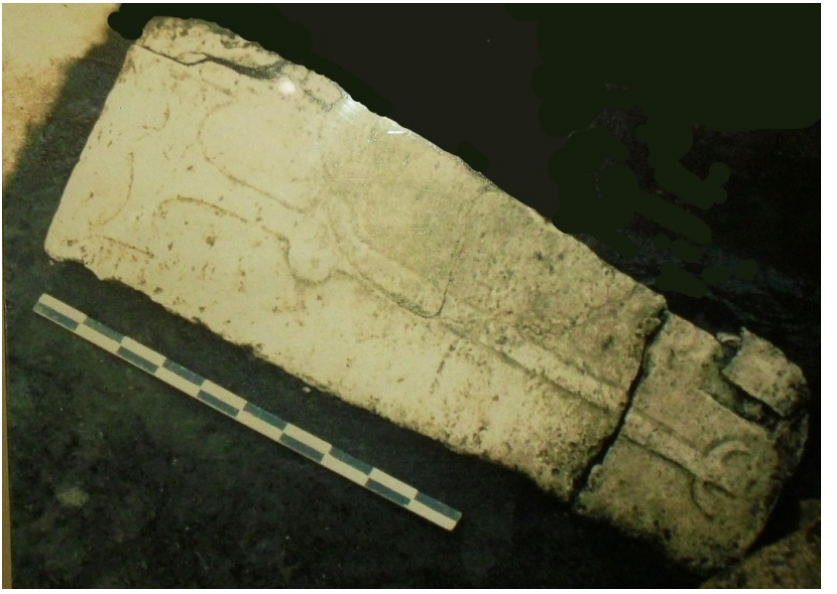


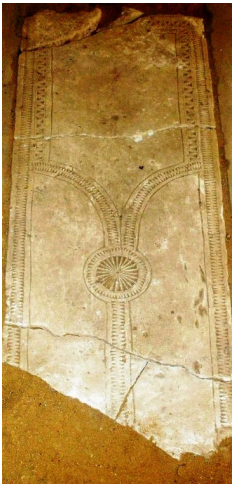






Ил. 130–134. Верх. Слева: плита 1499 года из Твери (А. К. Жизневский, Описание Тверского музея, С. 30) Справа: плита 1597 г. из Старицы (И. Крылов. Достопримечательности в уезде г. Старица). Низ. Слева: плита из окрестностей г. Опоки (Н. Макаренка, Поездка по верхнему течению Волги, С. 101). Центр: плита из Преображенского монастыря (г. Зубцов (А. К. Жизневский... С. 28). Справа: рисунок из статьи А. В. Новикова (А. В. Новиков. Надгробие конца XV–XVII вв... рис. 2).





Ил. 135–138. Верх. Плита из Затьмацкого р-на Твери (XV–XVIIвв,), фотография из фондов ТГОМ. Низ. Слева: плита из погоста Иоанна Предтечи (XVI – XVII вв) (ок. Белого Городка), Кимрский краеведческий музей. Центр: плита на месте Никитского монастыря г. Старица (не позже XV в. в XVI веке монастырь уже не существовал). Справа: типичное надгробие «московского типа» (Можайск, Лужецкий монастырь, XVI в. (?)).

Ил. 139. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово, Италия (V –VI вв.) Процессия праведников.

Несколько позже А. В. Чернецов в статье о древнерусских посохах[346] высказал мысль, что на тверских надгробиях изображены именно посохи – с учетом многозначной семантики этого предмета. Действительно, удлиненная форма тверских «тау-крестов», «яблоко» в середине некоторых из них, различная толщина вертикальной и горизонтальной частей вполне соответствуют этому толкованию. Правда, в традиционной средневековой интерпретации посохи были обозначением власти – светской или церковной. Что же касается тверских «тау-крестов», то их, судя по эпитафиям, помещали на надгробиях без разбора: мирян и монахов, мужчин и женщин.

[346] А. В. Чернецов. Три резных посоха XV века // СА, 1980, № 2; А. В. Чернецов. К изучению эволюции архирейского посоха и его символики (так называемый посох Никиты Новгородского) // СА 1991 №3.

В своей книге «Русское средневековое надгробие» Л. А. Беляев дает «комплексную» интерпретацию изображению на тверском надгробии (ученый, впрочем, не считает эту форму надгробия специфически тверской, поскольку известен по крайней мере один такой памятник за пределами территории Тверского княжества – найденный в Ферапонтовом монастыре)[347]. Л. А. Беляев высказывает мысль, что все приведенные выше интерпретации друг другу не противоречат и вполне могут сочетаться в одном памятнике: «Трактовки знака как креста и посоха не являются противоречащими, но взаимодополнительными и углубляющими сложную семантику изображения»[348]. С последним трудно не согласиться, но исчерпали ли приведенные выше гипотезы все возможные объяснения тверских памятников?

Представляется, что для правильной интерпретации символического изображения следует исходить из его «полной версии», рассматривая более краткие как вторичные. Применительно к тверским крестам такой «полной версией» будет изображение, оканчивающееся «мягким трезубцем». Подобное изображение, не теряя сходства с посохом, приобретает сходство с деревом, точнее с пальмой, где «кроной» будет короткая и более широкая горизонталь, а «яблоко» – плодами (финики?). Подобная интерпретация заставляет вспомнить московский вариант надгробия (получивший распространение с начала XVI столетия), с более выраженной «кроной» и более коротким «стволом».

Но что означает этот образ с двойным толкованием: посох/дерево? Пальма еще в римское время была символом

---

[347] Л. А. Беляев. Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник, 1988, №2. Автор датирует подписанное надгробье второй половиной XV века. Ввиду единичности находки можно предположить следующее: либо плита была сделана на территории Тверского княжества и вывезена за его пределы (использование тверского, точнее, старицкого, камня для построек в северных монастырях упоминается в летописи), либо надгробие принадлежит монаху – тверичу.

[348] Л. А. Беляев, Русское средневековое надгробие, М. 1996. С.214.

триумфа[349]; в раннехристианскую эпоху мучеников часто изображали вместе с пальмой[350], что символизировало их триумф над смертью. В более позднее время пальма ассоциировалась с раем и Землей Обетованной (отсюда происходит слово «паломник») – последнее вновь сближает изображение с семантикой посоха, символа паломничества. Что же касается посоха, то, очевидно, среди его многочисленных толкований следует выбрать «путь» в том его смысле, который связан с темой «хождения» в святые места. На древнерусских надгробных плитах, как правило, не изображались символы христианства, и в первую очередь сам крест (что отличает их от западноевропейских надгробных плит), но вполне могли быть изображены символы христианина.

Своеобразной литературной параллелью к теме сравнения московских и тверских надгробий может служить известное «Послание о рае» новгородского епископа Василия Калики тверскому епископу Феодору, помещенное в Воскресенской летописи под 1347 годом[351]. В отличие от А. И. Клибанова[352], который находит в послании Василия отголоски византийских споров о фаворском свете и видит в позиции новгородского епископа влияние исихазма, я не стал бы категорически утверждать, что упоминание фаворского света имело большое значение в послании Василия Калики. Наоборот, интерпретация этого упоминания в контексте исихазма внесла бы очевидное

---

[349] Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона статья «Триумф». См. так же Псалом 91. 13–14: «Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане. Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего».

[350] Например, в раннехристианской базилике Сант-Аполлинаре-Нуово (Basilica di Sant'Apollinare Nuovo) конца V – начала VI веков.

[351] ПСРЛ.7, 212–214.

[352]"Между «фаворским светом» и «мысленным раем» в Послании поставлен знак равенства. Это дает право считать Послание Василия в Тверь о «мысленном рае» в одинаковой степени посланием о «фаворском свете» (Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М. 1960. С. 153).

противоречие в его концепцию географически реального рая, куда можно попасть, подплыв к нему на лодке.

Получается, что речь у Василия идет о двух раях: посаженном Богом на востоке и будущем рае, прообраз которого Бог дал апостолам на горе Фавор. Из послания Василия трудно судить, какие взгляды были у его тверского оппонента, тем более что эти взгляды не обязательно представляли собой некую «тверскую ментальность»: сам Василий сообщает о «распре» в Твери относительно вопроса о рае, в которую он считает нужным вмешаться. Однако в качестве аргумента в пользу вещественности рая Василий упоминает, во-первых, «вервь из рая», которую принес ангел незадолго перед Успением Богородицы, «являя где ей бытии». Во-вторых, Василий упоминает что «сто фиников Христос посадил, недвижимы суть и доныне, не погибли, не погнили». Упоминание финиковых пальм в последнем фрагменте объясняет встречающееся в средневековой литературе сравнение праведников с финиками[353].

Сравнение тверского и московского надгробий с точки зрения их предполагаемой семантики показывает, что между ними нет принципиального различия, как его, очевидно, нет и в позициях Василия и Феодора. Различие, скорее, в акцентах: изображение на тверском надгробии больше похоже на посох, на московском – на дерево. В одном случае – это дерево, являющееся символом нетленного в тленном мире, а в другом – посох, который служит опорой в пути («да будет сие мне вож в вечный путь» – можно еще раз вспомнить предсмертные слова тверского князя Михаила Александровича).

---

[353] Например: «яко кедр в Ливане умножися и яко финик в древесех процветшее» (О житии и преставлении Дмитрия Ивановича царя русского. ПСРЛ. 11, 109).

Послесловие

Когда тверская культура в целом и отдельные памятники тверского происхождения стали объектом исторического исследования (произошло это, если не считать некоторых краеведческих работ, во второй половине XIX века), то достаточно быстро определились две точки зрения, которыми эти исследования руководствовались. Согласно одной из них (хронологически более ранней), тверская культура имеет по преимуществу заимствованный характер, и ее оригинальность связана лишь с комбинациями, в которые вступает в ней заимствованный материал. В наиболее ясном виде эта точка зрения представлена в работах Н. Н. Овсянникова, В. С. Борзаковского и др. Впоследствии эту точку зрения разделяли историки архитектуры и искусства.

Другая позиция, наоборот, заключалась в признании новаторского характера тверской культуры, в частности, делалось предположение, что тверская политическая идеология была заимствована Москвой. Эту точку зрения разделял Н. П. Лихачев, Я. С. Лурье и другие авторы, которые в центре внимания помещали литературный аспект культурной деятельности Твери. При этом обе точки зрения придерживались понимания истории как однонаправленного процесса, в то время как представляется очевидным, что предпосылкой (продуктивного) изучения «локальных культур» может быть именно идея *вариативности.* В соответствии с этой идеей не только ход исторических событий мог бы пойти по-другому (при иных внешних обстоятельствах), но и нереализованный во всей полноте политический и культурный проект всегда сохраняет свой потенциал и остается в качестве более или менее осознанной исторической альтернативы. При этом действенность его заключена не в возможности того, что он сможет стать когда-нибудь главенствующим направлением политического развития, но именно в самой его инаковости по отношению к тому направлению, которое стало главенствующим.

С точки зрения, изложенной в данной работе, *тверская политическая философия и прямо или косвенно связанное с ней пространство тверской культуры не были ни рудиментарными, ни новаторскими по отношению к политической философии и культуре Москвы*, они скорее, были *параллельными* по отношению в ней. Идеи *политического* и *культурного регионализма*, характерные для Твери, были прямым следствием той огромной роли, которую имела фигура *князя* – регионального правителя – для оформления тверской культурной идентичности. Но значение этой фигуры само являлось результатом определенной исторической ситуации, которую невозможно было предвидеть или заранее планировать. Смерть князя Михаила Ярославовича в Орде была таким культурообразующим событием, не случись которого, все, что сейчас рассматривается в качестве его предпосылок (деятельность князя в Твери и за ее пределами) имело бы совсем иные культурные и политические следствия. Такое событие можно назвать «первым членом исторической детерминации», а само создание культурной традиции – образованием траектории исторической *судьбы* (придавая понятию «судьбы» практически тот же самый смысл, который придавал ему О. Шпенглер в «Закате Европы»).

Но если моменты, определяющие судьбы культур, действительно существуют, то вопрос о межкультурном влиянии может быть раскрыт в новом свете. Соседствующие культуры не могут не влиять друг на друга – однако в отличие от ограниченного по времени события, такое влияние имеет характер постоянно действующей силы. Здесь главный вопрос в том, как культура ответит на действие этой силы – и здесь вновь оказывается важным характер событий, сформировавших эту культуру. Если бы культура была открытой для внешних воздействий средой, она даже не смогла бы образоваться. Но влияние все же существует, и оказывать его может даже культура, которая в политическом смысле уже перестала существовать – и даже в этом случае ее

исторический преемник в той или иной степени находится все еще под ее влиянием.

В центре внимания культурологического исследования должны быть все же не эти влияния и воздействия (особенно если это региональная культура, подобно культуре средневековой Твери), а *историческая ситуация возникновения культурной идентичности*, ее стилистическое обогащение и историческая эволюция. Обращение к культуре средневековой Твери показывает, что такое исследование, во всяком случае, возможно, даже если конкретный его опыт был и не вполне удачнен. Впрочем, культура Тверского княжества предлагает настолько богатый и разнообразный материал, что дать ему всеобъемлющую и в то же время концептуально единую интерпретацию было и остается чрезвычайно трудной задачей. Задачею данной работы было выполнить ее хотя бы в предварительной форме.

Приложение 1. Тверское княжество среди княжеств Владимиро-Суздальской Руси. Тверь и Москва. Сравнительная история исторических нарративов

1

Говоря о политической истории средневековой Твери или тверской культуре удельного периода, нельзя не учитывать того обстоятельства, что тверская самобытность (независимо то того, видим ли мы в ней политическую традицию или своеобразие литературно-художественного стиля) – это отнюдь не результат политического обособления Тверского княжества, т. е. образование Великого княжества Тверского, а как раз наоборот – результат борьбы тверских князей за владимирское княжение. Убитые в Орде тверские князья (рассказ о которых и сформировал в значительной степени тверскую политическую и культурную самобытность) – Михаил Ярославович, Дмитрий и Александр Михайловичи – были либо недавними (Михаил и Александр), либо действующими (Дмитрий) великими князьями владимирскими, получившими ярлык в Орде. Ни один из удельных тверских князей (холмских, кашинских), а также собственно тверских, не претендовавших на владимирское княжение, в Орде убит не был. Единственным тверским князем, получившим ярлык на Владимирское княжение, но умершим своей смертью, был Михаил Александрович, но это произошло, вероятно, потому, что ярлык он получил от считавшегося узурпатором Мамая. Конечно, в самой Твери убитые князья воспринимались как заступники и мученики за тверскую землю, и это, особенно в случае Михаила Ярославовича, соответствовало действительности, но все же главной причиной смерти тверских князей была не Тверь, а Владимир.

В Твери можно наблюдать частный случай парадокса региональных средневековых культур, который можно сформулировать так: степень своеобразия и оригинальности этих культур зависит не от степени их политической и экономической независимости, а от степени развития идеи (политической, религиозной), которая выходит за пределы ее региональности.

Разумеется, такой идеей не могла быть борьба между князьями за владимирское княжение. Но фигура идеального князя – воителя и мученика, – фоном для которой и была эта борьба, в ходе которой идеальный князь отстаивает даже не свои справедливые права на Владимир, а сам порядок наследования власти – от старших к младшим, – могла быть такой идеей и стала ей.

Мысль об идеальном князе присутствовала, можно сказать, уже при рождении Руси. В «Повести временных лет», памятнике, обладающем для русского исторического сознания значением исходного политического предания, князья – главные действующие лица исторической сцены. Они ведут победоносные войны со степными кочевниками и с самой Византийской империей, заключая равноправные договоры с императором; они же становятся первыми русскими святыми (Борис и Глеб), демонстрируя крайние смирение и жертвенность. При этом в «Повести» почти незаметна деятельность священнослужителей, особенно греков-митрополитов, главных проводников греческого влияния на Руси. Д. С. Лихачев несомненно прав, когда он говорит о полемической направленности «Повести» против Византии, а именно против византийской политической доктрины, согласно которой принятие греческой веры означает признание верховного суверенитета византийского императора – хранителя этой веры[354].

Тверская литературная традиция уже на самых ранних стадиях своего формирования как бы подхватывает и развивает этот образ идеального князя: уже Лаврентьевская летопись, составленная при князе Михаиле Ярославовиче, содержит помимо «Повести временных лет» и «Поучения» Мономаха, повесть о нашествии Батыя, где подчеркиваются героизм и мученичество русских князей

---

[354] Д. С. Лихачев следующим образом охарактеризовал идеологию начального русского летописания: «Русь не нуждается в опеке Византии, ни церковной, ни государственной. Русский народ имеет за собой много славных побед – в том числе и над самой Византией. Именно с этой целью Никон ввел рассказы о походах русских князей на Царьград – Аскольда и Дира, Игоря, Олега и Святослава» (Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.-Л. 1949, С. 90).

в их неравной борьбе с врагом. Дальнейшим развитием этой темы стало «Житие Михаила Ярославовича», где, как упоминалось выше, цитируется «Житие Бориса и Глеба». При этом в условиях прямого подчинения князей монгольскому хану идея жертвенности княжеского служения обрела смысл, который она не могла иметь в домонгольской Руси. На подвиге Бориса и Глеба, отказавшихся бороться с братом и позволивших убить себя, лежит печать избыточной пассивности, политической нецелесообразности: ведь князь принадлежит воинскому чину, он должен мечом *бороться* со злом, как это делал сам Ярослав в борьбе с убийцей Бориса и Глеба – Святополком.

Напротив, поездка Михаила Ярославовича в Орду с высокой вероятностью погибнуть там и последующий отказ от бегства были не только этически, но и политически мотивированы. При этом главной причиной смерти князя было успешное военное сопротивление Орде, т.е. тверской князь оказался носителем характеристик и мученика, и воителя, которые в «Повести временных лет» приписывались обычно разным лицам. Иначе говоря, «Житие Михаила Ярославовича», апеллируя в отдельных эпизодах к «Житию Бориса и Глеба» и опираясь на его авторитет, в действительности наделяет исходный текст новыми чертами актуальной политической программы.

Кроме того, в отличие от «Повести временных лет», настойчиво внушавшей мысль, что в своей власти князья ограничены исключительно обычаем родового старшинства, сохраняя независимость от какой либо иной светской власти, «Житие Михаила Ярославовича» показывает подчиненное положение князя по отношению к царю/хану, то есть положение дел, каким оно было формально в домонгольское время, а также формально и фактически на протяжении более чем двух веков после монгольского завоевания. Власть князей в отличие от власти китайских императоров и иранских шахов – территорий также вошедших в состав Орды, – не была сакральной властью, и монголы не стали менять княжеские правящие элиты Руси,

сохранив местных князей в качестве управителей, наделив их ярлыками и обязанностью периодической отчетности[355]. Даже «Житие Александра Невского», признавая это, стремится ослабить впечатление подчиненности переславльского князя, изображая его поездку в Орду почти как дипломатический визит. Однако «Житие Михаила Ярославовича», показывая полную беззащитность тверского князя перед неправым судом в Орде, не принизило, а напротив, чрезвычайно подняло значение княжеского долга и служения, придав ему христианские черты, можно сказать, в этимологическом значении этого слова.

Но идея подчиненности княжеской власти возникает впервые не в «Житии Михаила Ярославовича», а раньше. В частности, признаки ее можно обнаружить в тверском списке византийской хроники Амартола, выходная миниатюра которой изображает тверского князя в позе императора, но без императорских регалий. Хроника Амартола, как предполагается, была переведена на Руси еще в домонгольское время, в частности, составитель «Повести временных лет» вероятно пользовался ею – черпал из нее известия о нападениях русских на Царьград. Но если такое заимствование и было, то оно носило фрагментарный характер: «Повесть временных лет» вовсе не является повторением или продолжением мировой

---

[355] В своей работе «Russia and Mongol Empire in Comparative Perspective» // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 43, No. 1 (Jun., 1983), P. 239-261 Ч. Гальперин (Charles J. Halperin) сравнивает монгольскую политику в завоеванном Иране и Китае, где монголы основали новые правящие династии (Ильханидов в Иране и Юань в Китае), не сделав, однако, того же самого на Руси. Причиной, по мнению исследователя, является нежелание монголов входить в чуждую их кочевому быту лесную зону (из-за отсутствия естественной для них среды обитания монголы, согласно Гальперину, ушли из Центральной Европы). Эта причина, во всяком случае, не кажется единственной: ведь, например центральный Китай также не вполне соответствовал монгольским степям, как признает и сам Гальперин. Дело, скорее всего в том, что монголы не признавали князей настоящей властью с ее сакральным аспектом; термин «улусник», применявшийся по отношению к князьям и монголами, и самими князьями, означает лишь ответственного за определенную податную территорию – улус.

истории в ее греческой редакции[356]. Антигреческий характер «Повести» очевидным образом противоречил исторической модели, наделяющий Византию значением центра христианского мира и цели мировой истории.

Ситуация изменилась в эпоху, наступившую после монгольского завоевания, когда новые княжеские центры власти в Северо-Восточной Руси начали уже не ослаблять, а подчеркивать свою связь с Византией, чтобы найти некий идейный противовес господству «безбожных агарян»[357]. Многочисленные летописные сообщения о путешествиях русских в Константинополь с разными целями и посещениях русских княжеств греческими делегациями, упоминания работающих на Руси греческих мастеров, упоминание греческих купцов – все это говорит не только об усилении

---

[356] Д. С. Лихачев приводит мнение Н. К. Никольского, солидаризуясь с ним: «... ни по своему содержанию, ни по своей конструктивной форме, ни по особенностям излагаемых эпизодов и основной тенденции, начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии, среди которых до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей */для которых Н. К. Никольский признает, ссылаясь на В. М. Истрина и А. А. Шахматова, наличие вставок из греческой письменности – М./*, но и их продолжения» (Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1.Л. 1930, С. 45); Лихачев Д. С.. Русские летописи... С. 61.

[357] И. Мейендорф говорит о двояком влиянии византийской культуры на славянские страны, в частности на Русь: «...о прямой канонической власти византийского патриархата над русской церковью и о продолжительном духовном влиянии Византии на славянские страны. И то и другое в XIV веке парадоксальным образом усилилось, несмотря на крайнюю политическую слабость империи (И. Мейендорф. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Введение). И. Мейендорф полагает, что причиной этого усиления было монашеское возрождение XIV века на Руси. Не отрицая монашеского возрождения, нужно все же добавить, что оно само имело причину, а именно: изменившуюся политическую ситуацию. Монастыри возникают не из благочестия подвижников, а с санкции власти, имеющей соответствующие полномочия. Это не обязательно политическая власть, но именно монастыри, возникшие с санкции политической власти, добиваются известности и богатства.

контактов русских княжеств с Византией, но и об усилении внимания к ним со стороны официальной летописи.

Но если Тверь, во многом волею исторических обстоятельств, выбрала развитие и обогащение темы идеального князя, то ее политический соперник и более удачливый претендент на владимирское княжение – Москва, пошла по иному пути, сделав главным героем своей нарождающейся житийной литературы и летописной традиции не князя, а киевского митрополита[358]. Усердно насаждавшийся Москвой культ митрополитов (начиная с умершего в Москве митрополита Петра и его преемников Феогноста и в особенности Алексея) был своеобразной антитезой культу тверских князей: Михаила Ярославовича, Дмитрия и Александра Михайловичей, убитых в Орде.

Московские князья как бы уступили место главных героев московской книжности митрополитам: летописные сведения о них – до Василия Второго Темного, на чье княжение пришлось падение Константинополя, и за исключением Дмитрия Донского – кратки и, как правило, безоценочны. Можно сказать, что ранняя Москва, подобно Твери, также ориентировалась на Византию, но не так, как это можно видеть в тверской миниатюре Амартола, где образ князя воспроизводит некую проекцию образа императора, а воссоздавая характерное для Византии XIV века отношение между императором и константинопольским патриархом, когда ввиду катастрофического уменьшения территории Империи фактическим

---

[358] Как пишет В. А. Кучкин в исследовании, посвященном ранней редакции жития митрополита Петра, «…Москва не имела таких глубоких письменных и литературных традиций, как Новгород Великий, Псков, Смоленск, Ростов, Тверь, Владимир и другие древние русские города. Московские князья, с начала XIV в. упорно боровшиеся с тверскими князьями за великое княжение Владимирское, долгое время не имели собственной литературы, которая бы указывала на место Москвы среди других княжеств, не обосновывали идеологически своих прав на владимирский стол... Идеология Москвы отставала от ее политических успехов» (В. А. Кучкин. Сказание о смерти митрополита Петра // ТОДРЛ т. 18. 1962, С. 71–72). Характерно упоминание В. А. Кучкиным в этом списке Твери, литературные традиции которой к 1327 году также были не очень глубоки.

проводником имперской идеи был именно патриарх, который окормлял территорию, намного большую, чем та, что находилась под властью императора.

При всем различии вектора исторических изменений (территория Империи уменьшалась, а территория Московского княжества росла), отношение Киевской митрополии и Московского княжества было, в общем, аналогичным (с той, впрочем, разницей, что Москва была, в отличие от Константинополя, городом, лишь претеновавшим на постоянное местопребывание митрополита). Несмотря на периодически возникавшие конфликты между московским князем и митрополитом (самый яркий из которых, это, конечно, затяжной конфликт между Дмитрием Донским и митрополитом Киприаном), стратегически выбор Москвы нельзя не признать удачным, поскольку он давал для объединительной политики московских князей религиозную санкцию в виде политической необходимости объединения Киевской митрополии.

Длительное – почти на протяжении всего XIV века – соперничество Московского и Тверского княжеств за владимирское княжение, зачастую рассматривалось историками как столкновение двух политических ориентаций: «литовской», или «западной» ориентации Твери, и «ордынской» – Москвы[359]. Но, думается, что сказанное выше дает некоторое основание для того, чтобы утверждать важность различия самих политических культур Москвы и Твери.

Это различие выявляется не столько на уровне действий исторических лиц, сколько на уровне текстов, в различной степени связанных с этими действиями. Относительно Твери можно говорить о следующей совокупности текстов подобного рода (в хронологическом порядке):

1) «Написание» Акиндина;

2) летопись, получившая название «Лаврентьевской», и тверской список «Хроники Амартола»;

---

[359] Точка зрения Э. Клюга и Ч. Гальперина, к которой отчасти присоединяется В. Кучкин.

3) «Житие князя Михаила Ярославовича»;
4) летописная повесть о восстании 1327 года (тверская редакция) и рассказ о гибели в Орде князя Александра;
5) «Повесть о преставлении Михаила Александровича»;
6) рассказ о кончине тверского епископа Арсения;
7) «Повесть о Плаве»;
8) летописный рассказ Тверского сборника о битве на Калке и связанных с ней событиях;
9) «Предисловие летописца княжения Тверского» из Тверского сборника и «Инока Фомы Слово похвальное».

Приведенный список не вполне совпадает со списком, охватываемым понятием «тверская литература»: он не включает в себя, в частности, знаменитое «Хожение» Афанасия Никитина, и включает тексты, которые в Твери заведомо не могли быть созданы, такие как Хроника Амартола. Кроме того, как упоминалось выше, не все ученые согласны относительно принадлежности к тверской письменной традиции всех оставшихся текстов, в частности, рассказа о битве на Калке. Без сомнения, в тверской историографии и публицистике не обошлось без утрат. Случайность обнаружения некоторых важнейших для понимания тверской политической философии текстов (например «Слова похвального») косвенно подтверждает это. Сохранившегося, впрочем, достаточно для выявления общей идеи, вдохновлявшей тверское политическое самосознание на протяжении почти двух столетий.

Имелась ли в политических регионах Северо-Восточной Руси письменная традиция подобная тверской? На основании имеющихся данных положительный ответ можно дать лишь относительно Москвы, а также Новгорода и Пскова; для других княжеств, например Суздальско-Нижегородского и Рязанского, данных недостаточно (косвенные же данные говорят скорее обратное)[360].

---

[360] Следы присутствия рязанских и нижегородских летописей в описании событий от 1237 г. и далее в московских летописных сводах конца XV–

При этом для понимания специфики тверского «историко-политического проекта» более важным является сравнение с его московским «собратом-антиподом», чем с летописной традицией Новгорода (или почти аналогичной – Пскова), ограниченной горизонтом городских событий или событий с участием горожан – новгородцев или псковичей.

2

Итак, на основании каких текстов можно говорить о политической философии Москвы удельного периода (для Москвы такой период следует, вероятно, ограничить окончанием княжения Василия Второго)? Прежде всего, это:

1) «Житие митрополита Петра» (краткая редакция);
2) повесть о Феогносте в Орде;
3) «Повесть о Митрополите Алексее» (редакция Питирима, ок. 1441 г.) и «Повесть о Митяе»;
4) группа повестей о Куликовской битве и повесть о взятии Москвы Тохтамышем;
5) повесть о Дмитрии Донском;
6) «Повесть о Тимуре»;
7) «Житие Петра» (редакция Киприана);
8) повесть о явлении ангела княгине Евдокии;
9) повесть о бегстве митрополита Фотия от татар, повесть о Фотии и чуде о пожаре;
10) группа повестей из Степенной книги о митрополите Ионе;
11) летописный рассказ о рождении Василия Второго;
12) рассказ о взятии Василия в Троице;
13) похвала Василию (в связи с отказом от унии).

В отличие от тверского летописного и публицистического наследия эпохи независимости, сохранность современной ей

первой половины XVI века незначительны (чего нельзя сказать о тверских летописях). Если все же вспомнить «Повесть о Пьяне» из «Нижегородского летописца» и несколько заметок-эпитафий о нижегородских князьях, попавших в своды XVI столетия, то можно предположить, что образ идеального князя имел «культурообразующий характер» также и для Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжеств.

московской летописной традиции должна быть значительно большей, но в ней, опять-таки в отличие от тверской, существует проблема поздних переделок более ранних текстов (иногда сосуществующих с более ранними, иногда оказывающимися на их месте, как случилось с житием Сергия Радонежского, написанным Епифанием Премудрым и переделанным Пахомием Логофетом), а также предполагаемый некоторыми авторами значительный временной разрыв (иногда более ста лет) между текстом и событиями, в нем описанными.

Не имея цели подробного рассмотрения произведений московской житийно-исторической традиции, укажем лишь на некоторые характерные отличия ее от аналогичной тверской. И здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что основанием собственно московской литературной традиции является не летопись, а житие – жанр, тяготеющий к биографии, а не истории. «Житие Петра» как в краткой редакции, приписываемой Прохору (1327 г.)[361], так и в пространной редакции Киприана[362] – рассказ о жизни и подвигах божьего угодника, где историко-географический горизонт лишь намечен[363]: Волынь (родина Петра, краткая редакция ее не упоминает), Константинополь, Переславль (место церковного съезда 1311года, оправдавшего Петра), чуть более подробно – Москва.

Несколько более раннее житие тверского князя Михаила Ярославовича (ок. 1320 г.) – стадиальный аналог московского жития Петра – не биография тверского князя, но рассказ о его мученичестве в Орде и непосредственно связанных с этим событиях. Причем рассказ вписан в исторический контекст, отчасти подготовленный летописным проектом, созданным, скорее всего, при участии самого Михаила Ярославовича (см. гл. 3.2). Еще одной

---

[361] Опубликовано в «Истории Русской церкви» Макария Булгакова, в 3 приложении к 4 тому.

[362] Текст в: ПСРЛ. 21.1, 321-332.

[363] Пророчество Петра о будущем Москвы, отделенное в Степенной книге от текста самого жития, скорее всего, написано не ранее начала XVI века

чертой, отличающей московское житие от тверского, является подчеркнутый провиденциализм первого: будущий святой был отмечен Богом уже во чреве матери[364], поставление Петра в святительский чин сопровождается чудесами. В этом смысле позднейшее пророчество Петра (пророчество есть уже в редакции жития Петра Киприана, но без «видения горы») о будущем Москвы и княжеского дома Ивана Калиты находит свое соответствие в пророческом сне, приснившемся матери Петра[365].

В свою очередь, в пророчестве Петра можно увидеть теорию Москвы – Третьего Рима (если, конечно, они не принадлежат одному времени – первой трети XVI века).

Подобно тверскому житию, московское житие носит отчетливый полемический характер: в тверском произведении осуждался московский князь Юрий, а в московском – тверской епископ Андрей, «оклеветавший» Петра. Но в обоих случаях осуждение политического противника нюансировано: тверской текст видит главный источник зла в татарах, а не в москвичах, а Петр, в свою очередь, прощает тверского епископа, утешая его словами, что виноват не он, а дьявол (татарская тема в житии Петра упоминается лишь намеком на «нужу от поганых»).

Татарская тема более подробно рассматривается в другом московском тексте, описывающем поездку в Орду преемника Петра – Феогноста. Краткое сообщение летописи под 1342 годом, где сообщается, что митрополиту пришлось выплатить хану и его двору 600 рублей, чтобы вырваться из заточения в Орде, где митрополита держали, требуя «полетную», т. е. годовую дань, в Степенной книге превращается в длинный рассказ под заголовком «Страдание преосвященного Феогноста митрополита о дани

---

[364] Мотив, который будет развит в Житии Сергия Радонежского редакции Пахомия Логофета; другое сходство с житием Сергия имеется в киприановой редакции жития Петра: Петру долго не давалось книжное учение, пока некий муж в святительских одеждах не налил ему в гортань «некую сладость».

[365] В редакции Прохора: «Да егда ношаше мати его младенець во утробе, и виде сон тако: агнец доброзрачен на руку своею, имущи на рогу своею древо, различный цвет имуща, и не домыслящися о сем, что се боудет».

церковной». Рассказ подчеркивает стойкость митрополита, который, несмотря на все истязания и несчастья, случившиеся с ним в Орде, отказался выплачивать ежегодную дань, ограничившись единовременной выплатой «и тако, яко непобедимый воин с одолением возвратился во свояси»[366].

Несмотря на то, что рассказ о Феогносте из Степенной книги, вероятно, поздний, – в московской книжности всегда важно не столько время сообщения, сколько его временное отнесение – в нем все же заметно стремление московских книжников противопоставить своих мучеников в Орде – тверским, митрополитов – князьям. При этом, в отличие от тверских князей, митрополиты возвращаются из Орды живые и с победой.

Это стремление еще более заметно в аналогичном рассказе о второй[367] поездке в Орду митрополита Алексея (1357 г.), когда московский князь Иван Иванович, устрашившись «буйства» и немилосердия нового ордынского хана Бердибека, угрожавшего воевать русскую землю и пленить христианство, посылает в Орду митрополита Алексея, «яко некоего победника великого». Митрополит Алексей без страха пошел в Орду и вел там себя настолько «святоразумно», что сами татары «похвалиша мужественный смысл его»[368].

Характерно, что если в первом рассказе Феогност, хотя и уподоблен непобедимому воину, защищает от ордынских притязаний только церковь, то Алексей уже определенно берет на себя княжеские прерогативы, т. е. выступает защитником своей земли, причем защитником успешным. Между тем, пославший в

---

[366] ПСРЛ. 21.2, 346.

[367] Степенная книга говорит о «втором шествии во Орду святаго Алексея» на основании ошибочного указания пахомиевской редакции жития Алексея (весь эпизод в Степенной – это расширенный пересказ соответствующего эпизода у Пахомия). Согласно летописным свидетельствам поездка была одна – Алексей поехал в Орду при Джанибеке и вернулся уже при его сыне Бердибеке (ПСРЛ. 8, 10;10, 230); Ключевский. Древнерусские Жития... С. 139; Н. Шляков. Житие св. Алексея митрополита московского в пахомиевской редакции // ИОРЯС. СПб., 1914, т. 19, кн. 3, С. 97).

[368] ПСРЛ. 21.2, 355.

Орду Алексея московский князь Иван Иванович (1352 – 1359 гг.) – это первый из московских князей, удостоившихся небольшой летописной эпитафии, в которой князь, краткое княжение которого не отмечено почти никакими событиями, назван «благоверным, и христолюбивым, и кротким, и тихим, и милостивым»[369] – эпитетами, более соответствующими не воинскому, а священническому чину. Этого первого отмеченного летописью князя можно назвать прообразом позднейшего типа «тишайшего» московского царя.

Что же касается жития митрополита Алексея, взятого как целое, то оно во многих отношениях продолжает традицию, обозначенную житием Петра. Причем касается это и содержания, и истории текста, т. е. развития ранней краткой редакции пермского епископа Питирима[370] в более развернутую, написанную Пахомием Логофетом[371]. Разница обоих редакций жития Алексея и краткого жития Петра лишь в том, что обе редакции отстоят от смерти Алексея более чем на 70 лет и содержат в себе едва ли не меньше фактов из жизни святого, чем жития митрополита Петра. Все редакции жития Алексея написаны по агиографическому стереотипу (детство: «из млада Бога возлюби» – раннее пострижение – учение – поставление в епископы и далее в митрополиты, причем, как и в житии Петра, выделен эпизод поездки Алексея в Константинополь по морю с прекращением шторма молитвой – святительская деятельность – кончина) с усилением в редакции Пахомия значения предопределения в жизни Алексея (пророческий сон отрока Алексея при ловле птиц с очевидными евангельскими ассоциациями)[372].

При этом, как и в случае с житием митрополита Петра, из жития Алексея практически исключена его весьма активная

---

[369] ПСРЛ. 10, 230.
[370] ПСРЛ. 8, 26–28.
[371] Шляков Н. Житие св. Алексия митрополита московского в пахомиевской редакции // ИОРЯС. СПб., 1914, т. 19, кн. 3, С. 85–152
[372] Шляков. С. 109

политическая деятельность: Алексей, будучи из рода московских бояр, вел энергичную промосковскую политику, не останавливаясь перед отлучением от церкви враждебных Москве князей, как он поступил, например, в 1370 году с тверским князем Михаилом Александровичем (ранее этот же князь был схвачен в Москве, доверившись гарантиям Алексея). В1372 г. в тюрьме у Алексея сидел другой тверской князь – Иван Михайлович, выкупленный Дмитрием в Орде. Можно лишь присоединиться к словам современного исследователя о том, что «Алексей полностью превратил пост митрополита в орудие московской политики»[373], что, возможно, изменило в свою очередь политику Константинополя в отношении московской (киевской) митрополии[374].

Но в «Житие» политическая деятельность Алексея не попала даже в полемически окрашенном, отретушированном виде. Здесь, вероятно, сказалась особенность московской книжности, которую можно назвать «повествовательным квиетизмом», когда из рассказа устраняется – вернее, сводится к необходимому соответствующей социальной роли минимуму – действие героя – и сохраняется лишь его внутреннее благочестие. В московских житиях напрасно было бы искать то, что можно назвать жертвенным подвигом – почти все происходящее с героями московской житийной литературы (за исключением желания постричься, т. е. уйти от мира) происходит помимо их воли и даже против их воли. Провиденциализм и квиетизм дополняют здесь друг друга и хорошо подходят под

[373] Клюг. С. 197.

[374] Речь идет, прежде всего, о назначении последующими митрополитами греков. Впрочем, Дм. Оболенский в своем исследовании церковных отношений Византии, Киева и Москвы цитирует грамоту, утверждающую поставление Алексея (опубл. в Acta Patriarchatus Constaninopolitani, I pp. 336–340), согласно которой следующими митрополитами после Алексея могут быть только греки (Dimitri Obolensky Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations //Dumbarton Oaks Papers, Vol. 11 (1957), P. 38). Это говорит о том, что решение Константинополя могло быть и не связано с промосковской политикой Алексея.

биографический жанр, присущий житийной литературе московской традиции.

Но полемический – конкретнее антитверской – аспект в житии Алексея, как и в житии Петра, все же присутствует, причем даже усиливаясь в редакции Пахомия по сравнению с редакцией Питирима. В обеих редакциях в качестве хронологического ориентира даты рождения Алексея упоминается «убиение Акинфово» – гибель тверского боярина под Переславлем в 1304 году. Столкновение тверской и московской рати под Переславлем (первый случай военного конфликта Москвы и Твери, ранее выступавших как политические союзники), закончившееся поражением тверичей и гибелью их предводителя боярина Акинфа (московский князь Юрий Данилович и тверской князь Михаил Ярославович спорили в это время в Орде за владимирское княжение), стало событием, значение которого проявилось лишь впоследствии: сохранение за Москвой этого города обеспечило московским князьям решающий перевес в последующей борьбе с Тверью за владимирское княжение. Здесь можно вспомнить и церковный собор в Переславле, судивший Петра, исход которого мог быть иным, если бы город не находился под властью московских князей. Хотя событие 1304 года никакого отношения к рождению Алексея не имеет, в редакции Пахомия оно не просто упоминается, а подробно пересказывается, как своего рода выпад в сторону Твери, независимости которой оставались считанные годы.

Существует определенный параллелизм между рассказами о тверских князьях – Михаиле Ярославовиче и Александре Михайловиче – с одной стороны, и между московскими повестями о киевских митрополитах Петре и Алексее – с другой. В обоих случаях вторая повесть как бы следует по стопам первой, оставаясь своего рода контрапунктом по отношению к княжеству-сопернику и его литературной традиции. Однако с появлением новых действующих лиц: тверского князя Михаила Александровича, московского князя Дмитрия Ивановича и митрополита Киприана, московско-тверская антитеза как оппозиция героев,

принадлежащих светской и духовной власти, заметно усложняется. Победа московского князя Дмитрия Ивановича над Мамаем воспринималась последующей московской историографией и политической традицией как важнейший обосновывающий фактор первенства Москвы и московского княжеского дома. Сами по себе политические успехи Москвы в борьбе с сопредельными княжествами, подчинение их в той или иной степени своей воле («и все князи Русстии даны ему в руце», как сказано о Симеоне Гордом в Вологодско-Пермской летописи)[375], присоединение к своему княжеству новых территорий всего лишь расширяло московский удел, но не делало Москву и ее князя средоточием Руси. Для этого нужна была победа московского князя над внешним противником, угрожающим не одной Москве, но «всему христианству». В свою очередь, и победа эта получала свое значение лишь тогда, когда она сопровождалась процессом «собирания земель» Москвой. Вероятно, это и есть причина, по которой Куликовская битва получила признание в московской книжности не сразу; правильнее сказать, что ее значение в летописях и литературе увеличивалось по мере территориального роста Московского государства.

Но это означало признание московской книжностью определенного значения за воинской доблестью и другими добродетелями, присущими князю, – близкими той традиции, которая была выработана Тверью. С другой стороны, несмотря на очевидное нежелание Дмитрия видеть митрополитом грека Киприана, московская книжность XV – начала XVI века стремилась восстановить – пусть не на уровне летописных свидетельств, но хотя бы на уровне включенных в летопись «повестей» – ту «симфонию» духовной и светской власти, без которой, с позиции средневековой политической мысли, были бы невозможны победа над врагами и само существование государства. Этому стремлению

[375] ПСРЛ. 26, 114. В Никоновской летописи этих слов нет. Точно также нет там и определения Ивана Калиты (под 1340 годом, т. е. в эпитафии князю) – «Господарь мира христианского и земли Русской», имеющегося в Рогожской и Симеоновской летописях (ПСРЛ. т. 15. 1, 52–53; ПСРЛ. т. 18, 93).

способствовала не только сложившаяся уже московская историографическая традиция, отдававшая первенство митрополиту: сами события, казалось, указывали на правильность этой стратегии. Несостоявшийся поход Тимура на Русь (1395 г.) – что объяснялось на Руси заступничеством Богоматери и святых по молитвам духовных отцов – неизбежно принижал политический вес князя и повышал вес митрополита, как бы указывая на то, что истинная сила государства – не войско, а вера и благочестие. «Повесть о Темир Аксаке» (Тимуре) испытала ту же судьбу, что и повести, связанные с Куликовской битвой: начавшись с лаконичного летописного сообщения, она выросла в Лицевом своде до пространной повести о Сретении Владимирской иконы Богородицы.

3

Изменения, произошедшие в тверской книжности конца XIV–начала XV веков проявляются, прежде всего, в том, что можно назвать уменьшением идеологического компонента произведения. «Повесть о преставлении князя Михаила Александровича», возможно, и писавшаяся для предполагаемого жития князя, скорее открывает собою жанр «повестей о кончине», своего рода развернутой эпитафии. Самый известный (или во всяком случае самый длинный) пример такого рода, взятый из последующей московской книжности – летописная повесть о смерти Василия Третьего. Еще менее подходит в качестве материала для жития небольшой рассказ о смерти тверского епископа Арсения (впоследствии канонизированного), с его натуралистическими деталями описания последних часов епископа «лежит безгласен, и нечувьствием истязаяся и трепеща, приемля за пищу алкание, за питие жажду, за покой болезнь...»[376]. Тверь, отказавшаяся к концу XIV века от борьбы за владимирское княжение, но сохранившая независимость, использовала свою книжность скорее для

[376] ПСРЛ. 11, 211.

напоминания читателям о «великой тверской свободе», чем в качестве оружия в полемической борьбе.

Изменения, произошедшие в тот же период в московской книжности представляются более серьезными, хотя при ближайшем рассмотрении можно скорее говорить об усложнении традиции, чем о радикальном ее изменении.

Как уже упоминалось, в московской книжной традиции, описывающей промежуток от 1327 года (первая редакция жития митрополита Петра) до 1378 года (смерть митрополита Алексея), главным героем повествования оказывается митрополит, в то время как князь почти не выходит из его тени. При этом характерно, что последующая московская письменность не стремилась «скорректировать» в пользу князя это отношение, но наоборот, еще больше подчеркивала его[377]. Новая расстановка сил (ослабление Орды и Византии, усиление Москвы), новые действующие лица (одинаково упорные в достижении своих целей Дмитрий и Киприан) и, наконец, новые события (снискание московскими князьями воинской славы, которой им не хватало для легитимизации своих политических амбиций) существенно обогатили московскую литературную – в широком смысле слова – традицию.

Произведения московской письменности, затрагивающие промежуток от 1378 до 1406 года (года смерти Киприана), можно, в контексте рассматриваемой эволюции политической идеи, разделить на три типа: произведения, где центром повествования является митрополит; произведения, где такую же роль играет князь; наконец, произведения, где присутствует и князь, и митрополит.

К произведениям первого типа принадлежат, прежде всего, тексты автобиографического или полуавтобиографического характера, написанные самим Киприаном. Сюда относится написанная Киприаном расширенная редакция жития Петра, где

[377] См. примечание 19.

Киприан помимо прочего утверждает своего рода преемственность митрополичьей власти: по молитве Киприана Петр помогает добраться из окруженного врагами Константинополя («море убо латиною обдержимо, земля же и суша обладаемы безбожными турками»[378]) в Москву, где его принял, наконец, князь Дмитрий. Сохранилось также несколько личных посланий Киприана, в том числе послание игуменам Сергию и Федору, а также его «Прощальная грамота» (летопись с некоторым недоумением приводит киприанову «грамоту незнаему и страннолепну яко прощальную»[379] с ее таинственным «философским написанием» (последнее упоминается только в Никоновской летописи)[380].

Оценивая вклад Киприана в русскую литературу, исследователи акцентировали внимание на витиеватости и риторическом многословии стиля Киприана, особенно проявившихся в его редакции жития Петра и усвоенных впоследствии русской книжностью; но к этому можно добавить, как представляется, его более важный вклад: привнесение в литературу речи от первого лица. Писательское «я» у Киприана выходит за традиционные границы жанров поучения и административного документа. Оказавшись в длительном конфликте со светской властью и осознавая неустойчивость своего положения, Киприан оказывается вынужденным прибегнуть к

---

[378] ПСРЛ. 21.2, 331

[379] Так грамота названа в своде конца XV века (ПСРЛ. 25, 234).

[380] «И сие после написа философскы... како исчезе мудрование, како сокрыся слово, како разставися сугубое, како утаися вскоре тричастное, погибе четвертое же, растле пятое без дыхания и мертво? увы страсти! увы субубаа десяторица погыбе и по седьмый и восьмая же будущего воображает растворения; земля убо наше смешение, земля же покрывает и паки земля возстание. Увы страсти, увы мне! Наг изидохом на плач, сый младенец, наг и отойду паки...» (ПСРЛ. 11, 197). Этот текст, который появляется только в Никоновской летописи, несомненно не является поздней припиской, а вероятнее всего, принадлежит самому Киприану – сводчик, очевидно, просто не понимал текст, но включил его в летопись из почтения к авторитетному духовному лицу. Это означает, на мой взгляд, что прибавления, появившиеся в поздней редакции летописи, могут включать в себя не вторичный, а вполне аутентичный текст, находившийся ранее вне летописи.

помощи личного письма, к которому, в иной, конечно, ситуации, но, возможно, по его примеру будет прибегать и светская власть (например, Иван IV в своих известных посланиях).

Среди новых для московской традиции текстов о князьях прежде всего следует упомянуть «Повесть о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича царя Русскаго»[381]. Этот текст, датируемый исследователями в довольно широком диапазоне (от первой до последней четверти XV века[382]; из этих вариантов лучше аргументированной представляется ранняя датировка)[383], привлекался выше (глава 3.5) для сравнения с тверским «Похвальным словом» инока Фомы в отношении присущей обоим текстам географической и политической терминологии. Но в жанровом отношении повести о Дмитрии Ивановиче ближе другая

---

[381] Самый полный текст содержится в Софийской Первой летописи (ПСРЛ т. 6. С. 104–111). Текст Никоновской, однако, представляется более близким к первоначальному, поскольку в нем имеется упоминания митрополита Пимина.

[382] А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, Царя русьскаго» // ТОДРЛ. т. 17 М.-Л., 1961 (считает время создания повести близким к 1389 году); В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго. // ТОДРЛ, т. 5. М. Л. 1947 (датирует «Слово» серединой XV века); М. А. Салмина Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго // ТОДРЛ, т. 25, М-Л. 1970 (относит «Слово» к концу 40-х гг. XV века); Charles J. HalperinText and Textology: Salmina's Dating of the Chronicle Tales about Dmitrii Donskoi // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 79, No. 2 (Apr., 2001), P. 248–263 (Ч. Гальперин датирует «Слово» третьей четвертью XV века).

[383] В «Слове» редакции Никоновской летописи к перечислению лиц, присутствовавших при погребении Дмитрия, добавлено упоминание Пимина: «... а Пимин, митрополит всея Руси бысть тогда в Цареграде» (ПСРЛ. 11. 117). Формулировка «всея Руси» указывает, вероятно, на позднюю редакцию записи, но Пимин, который был рукоположен митрополитом в Константинополе в июне 1380 года, низложен в 1389 году и умер спустя несколько месяцев после Дмитрия, не упоминается в повестях куликовского цикла (в ранних редакциях митрополит не упоминается, в поздних упоминается Киприан), что, на мой взгляд, является косвенным свидетельством более раннего происхождения «Слова».

«Повесть о преставлении» – его старого соперника тверского князя Михаила Александровича.

Обе повести не являются житийными, но повесть о московском князе, можно сказать, находится ближе к житию, делая акцент на благочестии Дмитрия («пустошных бесед не творяше, глумления и играния не любяше, срамных словес отбегаше», «на престоле царском сидяще и царскою багряницею одеяшеся, а на голом телесе власяницу носяше и во мнишеский образ по вся часы облещися желаше»), не забывая, впрочем, и о его воинских добродетелях («всегда во бранех страшен являшеся»).

Князь, могуществом сравнимый с царями, а душой принадлежащий монашеству (образ, заставляющий вспомнить о византийском императоре/монахе Иоанне Кантакузине), олицетворяет собой центр светской и духовной власти, что не вполне соответствует образу князя в традиционном смысле и, возможно, является свидетельством наложения и смешения различных традиций, усваиваемых московской книжностью. «Повесть о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» стремится к тому, чтобы дать портрет идеального князя, но идеальный князь в Москве совсем не то же самое, что идеальный князь в Твери. И дело здесь не в различии характеров или исторической репутации Михаила Александровича и Дмитрия Ивановича – повествования о том и другом неизбежно оказываются вписанными в уже существующий политический проект, обосновывающий ту самую власть, которая и делает их объектами, достойными описания и похвалы.

Впрочем, выше высказывалось предположение, что «княжеский стиль» культуры проявляет себя не только в повествовательном жанре, но также и других областях, например, в изобразительном искусстве. Небольшое сказание о явлении ангела вдове князя Дмитрия – княгине Евдокии (в иночестве Ефросинье)[384] – интересно тем, что традиция соотносит это

[384] ПСРЛ. 11, 199–200.

сказание с сохранившейся иконой архангела Михаила из Архангельского собора Московского кремля.

Согласно сказанию, за некоторое время до смерти Бог послал княгине ангела «многие ради ея добродетели», чтобы возвестить ей об этом. Увидев ангела, княгиня потеряла дар речи («многие дни бяше молча») и лишь знаками – «маянием» – попросила иконников изобразить подобие явившегося ей ангела. Иконники нарисовали одного ангела, затем второго – княгиня знаками просила их продолжать – и только в третьем она признала подобие того, кто явился ей, вновь обретя при этом речь.

Явление божественного посланника, облеченного неземным могуществом, с суровым взглядом, с мечом и в доспехах – что может лучше соотноситься с княжеским стилем в иконографии? Но в московской школе иконописи этот стиль, очень близкий иконам, атрибутируемым в настоящее время как иконы тверской школы (см. главу 4.2), не мог надолго удержаться и тем более стать главенствующим, поскольку основания московской культурной традиции были иными, и новые смешивались с уже существующими, давая различные сочетания.

Примером здесь могут служить как раз такие повествования, которые включали в себя и князя, и митрополита. Это, конечно же, повествования о значимых исторических событиях – причем значимость их подчеркивается тем, что в летописях переживающего этап становления московского государства имеется множество редакций этих событий, которые таким образом снова и снова утверждали свою актуальность. Речь идет, как уже говорилось, о Куликовской битве и несостоявшемся походе Тимура на Русь. Для грандиозного итогового московского летописного проекта – Лицевого свода – оба события имеют одинаково большое значение (каждому из них посвящена обширная повесть), сравнимое разве что с взятием Казани. Значимость этих событий, призванных продемонстрировать богоизбранность Руси, для московской книжности XVI века (а большинство летописных известий сохранилось в редакции/рукописях XVI века) была

несравненно выше, чем для историографии предшествующих и последующих времен.

Относительно летописной повести о Куликовской битве в поздних летописных редакциях (Никоновской летописи и Лицевом своде) текстологический анализ показывает[385] смешение в них двух источников, получивших у историков литературы название «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище». «Летописная повесть» в свою очередь делится на две редакции: краткую (раннюю) и обширную (позднюю). В летописных сводах XVI века «Сказание» и «Летописная повесть» в ее обширной редакции были соединены в еще более пространное повествование, которое для терминологического различения назовем «Эпическим». Краткая редакция повести сохранилась в Симеоновской и Типографской летописях, а обширная – в I Софийской, IV Новгородской и в Летописном своде 1497 года. Эпическая редакция имеется в Никоновской летописи и Лицевом своде.

«Сказание» в свою очередь, существует в нескольких редакциях[386] и относится большинством исследователей к концу XV – XVI века[387] (хотя есть мнения в пользу более ранней датировки). Несмотря на большое количество сведений, не встречающихся в «Летописной повести», поздняя датировка «Сказания» в данном случае представляется оправданной уже в силу сюжетной оформленности этого произведения, его литературного совершенства. В дальнейшем «Сказание» будет рассматриваться лишь через эпическую летописную редакцию XVI века, на которую оно оказало значительное влияние.

Краткая и обширная редакции «Летописной повести» носят выраженный «княжеский» характер, причем обширная даже в большей степени, чем краткая. Достигается это, во-первых, тем, что в расширенной редакции подробно описывается личное участие

---

[385] М. А. Салмина. К вопросу о времени и обстоятельствах создания "Сказания о Мамаевом побоище" // ТОДРЛ т. 56. СПб. 2004.
[386] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. С. 371–384.
[387] См. Салмина. К вопросу ... С. 251–253.

князя в битве: несмотря на увещевание «многих князей и воевод», Дмитрий становится перед битвой «напереди всех» выражая желание «главу свою положити за свою братию и за все християны, да и прочие то видевше примут с усердием дерзновение»[388]. Во-вторых, через все описание событий, предшествующих битве, проходит противопоставление двух князей – московского Дмитрия и рязанского Олега, «лукавааго кровопийца християнского, нового Июды предателя», что также характерно для княжеских повестей, где хороший князь всегда противопоставляется плохому. В краткой редакции летописной повести также говорится, что Олег «посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал»[389], но Дмитрий, как и читатель, узнает об этом только после сражения, что с повествовательной точки зрения не очень удобно, поскольку не позволяет сделать из Олега полноценного «антигероя» – Святополка княжеского повествования.

Что же касается эпической редакции «Летописной повести», то смысловые изменения в ней заключаются отчасти в увеличении роли духовных лиц, отчасти в изменении акцентов при описании самого сражения. Если в краткой «Летописной повести» упоминается лишь благословивший Дмитрия коломенский епископ Герасим, в обширной – помимо Герасима говорится также о записке св. Сергия, полученной Дмитрием накануне битвы, где Сергий благословляет Дмитрия, «веля битися ему с Татары»[390], то в эпической редакции Никоновской летописи Дмитрий, узнав о «нахождении» Мамая советуется с Киприаном, и митрополит советует ему собирать войска. Затем тот же Киприан советует Дмитрию попробовать откупиться от Мамая данью, и, наконец, при получении вести о присоединении к Мамаю Олега и Ягайла, вновь благословляет Дмитрия собирать воинство. Затем Дмитрий посещает монастырь св. Троицы и получает благословение от

[388] ПСРЛ. 25, 204.
[389] ПСРЛ. 18, 130.
[390] ПСРЛ. 25, 202.

Сергия. После чего Дмитрий вновь благословился у Киприана, «поведа ему единому» о том, что сказал ему Сергий. Во всем рассказе о подготовке к битве Дмитрий играет главную роль, но при этом он не предпринимает никаких действий, не получив благословение у своего духовного отца Киприана. Соответственно, меньшую роль играет в эпической редакции Никоновской летописи Олег рязанский, поскольку акцент в тексте ставится теперь не на антитезе хорошего и плохого князей, а гармонии духовной и светской властей.

В описании кануна сражения повествование эпической редакции с ее многочисленными заимствованиями из «Сказания» прибегает к языку примет и пророческих видений, при этом устрашающим приметам (крику воронов, вою волков) противопоставлены ободряющие видения (видение Дмитрием Боброком двух плачущих «жен», видение Василием Капицей митрополита Петра, прокалывающего жезлом «множество эфиоп»). По той же модели описано начало сражения: на вызов татарского богатыря отвечает инок Троицкого монастыря Пересвет, убеждая князя «не смущаться», он выступает против татарина, будучи как бы представителем Киприана и Сергия на поле боя. По той же схеме описывается и сам бой: первоначальный успех татар оборачивается их поражением, когда в дело вступает засадный полк (не упомянутый в предшествующих летописных редакциях, но фигурирующий в «Сказании»); причем и здесь ключевую роль играют приметы: Дмитрий Боброк не дает приказа о выступлении, пока встречный ветер не сменяется попутным, «понужая их изыти на татар».

При этом в тексте сохраняются указания на личную доблесть Дмитрия (текст Никоновской буквально воспроизводит соответствующие строки из обширной редакции, цитированные выше), но эти указания вступают в определенное противоречие с теми местами текста, где говорится о том, что Дмитрий обменялся доспехами с Михаилом Бренком, о долгих поисках великого князя на поле боя, и наконец, самим рассказом о решающей роли в успехе

битвы засадного полка. Нельзя сказать, чтобы текст Никоновской специально принижал доблесть Дмитрия, он, скорее, вводит ее в общий перечень факторов духовного порядка, без которых победа над врагом невозможна. Моралью повести можно считать слова Дмитрия о Мамае, обращенные к митрополиту Киприану: «он бо вознесся гордостью, мы же смирением».

Сама по себе идея гармонии светской и духовной (княжеской и митрополичьей) власти, получившая свое воплощение в «Сказании о Мамаевом побоище» редакции Никоновской летописи заключает в себе богатые возможности для построения интриги и включения в текст событийности по следующей модели:

1) князь смущен вызовом со стороны неприятеля;
2) князь получает духовное утешение и поддержку;
3) князь действует и побеждает.

Но другие московские летописные повести, развитие сюжета которых относится к тому же примерно времени, что и развитие повестей о Куликовской битве, свидетельствуют о том, что гармония светского действия и духовной поддержки гораздо чаще смещалась в сторону поддержки-утешения и в ущерб действию, что вновь отодвигало московского великого князя в тень, отбрасываемую благочестием святителей. Речь идет, прежде всего, о «Повести о Темир-Аксаке», которая уже в московском своде конца XV века называется «Словом о чудеси пресвятыя Богородица, егда принесена бысть икона честнаго образа ея, юже написа Лука Еуангелист, из града Володимира в славный сей град Москву»[391]. Хотя некоторые исследователи[392] видят в различных редакциях повести великокняжескую и митрополичью версии событий 1395 года, следует, очевидно, признать, что сама событийная основа повести предполагает изложение скорее в митрополичьем, чем в княжеском духе. «Темир Аксак» покинул

[391] В более поздних сводах название незначительно изменяется.
[392] В. П. Гребенюк. Святитель и князь. К вопросу о роли митрополита Киприана и великого князя московского в событиях 1395 г. // ТОРДЛ, т. 50, СПб. 1996 г.

русские пределы, даже не видя московского войска, не говоря уже о сражении, и поэтому воинская доблесть князя Василия Дмитриевича едва ли могла стать предметом повествования (хотя редакция Лицевого свода отдает должное мужеству князя, который, услышав о неприятеле, «не ужаснуся, ни устрашися»)[393].

Правда, «великокняжеская версия» как будто отдает князю инициативу переноса иконы Богородицы из Владимира в Москву: князь сообщил митрополиту «свой помысл»[394], но в большинстве редакций повести решение, все же, принимается совокупно (великий князь Василий Дмитриевич, митрополит Киприан и «прочии князи» «умыслиша совет благ»). В Лицевом своде, чтобы подчеркнуть важность принятого решения, самому совету придается чудесный характер: великий князь находился с войском уже на Оке, а митрополит оставался в Москве, когда «яко от Бога неким извещением, единое благое дело яко вкупе помыслиша»[395]. Также в различных редакциях имеется некоторое разногласие относительно того, кому принадлежит инициатива установления праздника Сретения: в некоторых вариантах Киприан «свещевает и глаголет великому князю: «не подобаше, о сыну, забвене быти толицей божьей милости»[396], в других решение вновь принимается через «совет благ»[397].

Но эти разночтения, повторюсь, не имеют, на мой взгляд, большого значения, поскольку они не влияют на общий смысл повести о Темир-Аксаке: русскую землю защищает не воинская доблесть, даже не доблесть плюс небесная помощь, а заступничество Богоматери и святых (в описании видения, устрашившего Тимур-Аксака, говорится, что он увидел «яко гору высоку вельми и сверху горы идяху к нему святителие, имуще

[393] ПСРЛ. 11, 249.
[394] ПСРЛ. 11, 159
[395] ПСРЛ. 11, 249.
[396] ПСРЛ. 8, 68; 25, 225.
[397] ПСРЛ. 11, 161, 253

жезлы в руках своих и претяще ему зело»[398]. Жезлы святителей непосредственно ассоциируются с жезлом митрополита Петра в видении Василия Капицы, а гора – с горой в видении Ивана Калиты, показанном ему Петром, где гора «подобие образует твоего благородия высочайших добродетелей исправление и Богом дарованное ти отеческаго скипетрадержание крестоносныя хоругви Руськаго царствия величества»[399].

Таким образом, московская историография, поднимается, через разработку сюжета о несостоявшемся походе на Русь Тимура к идее божественного избранничества Руси и в особенности Москвы – нового местопребывания иконы Богоматери, написанной евангелистом Лукой, – и вновь возвращается к той летописной повествовательной форме, от которой она, казалось бы, отошла. Во всяком случае, смерть преемника Дмитрия Донского – великого князя Василия Дмитриевича – отразилась в летописях лишь краткими записями, в отличие от смерти Киприана, о чем говорилось выше.

События конца XIV и до 40-х годов XV века московская книжность (и современная, и более позднего периода) описывает в традиционном для себя стиле, делая героем вставных летописных повестей митрополитов, а о князьях говоря лишь в кратких сообщениях. Так, преемник Киприана митрополит Фотий – герой нескольких небольших повествований «киприановского стиля». Например, поэтичной повести об озере Сеньга[400], где митрополит больше четырех недель скрывался от татарского набега Талыча (1411 г.). В своем изгнании митрополит «чясто приходя и смотрая лесы великии и дебри пустынные и непроходимые и молчание велие»[401]. Фотий является героем еще двух летописных повестей: о попытке литовского князя Витовта поставить особого киевского митрополита (1414 г.) и о явлении Фотию ангела (1430 г.). В первой

---

[398] ПСРЛ. 11, 252.
[399] ПСРЛ. 21.1,317.
[400] Запад современной Владимирской области
[401] ПСРЛ. 11, 217

повести упоминаются два «клеветника» на митрополита; первого из них – непокаявшегося – «снеде жива» огонь во время московского пожара, второй же покаялся, после того как среди дня наступила тьма и стали видны звезды, и был прощен Фотием[402]. Вторая повесть напоминает соответствующий рассказ о княгине Евдокии: ангел является Фотию сообщить о близком окончании его жизни. Фотий, приняв ангела за грабителя, вступает с ним в разговор, но после ухода ангела «в иссуплении ума бысть от видения»[403].

Флорентийская уния, подписанная в том числе и московским митрополитом Исидором, и отказ признать ее, выраженный московским правительством, произвели новую перестановку в содержании летописных повестей, выдвинув на первое место московского великого князя, который один, по словам летописи, обличил Исидора, в то время как князья, бояре и епископы «умолчаша и уснуша и вздремаша»[404]. Полемическое произведение московской книжности, описывающее роль великого князя в обличении схизмы, было описано выше[405]. Правда, избранный на Руси митрополит Иона вновь становится героем повести житийного типа, напоминающей житие митрополита Петра, и нескольких повестей о его прижизненных и посмертных чудесах, но характерно, что все они появляются не в летописи, а в Степенной книге[406] Летописный же рассказ об участии Ионы в выдаче детей великого князя Дмитрию Шемяке, не вполне благоприятен для Ионы ввиду двусмысленности сыгранной им роли[407]. Тем не менее, Иона все же пользуется некоторым вниманием летописца, чего нельзя сказать о его преемниках, которые в качестве значимых исторических фигур исчезают со страниц и летописи, и Степенной книги.

---

[402] ПСРЛ. 11, 224

[403] Ангел обещал Фотию «седьмицу» жизни, но митрополит прожил, по словам летописи, 7 седьмиц по 70 дней.

[404] ПСРЛ. 12, 41.

[405] «Слово избранно от святых писаний иже на латыню». См, гл. 3.5.

[406] ПСРЛ. 21.2, 505, 512, 514, 517, 519–524.

[407] ПСРЛ. 12, 69,70.

О занявшем же их место великом князе повествуется не как о князе в тверском «Инока Фомы Слове похвальном», сохранившем стиль восхваления князей удельного времени, а скорее как о святителе в московской традиции. Выражается это не только в том, что великий московский князь, как в случае с Исидором, принимает на себя святительские обязанности, но и в некоторых эпизодах, которые традиционно относились к житиям святителей. Например, чудеса или необычные обстоятельства, сопровождающие рождение великого князя. Впервые летопись отмечает это в записи под 1415 годом, при рождении Василия Второго, когда «некто удари в дверь кельи» духовника великого князя, сказав, чтобы тот нарек новорожденного наследника именем Василий. Вышедши из кельи, духовник никого не обнаружил, и как выяснилось, от великого князя, у которого действительно родился сын, за духовником еще никого не посылали[408]. В своде конца XV века и Типографской летописи к этой повести приписано указание на личное свидетельство: «Мне же о том Стефан дьяк сказа...»[409].

Еще более чудесную повесть рассказывает Никоновская летопись и Степенная книга о рождении Василия Третьего: жена Ивана Третьего Софья Палеолог, совершая паломничество в Троице-Сергиеву лавру, встретила инока, «по образу быти чудотворца Сергия, имуща в руце отроча младо, мужеск пол, его же напрасно */т. е. как бы – М./* вверже в недра великой княгине и абие невидим бысть»[410]. Пророчествами сопровождается и рождение Ивана VI[411].

Иногда, хотя это и не было правилом, летопись подробно описывает кончину великого князя, а также некоторые трагические моменты его жизни, подобные тем, что описывает повесть «О злом совете Шемякином на князя Василья» – о поимке великого князя в Троицком монастыре. Не совсем забыты летописью и воинские

---

[408] ПСРЛ. 11, 226.
[409] ПСРЛ. 25, 242; 25.177.
[410] ПСРЛ. 12, 190-191; 21.2.555
[411] ПСРЛ. 21.2, 629-630.

доблести великого князя: описывая неудачную для москвичей битву с Улу-Мухаммедом, летопись все же говорит о Василии Втором, что тело его «все бито вельми, понеже бо сам мужественне добре бился бяше»[412].

4

Все эти примеры, думается, свидетельствуют о том, что в отличие от тверской историографической традиции, всегда сохранявшей верность своему главному герою – князю, соперничающая с ней московская традиция допускала княжеский стиль лишь в качестве одного из эпизодов (хотя и важного эпизода: победоносной борьбы с превосходящими неприятельскими силами – краеугольного камня в историографии любого складывающегося государства).

Главным же итогом исторического развития московской книжности к концу XV века было, во-первых, утверждение языка и самой повествовательной модели, в соответствии с которой духовные лица есть главные действующие лица истории. И, во-вторых, перенос этой модели и этого языка на московских великих князей и далее царей, оттеснив от него самих духовных лиц. То, что Г. П. Федотов называет «некоторой исчерпанностью духовных сил»[413], следовало бы назвать изменением вектора их приложения в направлении, которое сам Федотов называет «православное царство». При этом никто не думает переписывать историю Москвы удельного периода: московские великие князья и цари всемерно укрепляют культ первых московских митрополитов и опираются в своих действиях на их авторитет. Согласно многочисленным летописным упоминаниям, авторитет митрополита Алексея и особенно Петра в первой половине XVI века кажется непререкаемым. Однако в связи с присоединением Казанского ханства и началом Ливонской войны в летописях

---

[412] ПСРЛ. 12, 65.

[413] Как пишет далее Г. В. Федотов, «XVI век в русской церкви уступает XV бесспорно, в том, что составляет сердце церковной жизни – в явлении святости» Г. В. Федотов. Святые Древней Руси. М. 1990. С. 351.

начинают чаще упоминаться не московские святые, ассоциирующиеся с удельным прошлым Москвы и ее зависимостью от Орды, а святые «вселенские» – прежде всего св. Николай Мирликийский, апостолы Петр и Павел[414].

Таким образом, сравнение политических проектов Твери и Москвы, рассмотренное в виде некой исторической траектории показывает, что, изначально различные (житие Михаила Ярославовича и житие митрополита Петра), они к концу XIV века обнаружили тенденцию к взаимному сближению (повести о тверском князе Михаиле Александровиче и московском князе Дмитрии Ивановиче), чтобы к середине следующего столетия окончательно разойтись (тверское «Инока Фомы Слово похвальное» о тверском князе Борисе Александровиче и группа летописных повестей о московском князе Василии Васильевиче).

При этом следует заметить, что тверская книжность на поздних этапах («Инока Фомы Слово похвальное») в какой-то мере утеряла ту историчность, которая была ее отличительной чертой при складывании тверской литературной традиции. «Слово похвальное», как уже упоминалось в разделе, посвященном анализу этого памятника, ограничивает предысторию княжения Бориса Александровича ближайшим прошлым, явно избегая широких

---

[414] Согласно Степенной книге, собор московских святых в последний раз приходит на помощь жителям столицы в 1521 году, во время нападения Махмеда Герая (ПСРЛ. 21.2.600), когда молящимся в Новодевичьем монастыре было видение «собора светолепных мужей в освященных одеждах: многия митрополиты и епископы, в них же познаваемы бяху великие чюдотворцы: Петр и Алексей и Иона и Леонтий Ростовский и иные многие...». Святители, впрочем, собирались уйти из города, поскольку «людие страх божий презреша и а Заповедях Божиих нерадеша». В казанском же взятии русскому войску помогают уже апостолы и святые вселенской церкви: «...верховнии апостоли Петр и Павел и прочии мнозии святии с ними же и великий во святителех чюдотворивый Николае по воздуху ходяху...» и т. п. (ПСРЛ. 21.2, 644–645). Икона св. Николая помогает русским взять Ругодив (Нарву): «немчин» попытался варить пиво на шепках из иконы; появившееся пламя спалило весь город, и русские без труда взяли его (21.2, 658). Повторюсь: ни в казанской взятии, ни в Ливонской войне помощь московских святых источниками не упоминается.

исторических перспектив. Московская же книжная традиция, относящаяся к тому же самому времени, т. е. к середине XV века, напротив, максимально усилила значимость исторической перспективы, сохранив при этом мысль о предопределенности своей славы среди городов русских, отдельные намеки на которую присутствовали уже в первой версии Жития митрополита Петра.

Но главное отличие тверской и московской литературных традиций осталось неизменным, оно – в устойчивости типов их главных героев. Для Твери это князь, как на ранних, так и на более поздних этапах существования тверской книжности. Для Москвы же это вначале митрополит, а затем – великий князь, заимствовавший многие черты, присущие митрополиту. Это различие главных героев неизбежно влекло за собой различие сюжета летописных и житийных повестей, различный стиль в описании происходящих событий. Можно сказать, что тверская и московская книжность, а в каком-то смысле и политическая практика, усвоили себе различные части византийской политической модели, и этот выбор не был, конечно, результатом литературных предпочтений, а следовал во многом логике политической необходимости.

Приложение 2. Города Тверского княжества: отражения в летописях

Белый Городок

Упомянут в 1375 г. среди городов, взятых Дмитрием Московским (ПСРЛ, т.11, 23, т. 4, 70, т. 8, 23).В 1565 г. взят в опричнину как «Белгород в Кашине» (ПСРЛ, т. 13(2), 395).

Вертязин (Городец Тверской, Городня)

Упомянут в 1398 г. – заложена каменная церковь Михаила (ПСРЛ т. 11, 167). В 1399 г. упомянут при разделе земель князем Михаилом Александровичем как часть удела старшего сына Ивана (ПСРЛ, т.11, 180). 1413 г. пожар в Городне, князь Александр ставит стены (ПСРЛ, т. 14, 91).

Зубцов

Упомянут в 1216 г. – взятие городка Мстиславом незадолго перед Липицкой битвой (ПСРЛ т.10, 69). 1248 г. – битва с Литвой: в отместку за смерть князя Михаила Хоробрита его братья – суздальские князья – напали на литовцев (ПСРЛ, т. 10, 137); 1286 г. – упоминание «зубчан» в союзной рати ржевичей, новоторжцев, дмитровцев, тверичей и других, выступивших против Литвы (ПСРЛ, т. 10, 166); 1297 г. – «срублен градок» (ПСРЛ, т. 10, 171); 1371 г., 1375 г. – Зубцов взят князем Дмитрием Московским (ПСРЛ, т. 11, 13, т. 11, 23); 1395 г. – пожар «в Новом городке к Зубцову»: погорела ц. Михаила (речь идет, скорее всего, о Старице) (ПСРЛ, т. 11, 157); 1399 г. – раздел земель князем Михаилом (ПСРЛ, т. 11, 180); 1492 г. – описание по-московски в сохи (ПСРЛ, т. 12, 232).

Кашин

Упомянут под 1237 г. (февраль) в списке городов взятых татарами (ПСРЛ, т. 10, 109). *В XIII веке* упомянут еще дважды: под 1288 г. (под Кашиным 9 дней стояли Даниил Московский и Дмитрий

Владимирский) и 1290 г. (заключение мира между ростовцами и тверичами) (ПСРЛ, т. 10, 167, 168.).

На протяжении XIV века Никоновская летопись упоминает Кашин 14 раз. Под 1321годом «Таянчар с Жидовином должником тягость учини» (ПСРЛ, т. 10, 187); в том же году – поход на Кашин московского князя Юрия Даниловича (ПСРЛ, т. 10, 188); под 1327 годом – взятие Кашина после убийства в Твери Щелкана (ПСРЛ, т. 10, 194); в 1346 г. кашинский князь Василий Васильевич получает ярлык на Великое Тверское княжение (ПСРЛ, т. 10, 218); дальнейшие упоминания: под 1367 г. – поход тверского князя Михаила Александровича на Кашин (ПСРЛ, т. 10, 220); 1368 г – перенос церкви в Кашине и моровое поветрие (ПСРЛ, т. 10, 221); в 1368 г. – смерть Василия Кашинского (ПСРЛ, т. 10, 221); в 1372 г. Михаил Александрович Тверской взял «окуп» с Кашина (ПСРЛ, т. 11, 17); 1373 г. – смерть Михаила Кашинского (ПСРЛ, т. 11, 19); 1375 татары Мамая взяли Кашин (ПСРЛ, т. 11, 21); 1382 г. – смерть князя Василия Кашинского (ПСРЛ, т. 11, 71); в 1395 г. – смерть Бориса Михайловича Кашинского (ПСРЛ, т. 11, 157); 1399 г. – смерть великого тверского князя Михаила Борисовича и раздел земель между его сыновьями (ПСРЛ, т. 11, 180).

В XV веке в Никоновской летописи имеется 12 упоминаний Кашина, в основном относящихся к усобицам Кашинских и Тверских князей: под 1400, 1403, 1405, 1407, 1411, 1425 гг. (ПСРЛ, т. 11, 180, 184, 188, 191, 192, 194, 218). Под 1412 годом упоминается «Змий велик и страшен», в том же году упоминается «серп из облака» (ПСРЛ, т. 11, 219, 221.). События династической войны в Московском княжестве отзываются бегством в Кашин Василия Косого, 1435 г. (ПСРЛ, т. 12, 2). В 1478 г. кашинцы участвуют в походе на Новгород (ПСРЛ, т. 12, 174), и в 1492 г. Кашин описан по-московски в сохи (ПСРЛ, т. 12, 232).

В XVI столетии Кашин упомянут дважды: под 1521 годом – как вотчина вел московского князя (ПСРЛ, т. 13(1), 37) и под 1565 г. среди земель, взятых в опричнину (ПСРЛ, т. 13(2), 380).

Клин, Круг клинский

Упомянут в 1317 г. – поход Юрия против Твери (ПСРЛ, т. 10, 181); 1409 г. Едигеева рать (ПСРЛ, т. 11, 209). В 1440 г. князь Борис Александрович ставит новый город («Слово похвальное»); 1478 г. – поход на Новгород через Клин (ПСРЛ, т. 12, 182); 1492 – г. описание по-московски в сохи (ПСРЛ, т. 12, 232); 1552 г. царь Иван Васильевич смотрит клинские леса (ПСРЛ, т. 13(1), 252); 1565 г. «круг клинский» определен в опричнину (ПСРЛ т. 13(2), 395).

Кснятин (Константин, Констянтин, Снятин)

Упомянут в 1134 г. – основан Юрием Долгоруким (ПСРЛ, т. 9, 158); в 1149 г. упомянут в войне Юрия Долгогукого и Изяслава Новгородского (ПСРЛ, т. 9, 179); 1216 г. взят князем Владимиром Псковским (ПСРЛ, т. 10, 70); 1237 г. (февраль) взят татарами (ПСРЛ, т. 10, 109); в 1288 г. взят московским князем Даниилом (ПСРЛ, т. 10, 167). В 1399 г. упомянут при разделе земель между сыновьями Михаила Александровича (ПСРЛ, т. 11, 180).

Микулин

Упомянут в 1363 г. – заключение мира микулинским (будущим тверским) князем Михаилом Александровичем и тверским князем Василием Михайловичем (ПСРЛ, т. 11, 2); В 1371, 1375 взят Дмитрием (ПСРЛ, т. 11, 13,23); упомянут в1399 г. при разделе земель сыновьями князя Михаила Александровича (ПСРЛ, т. 11, 180). В 1478 г. Иван Третий идет на Новгород через Микулин (ПСРЛ, т. 12, 172).

Опоки

Упомянуты в 1399 г. при разделе земель Михаилом Александровичем (ПСРЛ, т. 11, 180); в 1403 г. Иваном Михайловичем «заложен городок на Опоках» (ПСРЛ, т. 11, 180); в 1492 году переписан в сохи «по-московски» (ПСРЛ. т. 12, 232).

Радилов

Упомянут в 1399 г. при разделе земель Михаилом Александровичем (ПСРЛ. т. 11, 180). Местонахождение неизвестно. Э. Клюг считает, что он находился в районе озера Великого (Э. Клюг. Княжество Тверское. Тверь 1994 г. Приложение).

Родня

Упомянута в 1363 г. – литовский князь Андрей Ольгердович «воевал Хорчач да Родню» (ПСРЛ, т. 11, 10).

Святославле поле

Упомянуто в 1339 г. при описании проводов князя Александра Михайловича в Орду – неясно город это или нет (ПСРЛ, т. 10, 209).

Старица

Упомянута в Тверском сборнике под 1297 г. (ПСРЛ, т. 15, 407); 1375 г. – взята Дмитрием Донским (ПСРЛ, т. 4, 71, т.5, 234); в 1395 г. – пожар (ПСРЛ, т. 8, 65); в 1396 г. – освящена ц. Архангела Михаила (ПСРЛ, т. 6, 129); в 1399 г. – завещана Михаилом сыну Иоанну, 1454 г. – заложена ц. Николая; 1478 г. – московская рать на Новгород шла через Старицу; 1492 г. – описана по-московски, 1518 г. – дана в удел Андрею Иоанновичу (ПСРЛ, т. 6, 263). В 1534 г. – упомянута в связи с попыткой мятежа Андрея Старицкого (ПСРЛ, т.8, 293); в 1563 г. – Иоанн Грозный пирует в Старице (ПСРЛ, т.14, 54); 1564 г. – царь Иоанн в городе (ПСРЛ, т. 14, 66); 1566 г. – Иоанн меняет князю Владимиру Андреевичу Старицу на Дмитров (ПСРЛ, т.14, 96); 1569 г. – упомянута в связи с гибелью князя Владимира Старицкого (ПСРЛ, т.3, 253); в 1581 г. (в Старице?) собрана рать для похода Иоанна (ПСРЛ, т.4, 316).

Тверь

Упомянута в 1209 г. (поход на Торжок) (ПСРЛ, 1, 184); 1215 г. – Заточение новгородского посадника (ПСЛР, тт. 3, 33, 4, 20, 5, 170);

1215 г. – окрестности Твери воюют новгородцы (ПСРЛ, т. 1, 212, 3, 34, 4, 21); 1215 г. – бегство суздальцев от новгородцев (ПСРЛ, т. 1, 212 и др.…); 1237 г. – взята татарами (ПСРЛ, т.1, 223, 4, 32, 5, 173 и др.); 1231 (?) – отстроена Ярославом Всеволодовичем; после Бытыева пленения, имя от реки Тверцы, упомянуты тверичи, «побившие литву» (ПСРЛ, т.7, 245. 1245); 1254 г. – события, связанные с князем Ярославом Ярославичем; 1254, 1253, 1259, 1263 – Ярослав на великом княжении; 1264 г. – новгородцы призвали к себе князя Ярослава; 1271 г. – смерть и погребение Ярослава в церкви Косьмы и Дамиана (ПСРЛ, т. 1, 227). В 1272 г. упомянут Михаил Ярославович Тверской (ПСРЛ, т. 7, 236); 1273 г. – войны с новгородцами; 1276 г. – пожар (ПСРЛ, т .7, 183); 1281 г. – Тверь повоевана татарами и князем Андреем Городецким (ПСРЛ, т. 7, 175); 1280 г. погорел город (ПСРЛ, т. 7, 176); 1283 г. – Михаилом и его матерью Оксиньей заложена церковь св. Спаса на месте церкви Косьмы и Дамиана (ПСРЛ, т. 1, 202, 227, 4, 43., 7, 179); 1285 г. – Литва воюет Олешню (ПСРЛ, т. 7, 179); 1289 г.– поход на Тверь князя Дмитрия и новгородцев (ПСРЛ, т. 3, 65, т. 4, 44. т. 5, 201) – не дошли, взяли мир у Кашина с князем Михаилом Ярославовичем); 1291 г. – смерть Симеона, первого епископа тверского, тогда же поставлен епископом Андрей из рода литовских князей; 1290 г. – освящена церковь Спаса в Твери; 1292 г. – она расписана (ПСРЛ, т. 7, 179, т. 7, 180); 1292 г. – татары не решаются идти на Тверь (ПСРЛ, т. 7, 180); 1294 г. – нашествие Токтомера (ПСРЛ, т. 1, 207); 1293 г. – женитьба князя Михаила в церкви Спаса на дочери Дмитрия Борисовича; 1296 г. – пожар (ПСРЛ, т. 1, 208); 1298 г. – погорел княжий двор (ПСРЛ, т. 1, 208, 7, 181–182); 1300 г. – у Михаила родился сын Димитрий; 1301 г. – у Михаила родилась дочь Феодора; 1302 г. – у Михаила родился сын Александр; 1304 – в Тверь едут бояре великого князя Андрея после его смерти (ПСРЛ, т. 7, 184); 1304 г. – заключение в Твери брата Юрия – Бориса (ПСРЛ, т. 7, 184); 1304 г. – бегство в Тверь сыновей Акинфа с тверской ратью (ПСРЛ, т. 7, 184, т. 4, 46); 1305 г. – князь Михаил получает великое княжение Владимирское (ПСРЛ, т. 1,

228, т. 4, 46, т. 5, 204, т. 7, 184. и др.); 1305 г. – поход князя Михаила на Москву (ПСРЛ, т. 7, 184); 1308 г. – отъезд в Тверь из Москвы князей Александра и Бориса Даниловичей (ПСРЛ, т. 7, 184); 1308 г. – поход Михаила на Москву; 1311г. – поход Дмитрия Михайловича на Нижний Новгород (ПСРЛ, т. 7, 195); 1312 г. – Михаил берет с Новгорода окуп, сажает наместников (ПСРЛ, т. 7, 186); 1314 г. – спор Михаила и Юрия о великом княжении в Орде (ПСРЛ, т. 3, 68, 4, 46, 5, 204); 1314 г. – «изымание» Юрием князем московским тверских наместников в Новгороде; 1315 г. – Михаил возвращается из Орды, воюет Ростов, громит новгородцев; 1315 г. – епископ Андрей оставляет епископию вместо него – Варсонофий (ПСРЛ, т. 7, 187); 1317 г. – новгородцы просят князя Михаила отпустить заложников за окуп; 1318 г. – Юрий взяв великое княжение, идет на Тверь (ПСРЛ, т. 3, 72, 5, 207, 7, 189); 1319 г. – разгром Михаилом тверским Юрия московского; 1327 г. – приход и убийство Шевкала (ПСРЛ, т. 7, 200); 1327 г. – Тверь взята Иоанном Даниловичем московским с татарами (ПСРЛ, т. 7, 200); 1338 г. – возвращение князя Александра (ПСРЛ, т. 7, 205); 1340 г. – убийство князя Александра Михайловича и его сына в Орде (ПСРЛ, 7, 205); 1345 г. – смерть князя Константина Михайловича (ПСРЛ, т. 7, 210); 1347 г. – распри о земном рае между тверским епископом и новгородским архиепископом (ПСРЛ, т. 7, 212). 1347 г. – Послание новгородского епископа Василия (ПСРЛ, т. 6, 87–89, т. 3, 177, 227, т. 5, 226); 1353 г. – пострижение инока Моисея, впоследствии епископа Новгородского (ПСРЛ, т. 3, 18); 1353 г. – установление золоченых крестов на церкви Спаса, Дмитрия Солунского и Введения Богородицы (ПСРЛ, т.10, 227); 1367 г. – поставление епископа Василия (ПСРЛ, т. 11, 8); 1370 г. – Дмитрий воюет местность около Твери (ПСРЛ, т..8, 17); 1370 г. – Михаил Александрович берет у Мамая ярлык на великое княжение (ПСРЛ. т.8, 17); 1375 г. – знамение в тверской церкви Покрова (ПСРЛ, т. 8, 22); 1375 г. – Дмитрий московский осаждает Тверь (ПСРЛ, т. 11, 22); 1375 г. – упомянуты Тьмачские ворота в Твери (ПСРЛ, т. 8, 22); 1382 г. – в Твери заточен митрополит Пимен (ПСРЛ, т. 8, 32);

1382 г. – бегство в Тверь митрополита Киприана во время нашествия Тохтамыша (ПСРЛ, т. 3, 92, т. 4, 90, т. 8, 47); 1382 г. – в Твери укрылся от Тохтамыша св. Сергий (ПСРЛ, т. 6, 122); 1392 г. – тверской князь Михаил отнимает владычество у епископа Евфимия, митрополит Киприан ставит Арсения (ПСРЛ, т. 8, 61); 1395 г. – погребение в Твери князя Михаила Александровича в ц. Спаса */ошибка – речь должна идти о кашинском князе Василии – М./*; 1397 г. – князь Михаил посылает в Царьград милостыню (ПСРЛ, т. 6, 130); 1399 г. – упомянута церковь Архангела Михаила «на княжем дворе» (ПСРЛ, т. 6, 359); 1399 г. – завещание Михаила (ПСРЛ, т. 4, 360, 5, 252); 1399 г. – смерть и погребение Михаила в церкви Спаса (ПСРЛ, т. 3, 100, т. 4, 103, 142, 359–360, т. 5, 251); 1400 г. – начало княжения Ивана Михайловича (ПСРЛ, т. 15, 470); 1402 г. – смерть Иоанна Всеволодовича Тверского и погребение его в церкви Спаса (ПСРЛ, т. 8, 75); 1404 г. – епископ Арсений заложил церковь Успения на Тьмаке (ПСРЛ, т. 8, 77); 1404 г. – смерть жены князя Ивана Михайловича; 1405 г. – сгорела от молнии церковь Иоана Богослова (ПСРЛ, т. 8, 77); 1408 г. – умер епископ Арсений и похоронен в своем монастыре Богородицы у Феодосия и Антония (ПСРЛ, т. 8, 84); 1414 г. – «погорел весь город и посад» (ПСРЛ, т. 1, 234); 1417 г. – мор в Твери (ПСРЛ, т. 8, 89); 1425 г. – умер князь Иван Михайлович (ПСРЛ, т. 3, 110 8, 93); 1425 г. – Тверь достается Борису Александровичу, а Кашин – Василию (ПСРЛ, т. 8, 93); 1432 г. – в Тверь (а оттуда в Галич) бежит Иван Дмитриевич (ПСРЛ, т. 6, 148); 1433 г. – в Твери скрывается великий князь московский Василий, согнанный Юрием (ПСРЛ, т. 6, 207); 1434 г. – в Тверь бежит князь Иван Можайский (ПСРЛ, т. 8, 98); 1442 г. – в Тверь из Москвы бежит митрополит Исидор (далее в Литву) (ПСРЛ, т. 5, 30); 1446 г. – слухи, что великий московский князь Василий хочет сесть в Твери, отдав свою вотчину татарам (ПСРЛ, т. 6, 172, 8, 115); 1447 г. – Борис принимает Василия, обручение дочери Бориса Марии и сына Василия Иоанна (ПСРЛ, т. 8, 119); 1448 г. – Василий собирает в Твери рать (ПСРЛ, т. 4, 126); 1451 г. – умерла княгиня Анастасия (ПСРЛ, т. 6, 277); 1461 г. – смерть

Бориса Александровича, начало княжения Михаила Борисовича (ПСРЛ, т. 8, 149); 1461г. – путешествие Афанасия Тверитина (ПСРЛ, т. 6, 331, 345,текст 330–354); 1476 г. – переход многих детей боярских к Москве (ПСРЛ, т. 8, 182); 1478 г. – через Тверь идет московская рать на Новгород (ПСРЛ, т. 8, 185); 1478 г. – упомянуто тверское село Лотошино (ПСРЛ, т. 4, 207, т. 8, 185); 1478 г. – поставление епископа Вассиана (ПСРЛ, т. 4, 152, 8, 199); 1480 г. – через Тверь идут Борис и Андрей Васильевичи «ко Ржеве» (ПСРЛ, т. 8, 204); 1483 г. – смерть жены князя Михаила Борисовича (ПСРЛ, т. 8, 214); 1485 г. – намерение Михаила Борисовича жениться у Казимира (ПСРЛ, т. 6, 236); 1485 г. – многие князья отъезжают к Москве (ПСРЛ, т. 6, 237); 1485 г. – взятие Твери Иоанном (ПСРЛ, т. 8, 216, 3, 143, 5, 44–45); 1486 г. – Тверь и тверская земля дана Иоанном сыну Ивану Молодому (ПСРЛ, т. 4, 135); 1486 г. – сын Ивана Третьего Иван Молодой выехал в Тверь (ПСРЛ, т. 8, 217); Тверь 1492 описана Ф. Алабышевым по-московски в сохи (ПСРЛ, т. 8, 223); 1500 г. – в Твери собирает войска против литвы Д. Шеня (ПСРЛ, т. 3, 147, т. 8 239); 1508 г. – умер тверской епископ Вассиан; 1509 г. – поставлен тверским епископом Нил (ПСРЛ, т. 8, 248, т. 8, 251); 1523 г. – поставление епископа Акакия (ПСРЛ, т. 6, 264); 1534 г. – упомянут «Тверской дворецкий» Шигона Поджогин (ПСРЛ, т. 6, 267, 368, 270, 273); 1534 г. – в Твери заточены часть татар царя Шигалея (ПСРЛ, т. 6, 299); 1535 г. – тверские мастера работали в Хутынском монастыре (ПСРЛ, т.6, 296); 1537 г. – пожар от молнии (ПСРЛ, т.6, 303); 1569 г. – смерть митрополита Филиппа в Отроче монастыре. (ПСРЛ, т.3, 253.); 1570 г. – «Иоанн поби многих» (ПСРЛ, т.3, 253–254); 1584 г. – тверские епископы получают звание архиепископа (ПСРЛ, т.4, 345).

Холм

Бывший город и удельный центр Тверского княжества; город идентифицируется с селом Красный холм или селом Хлопово городище, однако значимые остатки крепостных сооружений в

данном районе существуют только в городе Погорелое городище (под таким именем в летописях не упоминаемом). Хорвач упоминается в летописях один раз – под 1368 годом (поход литовского князя Ольгерда); не исключено, что все три имени относятся к одному населенному пункту. 1346 г. – Князь Всеволод Холмский получает Тверское княжение (ПСРЛ, т. 10, 218); 1348 г. – отдает княжение Василию Кашинскому (ПСРЛ, т. 10, 220, 221); 1380 г. – князь Холмский послан на Куликово поле (ПСРЛ, т. 11, 49); 1391 г. – женился князь Юрий Холмский, 1492 г. – описание холмских земель в сохи по-московски (ПСРЛ, т. 12, 122, 232); 1566 г. Обмен Иваном Четвертым Холмских волостей с князем Владимиром Старицким (ПСРЛ, т.14, 400).

Территория тверского княжества. Список городов, городищ, значимых населенных пунктов (нумерация по археологической карте Тверской области)

Голыхино – 54 (86)
Зеленец (Ширяево городище) – XI – XII вв. – 92(103)
Избрижье – ранний железный век – 112 (127)
Князево (Городенское) – ранний железный век – 124 (74)
Лисицы (Черная гора) – ранний железный век – 145 (258)
Мухино – ранний железный век – 168 (115)
Моркино – XI – XIII вв. (?) – 165 (133)
Новинки – ранний железный век – 187 (98)
Орша – XII – XII вв. (?) – 96 (238)
Отмичи –VII – IX вв. – 200 (106)
Поминово – 215 (191)
Саввино Городище – XIV – XVII вв. – 233 (101)
Варюшино (Усть-Бойня) – XI – XIII вв. – 331(1)
Колчеватики – ранний железный век – 360 (67)
Матюково – ранний железный век – 373 (2)
Никифоровское – ранний железный век – 392 (93)
Троицкое – ранний железный век – 411 (52)

Поречье – ранний железный век – 453 (23)
Воронцово – ранний железный век – 464 (30).
(на вставке) Городище Калязинское – ранний железный век – 468 (40)
Лужки – ранний железный век – 475 (38)
Посады гор. Медведь –XI – XIII, XIV – XVI вв. – 486 (26)
Рагузино – ранний железный век – 488 (32)
Кимры Графская горка – ранний железный век – 510 (103)
Кимры Дьяков лов – ранний железный век – 509 (110)
Бурцево (Пухлимо) – ранний железный век – 536 (58)
Выркино – XI – XIII вв. – 543 (1)
Кадниково – ранний железный век – 571(94)
Крева (Пекуновское) – ранний железный век – 584(141)
Медведицкое – ранний железный век – 594 (45)
Прислон – XI – XIII вв. – 616 (131)
Селище (Колкуново) – XI – XIII вв. – 629 (60)
Конаково – ранний железный век – 652 (37)
Бабня – ранний железный век – 657 (30)
Городище (Корчевское) – ранний железный век – 672 (8)
Едимоново – ранний железный век –693 (81)
Орешково (Топорок) – ранний железный век – 738 (39)
Перетрусово (Санниковское) – ранний железный век – 749 (5)
Воеводино – ранний железный век – 867 (72)
Волга (Кошевское) – ранний железный век – 870 (41)
Горки (Бродовские горки) – ранний железный век – 886 (60)
Григорево – ранний железный век – 89 (193)
Жихарево – ранний железный век – 91 (45)
Змиевы горки – ранний железный век – 916 (133)
Игутьево – ранний железный век – 932 (66)
Крестцы – XI – XIII вв. (?) – 955 (81)
Липино – ранний железный век – 966 (163)
Паньково (Семенов городок) – XI – XIII, XIV – XVI вв. – 991(160)
Пентурово – ранний железный век – 993 (150)
Родня – ранний железный век – 1002 (185)

Толпино (Дулевское) – ранний железный век – 1035 (139)
Юрьевское – XI – XIII (?) вв. – 1051 (23)

Населенные пункты, упоминающиеся в книге В. С. Борзаковского «История Тверского княжества»

Андреевское – XIV в. С. 26
Телятьево – XV в. С. 27
Старый и Новый Рукав – XVI в. С. 31
Колошино – XVI в. С. 31
Радилово на Б. Пудице – С. 39
Бортенево – 1317 г. С. 40
Брод – 1317 г. С. 40
(на вставке) Святославле поле (около Калязина) – 1339 С. 41
Лотошино – 1478 г. С. 41
Буйгород – 1497 г. С. 45
Колпь – 1497 г. С. 45
Теребино на Каве. – 1476 г.
Городище на Большой Сестре – ранний железный век – С. 13
Попелково на Лутосне – ранний железный век
Мишнево на р. Лутосне – ранний железный век
Акулово на Рессе – ранний железный век
Сельменево на Рессе – ранний железный век

Приложение 3. Монастыри Тверского княжества

1. Монастыри, упомянутые в летописях и других документах периода независимости (см. главу 1):

1. Успенский Астраганский
2. Михайловский на всполье
3. Федора и Тирона
4. Тверской Софийский
5. Успенский Отрочь
6. Богородицкий на Гостомле
7. Преображенский на Сози
8. Богородицкий на Бору
9. Воскресенский Бардинский
10. Преображенский, или «Спас Высокий» в Твери
11. Кашинский Богородицкий (или Троицкий)
12. Никольский «на Ручье»
13. Успенский Желтиков
14. Афанасьевский «За алтарем»
15. Сретенский Саввин
16. Трехсвятский Тверской
17. Благовещенский Перемерский
18. Вознесенский Оршин
19. Сретенский Кашинский
20. Никольский Клобуков Кашинский
21. Троицкий Калязин
22. Знаменский (?) Савватьев
23. Григория Богослова в Твери

2. Монастыри, упомянутые в писцовых книгах XVI века

24. Покровский Отмицкий[415]
25. Преображенский Яминский в Эммаусе[416]
26. Успенская Изосимина Клинская пустынь (см. С.56)
27. Иоанна Богослова в Твери[417]
28. Александровский в Городне[418]
29. Афанасьевский на посаде («на песку») девичий в Твери[419]
30. Никольский «на Сучку» (бывшее село Никольское-Сучки к юго-западу от Конаково)[420]
31. Марфин в Твери[421]
32. Архангельский на Шоше[422] (тот же – «где кладутся Борисовичи» (?))
33. Афинейский на Кропивне[423]

---

[415] В. В. Зверинский № 1906; В. А. Плетнев. Об остатках древностей и старины в Тверской губернии. Тверь. 1903; Археологические памятники России. Тверская область. Ч. 1. № 199.

[416] В. В. Зверинский № 2243; в XVI веке владел 901 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...).

[417] Зверинский... № 818; в XVI веке владел 585 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...).

[418] Зверинский № 818; в XVI веке владел 573 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...)

[419]XVI веке владел 547 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[420]В. В. Зверинский № 1826; в XVI веке владел 522 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...).

[421] В. В. Зверинский № 1733; в XVI веке владел 510 дес. пахотной земли (Лаппо И.И. Тверской уезд в XVI веке...).

[422] В. В. Зверинский № 1748; в XVI веке владел 504 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...). В писцовой книге XVI века сказано, что в этом монастыре «кладутся Борисовичи»; Борисовичей А. Я. Лурье считал народными вождями, инициаторами восстания против Щелкана (А. Я. Лурье. Роль Твери... С. 108). Село Архангельское на правом берегу Шоши ныне затоплено. Возможно, что у Лаппо этот монастырь попал в список дважды: как «Михайловский на Шоше» и как «Михайловский, где кладутся Борисовичи». В этом случае общие пахотные владения монастыря – 921 дес. (504 + 417).

[423] В. В. Зверинский № 1393; в XVI веке владел 485 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...).

34. Троицкий Тверской («за владычным двором»)[424]
35. Георгиевский в Малых Перемерах[425]
36. Архангельский на озере Шейно (не локализован)[426]
37. Вознесенский Тутаньский[427]
38. Никольский Дудин на Шоше[428]
39. Афанасьевский Николаевский Видогоцкий[429]
40. Дмитрия Великого на Инюхе[430]
41 Архангельский в Твери[431]
42. Дмитриевский в Черкассах[432]

---

[424] В. В. Зверинский № 2121; в XVI веке владел 417 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...). В Выписи из писцовых книг Потапа Нарбекова упомянут как «пустое место монастырское, а бывал монастырь Троецкой, а запустел то монастырь издавна, того выборные люди не помнят» (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь 1901. С. 13).

[425] В. В. Зверинский № 1599; в XVI веке владел 360 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...). Находился на правом берегу Волги в 2–3 км ниже Благовещенского монастыря в Больших Перемерах (см. С. 53).

[426] В XVI веке владел 348 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке...).

[427] Зверинский... № 1517; в XVI веке владел 345 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); Плетнев В. А. Об остатках... С. 208–209.

[428] «В писцовых книгах сего Уезда 1628, 1629, 1630 годов написано: «Монастырь Дудин на реке на Шоше, а в нем церковь Николы Чудотворца, древяна а в церкви образы, и ризы, и книги, и колокола и всякое церковное строение монастырское, а в монастыре келья черного попа Леванида, да в кельи дьячок Баженка Юрьев». Да в переписных книгах Тверского уезда по Захожскому стану 1678 году написано: «Монастырь Дудин, а в нем церковь Николы Чудотворца, в вотчине за монастырем 5 деревень в них крестьянских и бобыльских дворов 16, а людей в них 43 человека» ЧОИДР 1874 кн. 2. Тверские акты... – Дудин монастырь – 6 упоминаний; XVI веке владел 318 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[429] Зверинский... № 1390; в XVI веке владел 264 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[430] Зверинский... № 1582; в XVI веке владел 213 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); Археологические памятники... № 692.

[431] Зверинский... № 1742; в XVI веке владел 213 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[432] Зверинский... № 1583; в XVI веке владел 198 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); Плетнев В. А. Об остатках... С. 171 - 172.

43. Троицкий в Городне[433]
44. Никитский в Твери[434]
45. Петровский в Городне[435]
46. Благовещенский в Микулине[436]
47. Нектарьев на Тьме[437]
48. Воздвиженский в Твери[438]
49. Никольский в селе Владимирово городище[439]
50. Рождественский в Твери[440]
51. Архангельский на Талице (не локализован)[441]

---

[433] Зверинский... № 2130; в XVI веке владел 178 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[434] Зверинский... № 1762; в XVI веке владел 177 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); писцовая кн. 1626 г.: Никитский на Тьмаке «Монастырь был Никитский, выжгли литовские люди» (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 112).

[435] Зверинский... № 1867; в XVI веке владел 168 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[436] Зверинский... № 1406; в XVI веке владел 168 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

[437] Зверинский... № 1758; в XVI веке владел 162 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в Тверском музее хранилась икона из этого монастыря (Жизневский А. К. Описание Тверского музея... С. 45).

[438] Зверинский... № 1495; в XVI веке владел 159 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в писцовой книге 1626 г. упомянут в Затьмацком посаде: «Здвиженский монаствырь, и тот монастырь в литовское разоренье сгорел; да на монастыре место келейное пусто игуменское, да кругом монастыря пашня монастырская» ((Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 99).

[439] Владимирово городище – село на левом берегу Шоши, в 5 км выше Микулина. В XVI веке владел 159 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...). У Зверинского этого монастыря нет. Но относительно большая величина надела говорит все же в пользу того, что это монастырь; в этом же селе находилась также Петровская церковь, что также говорит о том, что одна из церквей должна быть монастырской.

[440] Зверинский... № 2130; в XVI веке владел 123 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в писцовой книге 1626 г. упомянут в Затьмацком посаде: «Монастырь Рождество Христово девичий а в нем храм Рождество Христово шатров, а в монастыре 6 келий живут в них старицы...» ; упомянута так же мальница на Тьмаке, принадлежавшая этому монастырю (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 80). Сохранялся до революции.

52. Рождественский в Микулине[442]
53. Афанасьевский близ Городни[443]
54. Рождества Богородицы на усть Шостке[444]
55. Спаса Преображение на Лби (не локализован)[445]
56. Александровский в селе Новом под Микулиным[446]
57. Петровский в селе Владимирово городище[447]
58. Иоанна Златоуста в Твери[448]
59. Борисоглебский в Микулине[449]
60. Вознесенский «великого князя» (не локализован)
61. Преображенский на Болгаре (не локализован)[450]
62. Успенский (?) «великого князя на холму» (не локализован)[451]
63. Вознесенский Микулинский[452]

---

[441] Зверинский... № 1740; в XVI веке владел 108 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).
[442] В XVI веке владел 75 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[443] в XVI веке владел 63 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[444] в XVI веке владел 47 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[445] в XVI веке владел 35 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[446] в XVI веке владел 33 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[447] в XVI веке владел 27 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь.
[448] в XVI веке владел 21 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...); в списке у Зверинского нет – возможно, это приходская церковь; в писцовой книге 1626 года упоминается приходская церковь Иоанна Златоуста в Затьмацком посаде.
[449] Зверинский... № 1455; в писцовой книге XVI века упоминается, но без данных владения землей (Лаппо И. И. Тверской уезд...).
[450] Зверинский... № 2047; в XVI веке владел 331 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).
[451]Зверинский... № 2196; в XVI веке владел 633 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).
[452] Зверинский... № 1511; в XVI веке владел 663 дес. пахотной земли (Лаппо И. И. Тверской уезд...).

3. Монастыри, упомянутые в документах XVI–XVII веков

64. Дмитриевский Кашинский[453]
65. Успенский Клинский[454]
66. Введенский Кашинский[455]
67. Духов Кашинский[456]
68. Богословский Холохоленский[457]
69. Архангельский Микулинский[458]
70. Никольский Городищенский на Шоше[459]
71. Петровский в Городне[460]
72. Преображенский на Горском озере[461]
73. Преображенский на Инюхе[462]
74. Покровский Раков[463]
75. Николаевский Красногорский[464]

---

[453] Зверинский... № 783; Археологические памятники... № 457

[454] Зверинский... № 1316. В настоящее время находится в черте города. Сохранилась каменная церковь своеобразной архитектуры, датируемая 60-ми гг. XVI в.

[455] Зверинский... № 1470.

[456] Зверинский... № 1594; Археологические памятники... № 457

[457] Зверинский... № 1643; Плетнев... С. 127; Археологические памятники... № 1041, 1042.

[458] Зверинский... № 1739; Сохранившийся Архангельский собор в Микулине относится к 60-м годам XVI в. Монастырь, по всей вероятности, появился раньше, очевидно, при деревянном предшественнике Архангельского собора XVI века.

[459] Зверинский... № 1794; согласно писцовой книге 1645 г., Никольское на Шоше «церковь во селе чудотворца Николая, древян верх, завалилася. В том же сельце Никольском двор княжий, а на дворе сараи две избы» (Тверские Акты. Тверь. 1897. С. 189); село Никольское городище находится на левом берегу Шоши в 15 км выше Микулина.

[460] Зверинский... № 1876.

[461] Зверинский... № 2048; Плетнев... С. 228 (упоминает о каменном кресте); Археологические памятники... № 262.

[462] Зверинский... № 2073; Находился около села Старый Погост, см. Археологические памятники... № 263.

[463] Зверинский... № 1111; известен по грамоте 1547 г. Владимира Старицкого, скорее всего, монастырь основан им же.

76. Покровский Татаркинский[465]
77. Троицкий Рябов[466]
78. Воздвиженский за Тьмакой в Твери[467]
79. Святых отец иже в Никеи «за ручьем» в Твери[468]
80. Троицкий «за садами» в Твери[469]
81. Введенский в Никифоровском (в устье реки Держи)[470]
82. Рождества Христова у села Левкова на реке Литоржице[471]
83. Всех святых на реке Боровке[472]

---

[464] Зверинский... № 306. Скорее всего, основан князем Владимиром Старицким (упомянут в грамоте этого князя от 1547 г).

[465] Зверинский... № 1911; в писцовой книге 1645 г. обозначен как пустошь (Тверские Акты... С. 11); деревня Татаркино на левом берегу Шоши в 10 км выше Микулина.

[466] Зверинский... № 1138; как пишет Зверинский, по преданию монастырь основан учеником Паисия Угличского Вассианом, следовательно, находился в пределах владений князя Андрея Угличского и не принадлежал к тверским монастырям; село Рябово находится в 15 км к югу от Калязина.

[467] Зверинский... № 1493; писцовая книга 1626 года не упоминает этого монастыря, но упоминает Воздвиженскую слободу в Затьмацком посаде, где он находился (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 111).

[468] Зверинский... № 2002; в писцовой книге 1626 г. говорится о нем: «за ручьем место пусто, а бывал на том месте монастырь Святых отец иже в Никее, а на нем 20 мест пустых». (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова... С. 79).

[469] То же, что и Троицкий «за владычным двором» (см. № 34)

[470] Упоминается в писцовых книгах XVI века (Калачов... С. 236); Никифоровское находится в 2-х км от Волги и в 2-х км ниже устья Держи, правого притока Волги.

[471] Упоминается в писцовых книгах XVI века (Калачов... С. 198) Литоржица – левый приток реки Шоши; деревня Левково находится вблизи дороги Лотошино – Тверь.

[472] В издании «Тверские акты» опубликована данная грамота Назара Григорьевича Неплюева на пустошь Заборовьею Троицкой Лавре, да пустошь Всесвятское, «что был монастырь, на речке Боровке» (Тверские акты... С. 123) . Монастырь находился где-то около села Пушкино, стоящего да дороге Лотошино–Тверь; Боровка – левый приток Вязьмы, притока Шоши.

4. Монастыри, известные из устных преданий

84. Богословский в Коньково около устья реки Старицы[473]
85. Казанский у села Апухтина (к востоку от Калязина)[474]
86. Преображенский Зубцовский[475]
87. Никитский Старицкий[476]
88. Успенская Медведева пустынь около Белого Городка[477]
89. Монастырь у села Пухлимо[478] (Борзаковский, С. 13); посвящение неизвестно
90. Воскресенский в Воскресенском на Шоше[479]
91. Троицкий в устье Нерли[480] (возможно, это тот же монастырь, что и Троицкий Рябов)
92. Никольский на Жабне[481]
93. Никольский («Николы-Лапотника») на реке Десна (Скобра)[482]

---

[473] Зверинский... № 1430. Зверинский предполагает, что это тот же монастырь, что и Богословский Холохоленский, но это разные места (и, видимо, монастыри); «развалины», о которых говорит Зверинский, сохранились и сейчас (отдельные камни) и находятся на левом берегу реки Старица в 1 км от устья и в 50 м от самой реки.

[474] Зверинский... №1 646.

[475] Зверинский... № 2048; Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А. С. Уварова. М., 1888., С. 28 – описание и изображение камня с Т-крестом.

[476] Крылов...; на месте монастыря сохранилась крест, часовня и могильный камень с Т-крестом; местоположение: г. Старица, ул. Половинкина.

[477] Плетнев... С. 287; Археологические памятники... № 521.

[478] Борзаковский В. С. История Тверского княжества СПб., 1876., С. 13.

[479]Зверинский... 1532; Калачов.... 1, 2, 195. Упомянут в писцовых книгах XVI века. Локализуется в районе села Воскресенское-на-Шоше, на правом берегу Волги, ниже впадения Шоши. *(Этот монастырь вписан в число известных по устным преданиям по ошибке)*

[480]Борзаковский В. С. История Тверского княжества СПб., 1876., С. 13.

[481]Зверинский... № 1834. Считается предшественником Троицкого Калязина монастыря.

[482] Зверинский.. № 1839; в данной статье Зверинский опирается не на документы, а на книгу А. Ратшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России». М. 1852, неполную и неточную. Ратшин пишет об этом монастыре, что «судя по могильным памяникам, открываемым на монастырском кладбище, он принадлежит к числу

94. Монастырь в селе Терешково[483], 8 км ниже Зубцова; посвящение неизвестно
95. Монастырь на Игумновой горе (Погорелое городище)[484]; посвящение неизвестно
96. Никольский «на Столбце»[485]
97. Успенский в селе Тухинь на Тьме[486]
98. Никольский («Николы Безверховье»)[487]
99. Покровский Тобановский на Орше[488]
100. монастырь в селе Колошина; посвящение неизвестно[489]
101. Кашинский Симеоновский[490]
102. Кашинский Пятницкий[491]
103. Никольский в Грачах (Кашинский уезд)[492]
104. Космодамиановский Кашинский[493]
105. Успенский в остроге Кашинский[494]
106. Афанасьевский на торгу Кашинский[495]
107. Иоанна Златоуста около Городни[496]

древнейших» (С. 517); эту же цитату приводит и Плетнев (С.222). Источник сведений Ратшина неизвестен, но из писцовых книг XVI века (Т.2 С. 199) следует, что село Никольское на реке Десна (левом притоке Шоши), ныне несуществующее, принадлежало братьям Нащокиным, представителям старинного тверского дворянского рода. Данные «Тверских актов» подтверждают старинное название реки Десна – «Скорбь» (Т.1 С. 78), встречающееся у Ратшина. Все это заставляет предположить, что около села Никольского действительно мог быть старинный вотчинный монастырь, принадлежавший Нащокиным; визуальный осмотр места предполагаемого монастыря подтверждает наличие на нем старинного кладбища.

[483] Плетнев... С. 88.
[484] Плетнев... С. 106.
[485] Плетнев... С. 160.
[486] Плетнев... С. 210.
[487] Плетнев... С. 216.
[488] Плетнев... С. 218
[489] Плетнев... С. 218.
[490] Плетнев... С. 303.
[491] Плетнев... С. 303.
[492] Плетнев... С. 306.
[493] Археологические памятники... С. 108, 109.
[494] Археологические памятники... С. 108.
[495] Археологические памятники... С. 108, 110.

5. Монастыри, находившиеся предположительно в границах Тверского княжества

108. Благовещенский Шеренский[497]
109. Христорождественский Кушалинский[498]
110. Архангельский Кушалинский[499]

---

[496] По преданию близ сего села /Городни/ находился в старину монастырь в честь Иоанна Златоуста; простонародье называет место св. обители «пустоуст». (Тверские епархиальные ведомости. 1897., № 18 С. 634.
[497] Зверинский... № 639; В. В. Зверинский упоминает легенду, что именно в Шеренском лесу был убит татарами ростовский князь Василько Константинович.
[498] Зверинский... № 2217.
[499] Плетнев... С. 217.

Библиография

Альтшуллер Б. Л. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV веков (новые исследования). Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. На правах рукописи. М., 1978.

Андреева Е. А. «Блаженный Христов воин». Изображение Михаила Ярославовича Тверского в житии // Русская речь. 2009. № 1. С. 80–83.

Адрианова-Перецт В. П. Повесть о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Руськаго // ТОДРЛ. М.-Л., 1947. № 5. С. 73–97.

Анисимова Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV – XVII веков. М. 2009.

Арсений, архимандрит. Описание Кашинского Димитровского монастыря Тверской епархии. Тверь, 1901. 53 с.

Артемьев А. Р. Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль – 11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001, 234 с.

Архангелов С. А. Описание Кашинского Николаевского Клобукова монастыря. Тверь, 1899. 127 с.

Беленькая Д. А. Медная пластика городов Московской Руси // КСИА. 208. С.11–19

Археологические памятники России. Тверская область. Часть 1 (Электронная версия). Тверь, 2004.

Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // Советская археология. 1990 г. № 3.

Беляев И. Д. Михаил Александрович, великий князь Тверской // ЧОИДР. 1861. Т.38. № 3. С. 1 – 44.

Беляев Л. А. Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский Сборник, 1988, № 2.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие, М. 1996.

Беспалова Л. А. Славяно-русские книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. Тверь, 2012.

Богданов С. В. Названия «Тверь» и «Тверца» в письменных источниках // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: История. 2007. № 4. С. 65–86.

Богданов С. В. Об определении «Всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV в. (по материалам актов XIV–XV в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4. С. 30–49.

Богуславский Г. К. Замечательный памятник древней смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символико-политического содержания // Древности. Труды Московского Археологического общества. т. 23. М. 1906.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества СПб., 1876.

Будовиц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века // ТОДРЛ. Т. XII. 1956. С. 79 – 104.

Булкин В. А., Иоаннисян О. М., Салимов А. М., Успенский собор тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 97–107.

Василевская Ю. Л. Сюжет апокрифа об Адаме в рукописях ГАТО // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 141–147.

Вершинский А. Н. Возникновение феодальной Твери // ПИДО. 1935. 5 № 9 – 10. С. 109 – 125.

Вершинский А. Н. Материалы по истории архитектуры в пределах Тверской епархии // Тверская старина 1911, №1, 1913, № 3–4.

Вершинский А.Н. Микулинский детинец // Тверская Старина. 1912, № 3–4.

Вершинский А. Н. Микулинский собор как памятник древнего зодчества. Тверь 1914.

Вздорнов Г. И. Иллюстрации к хронике Георгия Амартола // Византийский Временник М. 1969. т. XXX. С. 205 – 225.

Виноградов И. А. Археологическая экскурсия в село Кожино и в города Кашин, Калязин и Углич (с 14 снимками). Тверь, 1901. 73 с.

Виноградов И. А. Св. Арсений, епископ Тверской. – Тверь, 1909. 35 с.

Виноградов И. А. Новые данные по истории Тверского княжества. Княжение Бориса Александровича (1425–1461 гг.). Тверь, 1908.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. т. 2 М., 1962. 558 с.

Воронин Н. Н. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75 – 82.

Воронин Н. Н. Строительство в Тверском княжестве конца XIII – начала XIV вв.; Строительство в Тверском княжестве конца XIV - первой половины XV века // Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1962. С. 135 – 149; С. 373 – 429.

Воронин Н. Н. Тверское зодчество XIII–XIV вв. // Известия АН, серия Истории и Философии, М. 1945, т.2, № 5.

Воронин Н. Н. Тверской кремль в XV веке // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 84–91.

Воронин Н. Н. Раскопки в Старице // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 42 – 47.

Выписи из Тверской летописи 1390–1485 гг. (Приложение к 115 заседания 23 дек. 1912 года Тверской архивной комиссии).

Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь, 1901. 146 с.

Гадалова Г. С. Преподобный Макарий Калязинский // Музыкальная академия. 2008. № 3. С. 11–16.

Гадалова Г. С. Жития тверских святых в трудах богословов и историков церкви XVI – XIX веков // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. 2005. № 4. С. 91–113.

Галашевич А. А., Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М., 2011.

Гальперин Ч. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси с Ордой //http://elibrary.ru/item.asp?id=17391409 Rossica Antiqua. 2010. Т. 2. С. 149–170.

Голубев И. Ф. Собрания рукописных книг города Калинина // ТОДРЛ. XI. 1955. С. 440 – 463.

Голубев И. Ф. Рукописные книги бывшей Тверской ученой архивной комиссии // ТОДРЛ. XII. 1956. С. 518 – 531.

Голубинский Е. Е. История Русской церкви тт. 1–2. М., 1900, 1901.

Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

Гребенюк. В. П. Святитель и князь. К вопросу о роли митрополита Киприана и великого князя московского в событиях 1395 г. // ТОРДЛ, т. 50, СПб., 1996.

Греков Б. Л., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Гусева Э. К. Об иконе «Знамение» из Кашинского чина // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.

Давиденко Д. Г. Монастыри и архимандритии в городах северо-восточной и северо-западной Руси в XIV—XV вв. // Средневековая Русь. 2012. № 10. С. 248–331.

Дворников А. С. Отчет о раскопках на Загородном посаде г. Твери в 1994 г. //Архив ИА РАН ф. Р – 1.

Древности Московского Археологического Общества, т. XXI, 1906.

Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжества Тферскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 118–157.

Дубенцов Б. И. «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского» // ТОДРЛ. М.-Л., 1958. Т. XIV. С. 176–182.

Дьяконов М. А. Кто был первый великий князь «всея Руси»? // Библиограф, 1889, № 19.

Евсеева Л. М. и др. Живопись Древней Твери. М., 1983.

Жизневский А К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А. С. Уварова. М., 1888.

Жизневский А. К. Портрет Тверского великого князя Михаила Борисовича. Тверь, 1889.

Жизневский А. К. Городенские монеты // Журнал 40-го Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1892.

Жизневский А. К. Сведения по археологии и нумизматике в Тверской губернии // Журнал 41-го заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1893.

Жилина Н. В. К вопросу о происхождении Твери // КСИА. М., 1986. Вып. № 187. С. 53–55.

Жилина Н. В. Тверской кремль: этапы строительства укреплений и хронология культурного слоя // Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума. Москва, 23 — 26 ноября 1999 г. М., 1999. С. 53–54.

Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. 1987 г. № 1.

Жилина Н. В Укрепления средневековой Твери // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 66—70.

Жукова, Е. Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX - первой трети XX в.; диссертация кандидата исторических наук; 07.00.06. - Москва, 2005.

Жукова Е.Н. Публикации в периодической печати по археологии тверского поволжья до 1917 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 3. С. 85–93.

Завьялов И. Город Кашин. Его история, святыни и достопримечательности (с кратким житием благоверной кн. Анны). СПб., 1909.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования православных монастырей России. Т. 1–3. Спб., 1890–1897.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.

Зимин А. А. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни // История СССР. 1963. № 3. С. 98 – 110.

Зинько М. А. Вотчина князя Василия Андреевича Микулинского (1530-е – начало 1540-х гг.): к изучению вотчинного землевладения в XVI в. //Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 3–11.

Ильин А. А. Классификация русских монет удельного времени Л., 1940.

Ильин М. А. Древняя Тверь (XII – XVII вв.): Историческая справка. Торжок, 1958.

Ильин М. А. Собрание рукописей архива Калининской области // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 209 – 215.

Ильин М. А. Тверская литература XV века как исторический источник // Труды историко-архивного института. Т. III. 1948.

Иноземцев А. Д. Удельные князья Кашинские. Эпизод из политической истории Руси XIV – XV столетий // ЧОИДР. 1873. № 4. С. 31 – 58.

Историческая записка о селе Микулино-Городище, и древней, в нем находящейся, соборной каменной во имя св. Архангела Михаила церкви. Тверь, 1852.

Историческая записка о древней церкви Смоленския иконы Пресвятыя Богородицы Одигитрии, в селе Кушалине, и о самом Кушалине с прилежащими к нему местами. Составил села Кушалина священник Иоанн Судаков. 1851 года, мая 15 дня. Тверь, 1851.

Историческое описание Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря, с присовокуплением жития святаго основателя онаго, святителя Арсения, епископа Тверскаго, составленное настоятелем Желтикова монастыря, архимандритом Платоном. Тверь, 1852.

Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Составлено настоятелем Старицкого монастыря игуменом Арсением. Тверь, 1895

История Тверского края: Учебное пособие / Под общей редакцией В. М. Воробьева. Тверь, 1996.

Калачов Н. В. Писцовые книги XVI века. Отделение 2. Местности губерний Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. М., 1877.

Кампани Д. П. Записки // Вестник Московского университета, 1969. № 6.

Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края (подготовка к изданию В. Колосова). Тверь, 1893.

Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.

Квашнин-Самарин Н. Д. О зубцовских и ржевских переписных книгах, как источнике к изучению местной истории. Тверь, 1891.

Клибанов А. И. К истории русской реформационной мысли. Тверская «распря о рае» в середине XIV в. // ВИРА. 1958. 5. С. 233 – 263.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. — М., 1960.

Клибанов А. И. Свободомыслие в Твери в XIV – XV вв. // ВИРА. 1958. С. 231 – 260.

Клосс Б. М. Тверская агиография XIV – XVI вв. // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии. С. 173 – 348.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь,1994.

Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871.

Козлова Н. Р. Тверская Русь // Русская история. 2011. № 1–2. С. 32–35.

Колосов В. И. Преподобная княгиня Анна Кашинская // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь 1906. Отдел 3. С.81–121.

Колосов В. И. К истории Тверского музея // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. Отдел 2. С. 335 – 347.

Колосов В. И. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1904.

Колосов В. И. Родина Святителя Арсения, епископа Тверского (1390 – 1409). Тверь, 1904.

Колосов В. И. Стерженский и Лопастицкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжьи. Тверь, 1890.

Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976, т. 30, С. 27–57.

Конявская Е. Л. Дмитрий Михайлович Тверской в оценке современников и потомков //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 16–22.

Конявская Е. Л. Повесть о Плаве и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь, № 28 (2007), С. 81 – 95.

Конявская Е. Л. Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26).

Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 14–25.

Конявская Е. Л. Ранняя повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского // Древняя Русь. № 17. 2004. С.70–84.

Конявская Е. Л. Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения // Средневековая Русь. 2007. № 7. С. 317–338.

Конявская Е. Л. Тверское владычное летописание конца XIII–XIV в. // Средневековая Русь. 2011. № 9. С. 139–152.

Красноперов И. М. Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII веке. // ЖМНП. Часть CCCXXXV. СПб., 1901.

Круглова А.Р. Произведения шитья тверской великокняжеской светлицы // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2007. № 4. С. 48–54.

Крупович Маврикий. Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений, от 1387 до 1710 года. Ч.1. Вильна, 1858.

Крылов. Л. Материалы для истории церквей и монастырей г. Калязина и сел Калязинского уезда. 1908.

Крылов И. Достопримечательности в уезде. Старица. Типография Крылова, 1916. Вып. 2.

Кункин И. Я. Город Кашин. Материалы для его истории. М. 1903–1905. Вып.1-2.

Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII – XV веков (по материалам археологических исследований 1993 – 1997 говов). СПб., 2004

Кучкин В. А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 209–230.

Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра // ТОДРЛ т. 18. 1962.

Кучкин В. А. Территория Тверского Великого княжества в XIV веке // Кучкин В. А Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. Гл. 4. М., 1984.

Кучкин В. А., Флоря Б. Н. Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV–XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 186–201.

Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. Отв. Ред. В. Ф. Дубровина. М., 1969. С. 243 – 251.

Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. 1999. № 2. С. 116–163.

Кучкин В. А. Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. М. 1976. С. 102 – 112.

Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986.

Лазарев. В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000.

Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения (Этюд по истории провинции Московского государства). М., 1893.

Лапшин В. А. Место Твери в политической структуре Северо-Восточной Руси XIII–XV веков // Культурное наследие Российского государства. Вып. VI. Часть 1. СПб., 2014.

Лапшин В. А. Тверь в XIII – XV веках. Автореферат на соискание степени доктора исторических наук. СПб., 2011.

Лапшин В. А. Тверь в XIII – XV веках (по материалам раскопа Тверской кремль 11, 1993 – 1997 гг.). СПб., 2009.

Лапшин В. А. Тверь в XIII – XV веках (по материалам раскопок 1993 – 1997 гг). Спб., 2009.

Лапшин В. А. Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2005. № 33. С. 31–37.

Лебедев А. Описание Кашинского Сретенского женского второклассного монастыря и его Пустынно-Кладбищенской церкви Тверской епархии. Тверь, 1866.

Лебедев А. Описание Троицкого Колязина мужеского первоклассного монастыря Тверской епархии. 1867.

Ленхофф Г. Д. Мартин Дж. Б. Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. 47. С. 95 – 121

Леонид (архим.) [Кавелин Л. А.].Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель преподобный Левкий // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, кн. 12. Отдельно: М., 1870.

Леонид (архим.) [Кавелин Л. А.]. Клинская Изосимовская пустынь и ее акты. М., 1877.

Лихачев Д. С. Областное летописание XII – XIII вв. // Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое изначение. М.-Л., 1947 С. 280 – 288.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.

Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства CLXVIII. 1908.

Лурье Я. С. Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1958. С. 126–142.

Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974, т. 29, С. 50–67.

Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV века // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 294–298.

Лурье Я. С. О мировоззрении Афанасия Никитина // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб. 2011.

Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. 1979, т. 34.

Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1939. Серия: исторические науки. Сер. 36. Вып. 3. С. 85–109.

Любарский Я. Н. Царь-мим (К проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М., 1989.

Маланин И. Д. Каменный крест из Калининской области // Советская археология. 1980 г. № 4.

Макаренка Н. Е. Поездка 1903 г. по верхнему течению реки Волги (с 46 рис.) // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С.79 – 100.

Макарова Т. И., Николаева Т. В.. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря. // Советская археология. 1976 г., № 4.

Малицкий Н. В. К вопросу о датировке Тверских врат Александровой слободы // ИГАИМК, т. 5.

Малыгин П. Д. Историческая география Тверской области: опыт комплексного подхода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 3. С. 124–134.

Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 116–128.

Манухина Т. Святая благоверная княгиня Анна Кашинская. Париж, 1954.

Матвеев В. И. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878.

Материалы для истории упраздненных монастырей Тверской епархии. Тверь, 1903.

Материалы по истории Тверской епархии. Ч. 1. Упраздненные монастыри Тверской епархии. Тверь, 1898.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира. М. 1955.

Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.

Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского (К истории борьбы за Кашин в период сложения русского централизованного государства) // КСИА. 65. М. 1956. С.55–68

Милонов Н. П. Археологические разведки в Тверском кремле // ПИДО. 5. № 9–10. М.-Л., 1935. С. 145–155.

Милонов Н. П. Тверская печать XV в. // СА, Вып. VIII, 1946 г.

Митропольский А. А. Историческое сказание о подвижнической жизни преподобнаго Савватия Тверского и Оршинскаго и об основанном им монастыре, называвшемся его именем, где ныне село Савватьево Тверского уезда. Тверь, 1899.

Михаил Тверской: Личность, эпоха, наследие. Материалы международной научной конференции, посвященной 725–летию со дня рождения Михаила Ярославича – великого князя Тверского и Владимирского (г. Тверь, 27–29 ноября 1996 г.). Тверь, 1997.

Михайлова И. Б., Ефимова М. В. Москва и Константинополь в княжении Дмитрия Донского: новый Царьград // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2010. № 4. С. 3–15.

Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. № 10. Л., 1930.

Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 26 – 40.

Некрасов А. И. Церковь Белая Троица в Твери. Тверь, 1900.

Никишин И. И. Наральник из городища Городня на Волге // КСИИМК. М. 1947. №14. С. 115–120.

Николаева С. Ю. «Житие Михаила Ярославича Тверского» как литературный памятник // Дни славянской письменности и культуры. Тверь, 1997. – Вып.3. С.15–19.

Николаева Т. Ю. О сюжете изображений на рогатине великого князя Бориса Александровича // Памятники культуры. Новые открытия. 1975 г. М., 1976.

*Новиков А. В***.** Надгробие конца XV–XVII вв. Из раскопок у церкви Алексея–человека Божия на затьмацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Тверь, 1999.

Овсянников Н. Н. О новгородско–тверском рубеже в связи с направлением новгородских путей. Тверь, 1903.

Овсянников Н. Н. По поводу присоединения Твери к Москве и участия тверских бояр в этом событии. Тверь, 1892.

Овсянников Н. Н. Указатель тверской старины. Тверь, 1903.

Овсянников Н. Н. О Новгородском и Московском культурном влиянии на Тверь в эпоху самостоятельности Тверского княжества // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10 – 20 августа. Тверь 1906. Отдел 2, С. 29 – 67.

Описи древним грамотам и другим документам, хранящимся в архиве первоклассного Троицкого Колязина монастыря. Тверь, 1891.

Орешников А В. Древнейшее изображение двуглавого орла (Материалы по русской нумизматике до царского периода) // Труды Московского нумизматического общества, Вып.2, т.1, М. 1899, С. 12 – 14.

Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896.

Оршин монастырь Тверской епархии. Сказание о найденных древних богослужебных вещах. М., 1846.

Отрочь монастырь в г. Твери. 1894.

Памятники древнерусского канонического права. Часть первая. СПб., 1880.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Первухин Г. П. О тверских иерархах. Тверь, 1901.

Платон, архимандрит. Историческое и статистическое описание Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь, 1852.

Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.

Подобедова О. И. К истории создания тверского списка хроники Георгия Амартола. М., 1963.

Покровский В. И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. (т. 1, Тверь, 1879).

Полехов С. В. Государственный переворот в Великом Княжестве Литовском // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 35–48.

Попов А. Историко-литературной обзор древне-русских полемических сочинений против латинян. М. 1875. 418 с.

Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI веков. М., 1979.

Попов Г. В. Кашинский чин и культура Твери середины XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.

Попов Г. В. Новый памятник круга Буслаевской Псалтири (из истории деятельности великокняжеской рукописной мастерской 1480-х годов) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М., 1983.

Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI века (живопись, миниатюра) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. [т. 5].

Попов Г. В. Тверская икона XIII–XVII веков. СПб., 1993.

Порфирьев И. Я. Апокриифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС, т. 52, № 4.

Поссевино А. Московия // Исторические сочинения о России XVI в. МГУ. 1983.

Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854.

Преподобнаго Иосифа Волоколамскаго отвещание любозазорным и сказание вкратце о святых отцех бывших в монастырех иже в Рустей земли сущих // ЧОИДР., 1847., № 7.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

Приселков. М. Д. Великокняжеский свод 1305 года, составленный в Твери; Великокняжеские своды 1318 г. и 1327 года составленные в

Твери // Приселков. М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 159 – 168.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, С. 159.

Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи//ТОРДЛ, Л., 1974, т. 28, С. 77–98.

Путилов Б. Н. Песня о Щелкане // Русский фольклор. 1958. Т. III. С. 46 – 58.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852.

Рикман Э. А. Города Тверского княжества и сухопутные дороги // Культура Древней Руси. М., 1966.

Рикман Э. А. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 39 – 50.

Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. М., 1951. Вып. 41. С.71 - 86

Рикман Э. А. Топография Кашина XIV – XV вв. // КСИИМК. М., 1949. Вып. 30. С. 62–70.

Рогов Л. И. Русские рукописи государственного музея Татарской АССР в Казани // АЕ за 1959 год.

Розенфельдт Р. Л. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. 1962, № 3.

Романов Б. А. Родина Афанасия Никитина // Хождения за три моря Афанасия Никитина. М., 1948. С. 80–106.

Романченко Н. Ф. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т.1.

Российская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1888.

Рубцов М. В. Деньги Великого княжества Тверского // Труды Второго тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. Отдел 2. С. 83 – 315.

Рубцов М. В. Деньги Великого княжества Тверского. Археолого-нумизматический опыт из истории Тверской культуры XIII – XV в. Тверь, 1904. 234 с.

Рубцов М. В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XVII в. Тверь, 1900.

Рубцов М. В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV–XVI веках. Тверь. 1905.

Рубцов М. В. Св. Никола над ручьем в Твери // Тверская Старина. 1911, №№ 5–8.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1880.

Рындин И. Ж. Удельная система на Руси во времена противоборства Твери и Москвы и в правление Ивана Калиты (1304 – 1340 гг.) // Российский научный журнал. 2011. № 21. С. 3–11.

Рындина А. В. Малоизвестный памятник тверского искусства XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.

Салимов А. М. Каменное строительство в тверском Отроче монастыре во второй половине XV – XVI вв. // Вестник славянских культур. 2010. Т. 18. № 4. С. 74–83

Салимов А. М. К проблеме архитектурных взаимосвязей Новгорода и Твери в XIV веке // Города Верхней Руси. Истоки и становление (материалы научной конференции). Торопец, 1990. С. 109–111.

Салимов А. М. Об одной загадочной постройке в центре Тверского кремля // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 2. С. 46–54.

Салимов. А. М. Тверские ротонды // Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. 2003. С. 288 – 314.

Салимов А. М., Романов В. В., Романова Е. А. Тверской епископ Евфимий Вислень и церковь Николы «Над ручьем» // Вестник славянских культур. 2011. Т. XXII. № 4. С. 95-108.

Салимов А. М. Тверской Спасо–Преображенский собор. Тверь, 1994.

Салмина М. А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ т. 56. СПб. 2004.

Салмина М. А. Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго // ТОДРЛ, т. 25, М.-Л., 1970.

Седельников А. Д. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению // Художественный фольклор. М. 1929. Т. 4–5. С. 36 – 52.

Седов Вл. В. Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне // Новгородские древности. Вып. IV. Сборник статей. М., 1993. С.62–69.

Селезнёв Ю. В. Князья тверского княжеского дома при дворе ордынского хана // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 56–69.

Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житии Михаила Тверского» http://elibrary.ru/item.asp?id=12579939 // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 112–114.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

Симсон П.Ф. Кое-что об остатках древностей, находимых в Старице и ее окрестностях //Тверская старина. 1911. № 4.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1-2, Л., Наука, 1988.

Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. «Языки славянских культур». М., 2006.

Соколов А. Святый благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверский. Тверь, 1864. 154 с.

Соколов И. И. К вопросу о тверских берестяных грамотах // СА, 1971 г., № 3.

Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его поставления до конца XV века. Киев., 1913.

Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, Царя русьскаго» // ТОДРЛ. т. 17 М.-Л., 1961.

Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея // ЧОИДР 1890 кн. 4; 1891 кн. 1.

Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472. СПб., 1857.

Сторожев В. Н. Дозорная книга города Твери 1616 года. Тверь, 1890.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских и церквей. СПб., 1877.

Тараканова С. А. Археологические работы в Городне на Волге в 1944 г. // КСИИМК. М. 1947. 14 С. 110–115.

Тараканова С. А. Раскопки поселения «Городня на Волге» // КСИИМК. М. 1948. 19. С.46 – 51

Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого княжества тверского // ВИ. 2008. № 5. С. 127–135.

Тверская старина. Ежемесячный исторический журнал (с № 2, 1912 – без слова «ежемесячный»). Старица (Тверская губерния). 1911–1913. Ежемесячно, далее 6 раз в год, с картами и планами. Ред.: А.Н. Вершинский

Тверские акты. Тверь, 1897.

Тверские епархиальные ведомости.

Тверские летописи: Древнерусские тексты и переводы. Тверь, 1999.

Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь,1994.

Тверской патерик. Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань. 1908. 223 с.

Тиганова Л. В. Повесть о Софье Ярославовне Тверской // Записки отдела рукописей. М., 1972. Вып. 33. С. 253 – 264.

Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. № 12. С. 279 – 282.

Тихонравов. Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863., т. 1

Токмаков И. Ф. Сборник материалов для исторического описания святынь и священных достопамятностей Тверской епархии // Тверские Епархиальные Ведомости. 1883. Ч. неоф. № 1. С. 25–31; № 2. С. 57–60.

Токмаков И. Ф. Сборник материалов для истории и археологии по Тверской губернии. Тверь, 1892.

Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в её иконе. М. 1991. 112 с

Трубецкой Н. С. «Хожение за три моря» Офанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. М., 1983. С. 437 – 461.

Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., «Гнозис», 1994.

Федотов Г. В. Святые Древней Руси. М., 1990.

Филатов В. В. Фрагмент фрески церкви Рождества Богородицы в селе Городня // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV – XVI вв. М., 1970.

Финкельштейн В. Летопись Твери. Тверь, 1996. 528 с., ил.

Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Сочинения в 4-х тт. М., 1996., т. 2.

Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281 – 290.

Хафизова О. Р. К вопросу об авторстве «Предисловия летописца Тверского княжения» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 1. С. 88–98.

Хафизова О. Р. Роль заимствований в произведении тверского книжника XV в. «Слово похвальное инока Фомы» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2008. № 1. С. 30–37.

Хворостова Е. Л. Успенский собор Отроча монастыря в Твери (проблемы реконструкции) // Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. 2. Тверь, 2001.

Холмогоров В. И. Материалы для истории, археологии и статистики церквей г. Ржева и его уезда с г. Осташковым и его уездом // Журнал 39 заседания ТУАК. Тверь, 1892.

Хождение на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века., М. 1981.
Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466 – 1471. М.–Л., 1958.
Чередеев К. Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859.
Черепнин Л. В. Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 37 – 53.
Чернецов А. В. К изучению эволюции архирейского посоха и его символики (так называемый посох Никиты Новгородского) // СА 1991 № 3.
Чернецов А. В. Резная рукоять сабли из Твери // КСИА. 183. М., 1986. С. 49 – 55.
Чернецов А. В. Три резных посоха 15 века // СА, 1980, № 2.
Черникова Т. В. Россия и Европа в XV – начале XVI вв. Точки соприкосновения и заимствования // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3. С. 35-50.
Черных Н. Б., Карпухин А. А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX вв. // Российская археология. 2004 г. № 3. С. 68 –78.
Чернышов А. В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь, 1996. 304 с.
Членова Л. Г. Древнерусская икона XIII в. «Борис и Глеб» из Киевского музея русского искусства // Восточноевропейский археологический журнал, 3(16) май–июнь 2002.
Шалина И. А. / Науч. ред. и сост./ «Стенное письмо строения великих князей Тверских». Фрески церкви Рождества Богородиц в Городне М., 2015.
Шамбинаго С. К. Литература Тверского княжества XIII – XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.-Л., 1946. С. 97 – 100.
Шамбинаго С. К. Литература Тверского княжества XIV – XV вв. // История русской литературы. 2. Ч. 1. М.-Л., 1946. С. 241 – 244.
Шатров С. А., Хворостова Е. Л. Средневековая Старица (промежуточные итоги и создание градостроительно-

археологической подосновы) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып 4. 2001.

Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Императорское Общество русского языка и словесности, 1897, кн. 3, т. 2.

Шахматов А. А. Лаврентьевская летопись // Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. С. 9 – 38.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.-Л., 1938.

Шахматов А. А. Отзыв об издании Н. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном князе Борисе Александровиче». СПб. 1909. // Отчеты о заседании Императорского общества Любителей Древней Письменности. Памятники древней письменности и искусства. № 176.

Шебякин А. П., Крылов И. П. Раскопки в Старице 1903 года // Труды второго Тверского археологического съезда 1903 года 10 – 20 августа. Тверь, 1906. Отдел 2. С. 447 – 464.

Шляков Н. Житие св. Алексея митрополита московского в пахомиевской редакции // ИОРЯС. СПб., 1914, т. 19, кн. 3.

Штыков Н. В. Аппарат управления тверских князей в XV в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3–2. С. 315–321.

Штыков Н. В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII–XV вв. // Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 131–195.

Штыков Н. В. К истории внутренних конфликтов в тверской земле в середине XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 129–130.

Штыков Н. В. К истории формирования восточного рубежа Тверской земли во второй половине XIII века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 182–193.

Штыков Н. В. Тверская земля при князе Дмитрии Михайловиче: особенности политического развития // Призвание – история. Сборник научных статей к 55-летию Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 128–141.

Штыков Н. В. Тверь и ее округа в эпоху средневековья: историографический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3–1. С. 194–197.

Шумаков С. А.Тверские акты. Вып.1.Тверь,1895.

Яковлев А. А. Политика и политическая культура в России во второй половине XV века // Вопросы гуманитарных наук. 2011. № 2. С. 138–148.

Alef G. The political significance of the inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasilij II (1425 – 1462) // Speculum. 1959. 34. P. 1 – 19.

Alef G. The Adoption of the Muskovite Two-Headed Eagle: a Discordant View // Speculum. 1966. 41. P. 1 – 21.

Boulton D'A. J. D. The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325–1520. Boydell Press, 2000.

Cherniavsky M., Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // JoHI, 20/4, 1959. P. 459-476.

Dujcev I. Les miniatures de la Chronique de Manasses. Sofia, 1963.

Fennel J. L. I. The Tver Uprising of 1327. A study of the sources // JGO N. F. 1967. № 15 P. 161 – 179.

Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in dem russischen Geschichte Forüberlegungen fur eine künftige Untersuchung // FzoG. 1978. Bd. 25. S. 75 – 107.

Halperin, C. J., «Russia and Mongol Empire in Comparative Perspective» // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 43, No. 1 (Jun., 1983), P. 239-261.

*Halperin, C. J.,*Text and Textology: Salmina's Dating of the Chronicle Tales about Dmitrii Donskoi // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 79, No. 2 (Apr., 2001).

Halperin Ch. J. Tverian political Thought in the Fifteenth Century // Cahiers de monde russe et sovietique. 1977. Vol. 18, №3, P. 267 – 273.
Kirchner W. The Voyage of Athanasius Nikitin to India 1466 – 1472 // American Slavic and East Europe Review. 1946.№ 5. P. 46 – 54.
Lenhoff, G., Martin J. The Commercial and Cultural Context of Afanasij Nikitin's Journey Beyond Three Seas' JGO 37/3(1989). P. 321–344.
Miller D., Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138–1462, AHR, 94/2 (1989). P. 360–390.
Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations //Dumbarton Oaks Papers, Vol. 11 (1957).
Vasudevan H. The Solitude of Afanasii Nikitin in his «Voyage over the Three Seas» // India International Centre Quarterly, Vol. 30, No. 3/4, P. 74–88.
Vodoff W. La place du grand-prince de Tver dans les structures politiques russes de la fin du XIVe et du XVe ciècle // FzoG. 1980. Bd. 27. P. 32 – 69.

Сокращения:

АЕ – Археографический ежегодник
ВВ – Византийский Временник
ВИ – Вопросы истории
ВИРА – Вопросы религии и атеизма
ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности
СА – Советская археология
ТОДРЛ – Труды отдела древней русской литературы
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
ГИМ – Государственный Исторический Музей
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
МИАР – Музей им. Андрея Рублева
МАО – Московское Археологическое Общество
EEQ – East European Quarterly
FzoG – Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
JGO N. F. – Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Neue Folge.
JfGO – Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas
JoHI – Journal of the History of Ideas
RES – Revue des Etudes Slaves
RH – Russian History
RR – Russian Review
SR – Slavic Review
SEER – Slavonic and East European Review

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+» предлагает:

📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
- ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
- ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
- ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.

📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
- ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.

📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.

📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».

✦ **Набор, верстка, корректура и редактура текстов.**

✦ **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**

– **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: *Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8 А*

тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)

http://www.sputnikplus.ru e-mail: print@sputnikplus.ru

Научное издание

Монин Максим Александрович

ПЛАНЕТА ТВЕРЬ
КУЛЬТУРА ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ (1247–1485 гг.)

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00).
Подписано в печать 16.09.2016. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,81. Заказ 900.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +».